

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023 Том 29 № 3

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 276. Л. 126–127.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Под ред. К.А. Левинсона, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. *Харламов Н.А.* Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издат. и консалт. группа «Праксис», 2012. С. 7–58.
4. *Калинин С.Ю.* Библиографический аппарат научной работы // Библиография. 1993. № 2. С. 36–45.
5. *Silverman D.* Telling convincing stories: A plea for cautious positivism in case-studies // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences / Ed. by V. Glassner, J. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 57–77.
6. *Utz S.* Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // Journal of Online Behavior. 2000. Vol. 1. No. 1 [online]. Accessed 10.04.2001. URL: <http://www.behavior.net/JOV/v1n1/utz.html>
7. *Яницкий О.Н.* Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН; О.Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.12.2012. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» — <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Факс: +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. ТОМ 29. № 3

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.3

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.Ю. Мягков

- 8–28 Сенситивные исследования:
опыт ретроспективного анализа
и концептуализации

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Е.С. Богомякова, Е.А. Орех, М.Е. Глухова

- 29–48 Телемедицина в российских мегаполисах:
проблемы и перспективы

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

А.В. Меренков, И.Г. Полякова

- 49–69 Теоретические подходы к изучению мотивации
суррогатного материнства

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

О.Д. Стребков

- 70–92 Самопрезентация и успех на цифровых платформах
на примере рабочих, занимающихся строительством
и ремонтом

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Н.А. Малинкин

- 93–108 С.Л. Франк на пути к социальной философии.
Опыт сравнительного анализа
(Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер)

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

И.Н. Тартаковская

- 109–122 «На профессиональном пути со мной остался урок Батыгина — всегда проверять себя на обоснованность выводов» / Интервью подготовил Д.М. Рогозин

К 85-летию Г.Е. Зборовского

Б.З. Докторов

- 123–131 Человек, который чувствует, ценит и изучает Время. Профессору Г.Е. Зборовскому — 85 лет

К 100-летию В.Н. Шубкина (1923–2010)

Я.У. Астафьев, Е.Д. Вознесенская, О.Ф. Фирсова

- 132–145 Вспоминая сегодня Владимира Шубкина

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А.В. Шипилов

- 146–161 Возможно ли существование общества без развития?

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

А.Л. Темницкий

- 162–177 Потенциал использования метода типологического анализа в социологической диагностике социальных феноменов

Э.Г. Задорожнюк, Ю.В. Калинина

- 178–190 [Рец. на кн.] Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023. VOL. 29. No. 3

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.3

THEORY AND METHODOLOGY

Myagkov, A. Yu.

- 8–28 Sensitive Research: a Trial of Retrospective Analysis
and Conceptualizations

SOCIOLOGY OF MEDICINE

Bogomiagkova, E.S., Orekh, EA., Glukhova, M.E.

- 29–48 Telemedicine in Russian Megacities:
Problems and Prospects

SOCIOLOGY OF FAMILY

Merenkov, A.V., Polyakova, I.G.

- 49–69 Theoretical Approaches Towards Studying
Motivation for Surrogate Motherhood

SOCIOLOGY OF LABOR

Strebkov, D.O.

- 70–92 Self-presentation and Success on Digital Platforms
by the Example of Construction and Repair Workers

HISTORY OF SOCIAL THOUGHT

Malinkin, A.N.

- S.L. Frank on the Path to Social Philosophy:
93–108 Experience of Comparative Analysis:
G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

Tartakovskaya, I.N.

- 109–122 “Batygin’s Lesson stuck with me
on my Professional Path — Always Check Yourself
to Make Sure your Conclusions Can Be Substantiated”.
Interview Prepared by D.M. Rogozin

*TO THE 85TH ANNIVERSARY
OF PROFESSOR G.E. ZBOROVSKY*

Doktorov, B.Z.

- 123–131 A Person that Feels, Values, and Studies Time.
Professor Garold E. Zborovsky is 85 Years Old

*TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF PROFESSOR V.N. SHUBKIN (1923–2010)*

Astafiev, Ya.U., Voznesenskaya, E.D., Firsova, O.F.

- 132–145 Today we Remember Vladimir Shubkin

INVITATION TO DISCUSSION

Shipilov, A.V.

- 146–161 Is it Possible for a Society to Exist Without Development?

REVIEWS, SUMMARIES

Temnitskiy, A.L.

- 162–177 The Potential for Using the Method of Typological Analysis
in the Sociological Diagnostics of Social Phenomena

Zadorozhnyuk, E.G., Kalinina, Yu.V.

- 178–190 [Rev.] Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O.
Vosproizvodstvo Spetsialistov Intellektual’nogo Truda:
Sotsiologicheskii Analiz. [Reproduction of Specialists
in Intellectual Labor: Sociological Analysis.]
Moscow: FNISC RAN publ., 2023

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1

EDN: BKJOVE

А. Ю. МЯГКОВ¹

¹ Ивановский государственный энергетический университет.
153003, Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, корп. А.

СЕНСИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблемы чувствительности в опросных исследованиях. Представлен ретроспективный анализ становления и развития той области научного знания, которая в западной социологии в 1990-е гг. получила название «чувствительные исследования». Дается краткий исторический очерк изучения чувствительной проблематики с акцентом на наиболее выдающиеся школы в мировой социологии и наиболее авторитетных авторов, внесших заметный вклад в изучение данной темы (представители Чикагской школы, А. Кинси, С. Уорнер, Г.З. Беккер, Р. Ли, К. Рензетти, Р. Туранжо, Т. Ян и др.). Критически анализируются ранние и современные концептуализации чувствительности, показаны слабости и недостатки как расширительных (Дж. Зибер и Б. Стэнли), так и ограничительных (Н. Фарбероу) трактовок данного понятия. В качестве альтернативы рассматривается многофакторный подход, разработанный Р. Ли и К. Рензетти, учитывающий различные типы угроз, детерминирующих чувствительную природу задаваемых вопросов и получаемых ответов. Обсуждается социальная природа чувствительности. Показано влияние социокультурного контекста и особенностей восприятия вопросов респондентами на результаты опросных исследований. Анализируются также наиболее опасные эффекты, деструктивно влияющие на качество эмпирических данных: отказы от участия в исследовании, пропуски вопросов (неответы) и социально желательные (неискренние) ответы. Выявляются факторы, вызывающие эти эффекты, предлагаются методы, способствующие их нейтрализации. В заключение сделаны выводы о социокультурной обусловленности вопросной чувствительности, ее контекстуальном и ситуативном характере.

Ключевые слова: чувствительные исследования; чувствительные вопросы; социальная желательность; интрузивность; неискренние ответы; методы идентификации чувствительных вопросов.

Для цитирования: Мяков А. Ю. Сенситивные исследования: опыт ретроспективного анализа и концептуализации // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 8–28. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1 EDN: BKJOVE

Введение

Интенсификация социальных процессов во всем мире, наблюдаемая в последние десятилетия, существенно меняет содержание и тематику исследований, проводимых в социальных науках. В настоящее время социологам все чаще приходится обращаться к изучению таких вопросов и тем, которые еще совсем недавно считались неприличными для публичного обсуждения и выносились за рамки научного дискурса. В фокусе внимания исследователей сегодня находятся не только «старые», ставшие уже традиционными, вопросы (например, употребление алкоголя и наркотиков, рискованное сексуальное поведение и коррупция), но и новые темы, открывающиеся в совершенно неожиданных проблемно-тематических областях: потребление деликатных услуг косметической хирургии [28], употребление допинга профессиональными спортсменами [44], отношение к гражданской войне на Донбассе [43], мульти- и трансгендерная проблематика [42] и др. Такие исследования принято называть сенситивными¹ не только потому, что они вызывают болезненные реакции у респондентов (чувства страха, тревоги, смущения и т. п.), но и потому, что собираемые в них эмпирические данные чрезвычайно чувствительны к любым эмоциональным импульсам опрашиваемых и подвержены трудно контролируемым смещениям. Между тем важное значение сенситивных исследований состоит в том, что они «освещают самые темные уголки современных обществ» [29, р. 2] и позволяют нам «услышать голоса, которые мы никогда не смогли бы услышать», если бы такие исследования не проводились [21, р. 4418].

Проблема сенситивности имеет два основных взаимосвязанных аспекта. Первый, *концептуальный*, требует обращения к целому ряду вопросов, связанных с определением, классификацией и идентификацией сенситивных тем, а также с уяснением последствий их предъ-

¹ В современной русскоязычной и англоязычной социологической литературе используется множество различных синонимов термина «сенситивный» (“sensitive”) применительно к задаваемому вопросу, теме или исследованию. Наиболее распространенными из них, на наш взгляд, являются следующие: деликатный, острый, устрашающий, угрожающий, чувствительный, болезненный, стрессогенный, стигматизированный, смущающий, потенциально опасный, «чрезмерно личный», беспокоящий, причиняющий неудобство [6] и, наконец, не самый удачный термин со многими и очень разными значениями — шепетильный. О случае его использования в социологической литературе в качестве универсального заменителя для всех указанных выше терминов см.: [1].

явления в опросном исследовании. Второй аспект, *методологический*, предполагает поиск и установление наиболее эффективных методов, приемов и процедур работы с чувствительными вопросами, позволяющих, с одной стороны, минимизировать психологический вред, наносимый всем участникам исследования, а с другой — существенно снизить риск получения неискренних ответов. Ретроспективный взгляд на эти принципиально важные аспекты дает возможность глубже понять обсуждаемые проблемы. Именно поэтому мы предваряем рассмотрение концептуальных и теоретических вопросов чувствительности кратким историческим экскурсом становления и развития той области социологической методологии, которая получила название чувствительных исследований.

Чувствительные исследования: краткий исторический экскурс

Чувствительные исследования — тема столь же старая, как и сама социальная наука. Еще на заре становления эмпирической социологии, в 1920–1930-е гг., она была в центре исследовательского интереса представителей знаменитой Чикагской школы. Социологи этой школы были первыми, кто предпринял серьезные социальные исследования по деликатной проблематике, ставшие впоследствии всемирно известными. Большинство изучавшихся ими тем сегодня, без сомнения, считались бы чувствительными. Многие темы касались семьи, дружбы, соседства и часто предполагали получение доступа к частной жизни людей, которые участвовали в этих исследованиях [18]. Однако мировую известность Чикагской школе принесло изучение социальных пороков и девиаций. Исследования проблем бедности, нищеты и бездомности, социального неравенства и маргинализации, суицидального поведения и проституции, преступности и молодежной делинквентности составляют сегодня золотой фонд мировой социологии [5, с. 11–13]. М. Балмер в своей книге отмечал, что методы, которые использовали чикагцы, «отчасти позволяли им обходить стороной те методологические и этические вопросы, которые поднимались в исследованиях чувствительных тем» [13, р. 90].

1940–1950-е гг. ознаменовали собой новый этап в развитии чувствительных исследований, отмеченный прежде всего выдающимися работами А. Кинси и его коллег по изучению сексуальной жизни людей. А. Кинси проводил многочасовые глубинные интервью с респондентами, пытаясь проникнуть в самые потаенные, тщательно оберегаемые уголки личностного мира людей. Интимные откровения простых американцев, впоследствии изложенные автором в двух всемирно известных книгах, посвященных мужской и женской сексуальности, вызвали настоящий шок у пуританской части тогдашнего американского общества. Они положили начало постепенной дестигматизации этой темы и стали предвестниками грядущей сексуальной революции в западном мире [12]. Эксперименты А. Кинси также стимулировали

резкий всплеск интереса социологов к методической проблематике сенситивных исследований. Прологом к разработке эффективных методов, приемов и процедур получения искренних ответов респондентов явилась знаменитая статья Аллена Бартона с символическим названием «Как задавать смущающие вопросы» (1958) [8].

Социальные трансформации 1960–1970-х гг. вызвали целый ряд серьезных изменений в тематике и организации социологических исследований во всем мире. Исследовательские программы все чаще стали включать такие темы, на которые раньше социологи редко обращали внимание из-за их «воспринимаемой сенситивности» [29, р. 13] или слабой представленности в общественной жизни. Однако социальные сдвиги в западных обществах в значительной мере изменили прежнюю ситуацию. Вопросы по таким темам, как безопасный секс и домашнее насилие, употребление наркотиков и злоупотребление алкоголем, коррупция, самоубийства и др., стали обычной практикой в массовых опросах населения.

Развитие сенситивных исследований в эти годы шло одновременно по нескольким основным направлениям. *Первое* из них было представлено так называемой «разоблачающей социологией», опиравшейся на традиции американской критической журналистики и ориентированной прежде всего на расследование и разоблачение злоупотреблений представителей властной элиты. *Второе*, благодаря А. Гоулднеру получившее название «социологии аутсайдеров» (“underdog sociology”) [22, р. 29, 37–38], было связано главным образом с работами Г.З. Беккера [9] и Э.М. Лемерта [33] по изучению социальных девиаций. Описанная как «социология сумасшедших, шлюх и извращенцев» [36] «социология аутсайдеров», по словам А. Гоулднера, нередко романтизировала тех, кого она изучала, но, как бы то ни было, исследования в рамках этой традиции требовали глубокого проникновения в жизненные миры проституток, наркоманов и мошенников. Неудивительно поэтому, что работы в этой области были в значительной мере сфокусированы на проблематике доступа к стигматизированным и обездоленным группам, а также на способах установления доверительных отношений с респондентами [29, р. 14].

Третья новая тенденция в сенситивных исследованиях 1960–1970-х гг. возникла в результате только начинавшегося тогда процесса институционализации качественных методов изучения частной жизни в социологической методологии феминизма. Феминистские исследования с их особыми методологическими принципами, включающими установление неиерархических отношений между исследователем и обследуемыми (“rapport”) [20], а также признание субъективной природы социологического (социально-антропологического) исследования [35], пытались отрефлексировать опыт женщин в отношении к таким вещам, как власть, унижение, подчинение или доминирование

в гендерных коммуникациях. Чтобы понять и объяснить эти вопросы, многие исследователи обратились к изучению личного опыта женщин. Анализ качественных исследований, основанных на феминистской методологии, демонстрирует широкий спектр особо чувствительных тем, таких как изнасилования и домашнее насилие, женское здоровье и болезни и др. [18].

И наконец, *четвертое* набиравшее силу направление было связано с активными поисками новых, более эффективных методов, приемов и процедур работы с чувствительными вопросами в рамках количественной методологии. Проблемно-тематическая переориентация массовых опросов и актуализация чувствительной проблематики в 1960-е гг. во весь рост поставили перед исследователями проблему надежного обеспечения субъективной анонимности респондентов при обсуждении с ними личных, стигматизированных или социально табуированных вопросов и тем. Простые напоминания о конфиденциальности проводимого опроса, устные или письменные гарантии анонимности уже не воспринимались отвечающими и не стимулировали их к самораскрытию. Методы прямого предъявления деликатных вопросов были бессильны перед искушением самопрезентационных интенций и социально желательных ответов. В решении этой, прежде казавшейся нерешаемой, проблемы 1965 г. стал переломным. Методы рандомизированного ответа (модели RRT), предложенные С. Уорнером [51], произвели настоящую революцию в методологии чувствительных исследований, положив начало мощной волне методических инноваций в данной области.

Последние три-четыре десятилетия (1980–2000-е гг.) отмечены, с одной стороны, появлением все новых тем чувствительного характера в проблемно-тематическом репертуаре зарубежных социологов (рискованное сексуальное поведение, заболеваемость СПИДом, социальная дистанцированность в условиях COVID-19, нелегальное потребление ресурсов дикой природы, гомосексуальность, детские браки, нарушения академической этики и др.), а с другой — изобретением и тестированием нового класса косвенных, в том числе нерандомизированных, методов получения искренних ответов респондентов.

Вместе с тем нельзя обойти стороной еще одну важную тенденцию этого периода: именно в ранних 1990-х гг. происходит активный процесс «кодификации» под единым названием «чувствительные исследования» всех тех вопросов и тем, которые прежде называли «трудными», «устрашающими» и т. п. [11, р. 69–70]. Первый опыт подобной кодификации был опубликован в специальном выпуске журнала *American Behavioral Scientist* в 1990 г. [31], а позднее, уже в расширенном виде, — в известном сборнике под редакцией К. Рензетти и Р. Ли в 1993 г. Темы сборника включали насилие над детьми, религиозные культы, неформальную экономику, СПИД и др. В последующие годы эта кодификация была дополнена работами Р. Ли по чувствительным ис-

следованиям и опасным полевым работам [29; 30], а также блестящей коллекцией кейс-стади по сенситивным темам, изданной Дж. Ли-Тревик и С. Линкогль [32].

В настоящее время сенситивная тематика становится все более востребованной и актуальной как в академической социологии многих стран мира, так и в деятельности различных опросных организаций. Социологи собирают данные, касающиеся частного, нелегального и антисоциального поведения, а также экстремальных установок. Например, немецкий ALLBUS (Общенациональный социологический опрос) спрашивает респондентов о таких правонарушениях, как неуплата за проезд в общественном транспорте, вождение в состоянии алкогольного опьянения, уклонение от уплаты налогов, воровство в магазинах. В Соединенных Штатах Америки социологи в рамках Национального опроса по проблемам употребления наркотиков и здоровья населения (National Survey on Drug Use and Health, NSDUH) и Общесоциального опроса (General Social Survey, GSS) спрашивают респондентов о таких сенситивных проблемах, как наркопотребление и сексуальные привычки. В GSS американцам задаются вопросы, касающиеся такой крайне деликатной темы, как проституция («Начиная с Вашего восемнадцатилетия были ли у Вас когда-либо сексуальные отношения с человеком, который Вам платил или которому платили Вы за секс?»). В некоторых опросных исследованиях изучается также распространенность таких социально нежелательных мнений и настроений, как ксенофобия, расизм и антисемитизм [26, р. 2025–2026; 27, р. 1].

В российской академической социологии и опросной практике сенситивная тематика представлена в значительно меньшей степени, чем в зарубежных исследованиях. Так, например, в журнале «Социологические исследования» за последние пять с половиной лет (2018–2023 гг., 66 выпусков), по нашим подсчетам, было опубликовано 20 статей, посвященных деликатным темам. В журнале «Мониторинг общественного мнения» за тот же период (32 выпуска) таких публикаций было 15. В «Журнале исследований социальной политики» нами было обнаружено 9 статей по сенситивной проблематике, в «Журнале социологии и социальной антропологии» — 3, в «Социологическом журнале» — 2, а в журнале «Социология: 4 М» вышла всего 1 статья².

В массовых опросах населения, проводимых в России ведущими социологическими центрами страны (ВЦИОМ и ФОМ), сенситивные вопросы также задаются крайне редко. При этом концептуальные и теоретические проблемы сенситивности в российской социологической литературе сегодня практически не обсуждаются.

² Нами учитывались лишь те статьи, в названиях которых ключевые слова однозначно указывали на сенситивный характер исследуемой проблематики (например, смерть, употребление алкоголя, самоубийство и т. п.).

Понятие сенситивности

Анализ специальной научной литературы показывает, что в современной социологии нет единого, общепринятого определения сенситивности. Существует множество разноплановых определений, плохо согласующихся между собой. При этом само понятие сенситивности в разных работах относится как к вопросам, темам, исследованиям, так и к целым областям исследовательской деятельности, «включая его импликация для практики и всего исследовательского сообщества» [18].

В ранних концептуализациях 1980–1990-х гг. можно выделить два типа определений сенситивности, которые мы условно называем ограничительными и расширительными.

Первый тип ведет свое начало из 1960-х гг., от известной книги Н. Фарбероу «Табуированные темы», в которой автор фактически отождествлял сенситивные вопросы исключительно с табуированными, являющимися в его понимании эмоционально нагруженными и «провоцирующими страх». К ним он относил такие темы, как смерть, самоубийство, сексуальное поведение, гомосексуальность, религия и др. [19]. Однако, как справедливо замечает Р. Ли, если табу есть сенситивные темы, поскольку они вызывают «чувство трепета и страха» [29, р. 6], тогда сенситивные темы не ограничиваются только табу. Данное определение, по оценке Б. Кондоминеса и Э. Хеннеквин, является «ограничительным и детерминистским, поскольку не обращается к ситуационным факторам, которые могут генерировать чувство уязвимости» [15, р. 6].

Второй тип охватывает чрезвычайно широкие и абстрактные определения. Одна из первых попыток концептуализации такого рода принадлежит Дж. Зиберу и Б. Стэнли, которые предложили более широкий взгляд на сенситивность, выходящий за пределы концепции табу. Они определили «социально сенситивное» исследование как «...имеющее потенциальные последствия или импликация либо непосредственно для его участников, либо для целого класса индивидов, представленных в исследовании» [48, р. 49]. Преимущество этого определения, подчеркивающего «потенциальные последствия», состоит в том, что оно включает в себя темы, которые прежде не считались сенситивными. В то же время определение Дж. Зиберы и Б. Стэнли является очень общим и под него подпадают почти все исследования в социальных науках, как сенситивные, так и несенситивные. Любые исследования имеют свои последствия, однако некоторые последствия могут быть более вредными, чем другие. К. Рензетти и Р. Ли, критикуя эту позицию авторов, определяют сенситивную тему как «интимную, дискредитирующую или инкриминирующую». Социальные исследователи, пишут они, включены в изучение широкого спектра тем, легко подходящих под определение Дж. Зиберы и Б. Стэнли. Например, рождение и смерть, сексуальное насилие, рак, употребление наркотиков и бездомность [46, р. 8].

К. Рензетти и Р. Ли предлагают иное, более точное, по их мнению, определение сенситивного исследования, охватывающее тему, последствия, ситуацию и ряд других аспектов, которые могут возникать в связи с тем, что сенситивное исследование есть «исследование, которое потенциально вызывает существенную угрозу для тех, кто в него (был) вовлечен» [46, р. 4]. Данный подход является более приемлемым, так как предполагает, что сенситивное исследование имеет потенциал влияния на *всех* людей, которые в него включены. Он ориентирует на то, чтобы оценить вред, наносимый исследователям, проводящим опрос, а не только респондентам, участвующим в нем. Согласно К. Рензетти и Р. Ли, вопрос, тема или исследовательская область не могут рассматриваться как сенситивные *per se* (то есть сами по себе). «Исследование обретает сенситивное измерение, — пишут эти авторы, — когда оно начинает генерировать угрозу обследуемым людям, исследователям и всем остальным, кто находится рядом с ними» [46, р. 5].

Р. Ли развивает и уточняет этот подход, предлагая рассматривать сенситивное исследование как «угрожающее» в трех широких областях. В связи с этим он выделяет три типа угроз, возникающих в разных сферах жизни человека и выступающих в качестве индикаторов сенситивности. Первый тип — «*интрузивная угроза*», связанная с вторжением исследователя в такие сферы, которые являются «частными, стрессовыми и священными» [29, р. 4]. Примерами здесь могут быть сексуальные и религиозные практики. Второй тип — это «*угроза санкций*», возникающая, в частности, в исследованиях девиантности, в которых респонденты сообщают стигматизирующую или инкриминирующую информацию о себе. Примерами санкционных угроз могут служить интервью с наркозависимыми людьми, сообщающими исследователю о своем девиантном поведении. Угроза санкций может быть проблемой для тех участников сенситивного исследования, которые опасаются «эксплуатации или унижения» [29, р. 33]. Третий тип угрозы, который может быть навязан сенситивным исследованием, — это «*политическая угроза*». Она возникает, как пишет Р. Ли, в связи с «корыстными интересами сильных мира сего в обществе, когда исследователи посягают на сферы, включающие потенциальные конфликты» [29, р. 4].

Между тем К. Рензетти и Р. Ли в другой работе добавляют еще один, *четвертый, тип угроз*, связанный с вопросами, которые опрашиваемые считают сакральными и которые они боятся десакрализировать. Тем самым эти авторы определили ряд сфер, в которых некоторые исследования будут более угрожающими, чем другие [46, р. 6], если они:

- 1) вторгаются в личную жизнь или препарируют личный опыт;
- 2) касаются девиантности или социального контроля;
- 3) угрожают корыстным интересам властвующих лиц;
- 4) имеют дело с вещами, которые священны для опрашиваемых и которые они не желают десакрализировать.

Таким образом, согласно данному концептуальному подходу, сенситивная природа исследования «коренится не столько в теме как таковой, сколько во взаимосвязи между темой и социальным контекстом, в котором проводится данное исследование» [46, р. 5].

Анализ научной литературы 2010–2020-х гг. показывает, что, к сожалению, теоретические концептуализации и современная исследовательская практика существенно расходятся. Вопрос, что такое сенситивное исследование (вопрос, тема), многие ученые и практики считают самоочевидным, а потому не нуждающимся в строгом и исчерпывающем определении. При этом авторы, работающие в данной области, нередко трактуют понятие сенситивности, опираясь исключительно на здравый смысл и собственную интуицию. В результате научная литература сегодня буквально пестрит обыденными трактовками и определениями, в которых авторы перечисляют чуть ли не все возможные характеристики сенситивности [25, р. 45] или, напротив, сводят данный концепт к какой-то одной из них [16, р. 282; 39].

Вместе с тем с содержательной точки зрения в западной социологии двух последних десятилетий можно выделить три типа определений в зависимости от акцентируемой характеристики исследования: вопрос (тема), участники, потенциальные угрозы. Сторонники *первого типа*, придерживающиеся традиционного, полагаемого сегодня устаревшим и часто критикуемого подхода (см., например: [37, р. 3]), считают, что к сенситивным следует относить исследования, вызывающие у респондентов благодаря особым свойствам задаваемых вопросов сильные эмоциональные реакции («чувства трепета и страха») [14, р. 33]. *Вторая группа* авторов к сенситивным предлагают относить исследования, объектами изучения которых выступают крайне уязвимые (стигматизированные, дискриминируемые, обездоленные, труднодоступные и т. п.) категории населения [34, р. 4–6]. *Третья группа* авторов конституирующим признаком сенситивности вслед за К. Рензетти и Р. Ли называют различные типы рисков и угроз, которые несет в себе данный тип исследования для людей, участвующих в нем [18, р. 11]. Преимущество этого видения проблемы состоит в признании социального характера сенситивности, которая «тесно связана не только с природой самих вопросов, но и с контекстом проводимого исследования». Данный подход, судя по результатам недавних дискуссий в западной социологии, все чаще становится сегодня своего рода «рамкой референции» для многих исследователей сенситивных проблем [37, р. 1–3; 15, р. 6].

Межгрупповые различия в восприятии сенситивности

Социокультурные характеристики опрашиваемой группы следует принимать во внимание при проведении опроса по сенситивной проблематике, поскольку степень сенситивности может варьировать в зави-

симости от специфики обследуемого населения. Различные социальные группы имеют разные нормы и предпочтения. Эти различия создают определенный контекст, в котором тема обычно неопасная может рассматриваться как угрожающая. И наоборот, некоторые группы могут воспринимать поведение, обычно считающееся социально неприемлемым, как вполне приемлемое или даже желательное. В качестве примера влияния культурных особенностей опрашиваемых групп на результаты сенситивных опросов С. Макнили приводит факт глубоких различий в самоотчетах о сексуальном поведении женщин в некоторых африканских странах. Эти культурные различия проявляются в разной степени готовности респондентов сообщать о таком поведении исследователям [38, р. 380]. Например, в Малави добрачное и внебрачное сексуальное поведение стало морально предосудительным из-за эпидемии СПИДа [45]. Поэтому опросы на тему сексуальной активности, проводимые в этой стране, более подвержены различным смещениям, связанным с неответами и неискренними ответами в силу социальной нежелательности такого поведения, чем опросы в других странах.

Культурные взгляды населения или его отдельных страт и сегментов также могут влиять на процесс интервью. Группы из нижних социоэкономических слоев, а также различные меньшинства, как свидетельствуют исследователи, более подозрительно относятся к интервью и участию в нем [39]. Групповое членство и культура могут влиять также на то, принимает ли респондент заверения исследователей в анонимности. Поэтому гарантии анонимности и конфиденциальности для одних групп могут быть более эффективным методом работы с сенситивными темами, чем для других. Более того, культуру населения следует принимать во внимание и тогда, когда мы выбираем метод сбора данных, поскольку использование технических устройств, таких как компьютеры, диктофоны, планшеты и прочие гаджеты, может вызывать у некоторых групп подозрительность [39; 45].

Исследователи должны быть особенно внимательными и аккуратными, когда проводят опросы с детьми и подростками, так как сенситивные темы ставят дополнительные этические ограничения в работе с этими категориями. При проведении очных опросов дети и подростки обычно опрашиваются в присутствии других людей. Однако опросы нередко проходят в школах в присутствии учителей и классных руководителей или дома при членах семьи. В этих условиях у несовершеннолетних могут возникать серьезные опасения, что их ответы будут увидены или подслушаны. Поэтому исследователи, опрашивая эти группы, должны приложить максимальные усилия, чтобы обеспечить приватные условия для своих респондентов. Считается, что подростки и дети подвержены большему эмоциональному влиянию исследовательских вопросов, чем взрослые [38, р. 381]. Тем более что некоторые темы могут быть особенно смущающими для молодых участников.

Идентификация чувствительных вопросов

Поскольку вероятность получения смещенных ответов на чувствительные вопросы велика, любой исследователь крайне заинтересован в том, чтобы заранее знать, является ли изучаемый вопрос чувствительным. Однако квалификация вопроса как деликатного — непростой процесс. Здесь существуют свои концептуальные трудности. Дж. Барнет, в частности, выделяет две обычно используемые интерпретативные стратегии идентификации чувствительных вопросов: 1) *post hoc* интерпретацию и 2) критериальную интерпретацию [7].

Первая предполагает субъективную оценку, когда исследователь и/или респонденты решают, является ли изучаемый вопрос чувствительным. Но такой подход глубоко ошибочен, поскольку никогда нельзя быть уверенным, что респонденты будут разделять исследовательскую интерпретацию чувствительности. Кроме того, могут существовать еще и различия в восприятии чувствительности среди самих респондентов [17, р. 2–3]. Опыт полевой работы показывает, что есть масса случаев, когда исследователь, изначально считая какие-то вопросы или темы чувствительными, в ходе опроса начинает понимать, что это не соответствует его первоначальным представлениям. И напротив, чувствительная природа вопроса, до исследования казавшегося совершенно безобидным, становится очевидной, когда исследование уже началось [15, р. 5].

В отличие от первой, *вторая* стратегия более объективна. Дж. Барнет различает два типа объективных оценочных критериев: эмпирические и теоретические.

Эмпирические критерии предполагают предварительное тестирование вызывающих сомнения вопросов в полевых условиях, а также проведение специальных методических экспериментов, основанных на принципе “split-ballot”, или «расщепленной выборки». Двум равным по численности и структуре группам респондентов предлагается ряд вопросов, подлежащих проверке на чувствительность. В контрольной группе опрос проводится с использованием различных методов обеспечения анонимности опрашиваемых, а в экспериментальной группе респонденты отвечают в условиях «открытой идентичности». Вопросы признаются чувствительными, если участники с незащищенной анонимностью продемонстрируют значительно большее число неискренних ответов [38, р. 377–378].

Р. Туранжо и Т. Ян для определения чувствительности используют теоретические критерии. Они считают, что чувствительность вопроса можно определить исходя из оценки следующих его характеристик: интрузивность, угроза раскрытия и социальная нежелательность [49, р. 860].

Вопросы являются чувствительными в *интрузивном смысле* тогда, когда они затрагивают «табуированные» темы, неприличные для повседневного обсуждения. Такие вопросы считаются нарушением приватности независимо от того, каким будет правильный ответ ре-

спондента. Это значение сенситивности главным образом детерминировано содержанием вопроса, а не ситуативными факторами, такими как где этот вопрос задается и кому он адресован. К этой категории относятся, например, вопросы о доходах и религии респондентов. Тема интрузивна также, когда респонденты стыдятся ее, например, в случае с вопросами об изнасиловании или сексуальных привычках и предпочтениях. Опрашиваемые чувствуют, что такого рода вопросы и темы просто не должны касаться исследователей, а потому есть риск, что они могут смутить или обидеть всех респондентов, независимо от их статуса.

Второй теоретический критерий — *угроза разоблачения*. Она возникает тогда, когда респонденты опасаются возможных рисков или последствий честного ответа в случае, если эта информация станет известна третьим лицам. Вопрос является сенситивным в этом смысле, если он вызывает боязнь последствий от раскрытия ответов агентствам или людям, косвенно вовлеченным в исследование. Например, вопрос об употреблении алкоголя или марихуаны является сенситивным для подростков, если их родители смогут подслушать их ответы, но он не столь сенситивен, когда они отвечают в группе сверстников. Респонденты сильнее беспокоятся относительно конфиденциальности их ответов в тех случаях, когда им есть что скрывать. Несмотря на то что исследователи обычно гарантируют неразглашение ответов, респонденты не всегда верят этим обещаниям, поэтому опасения возможного разоблачения могут быть важным фактором искажения социально нежелательного поведения. К данной категории относятся вопросы, требующие от респондентов сообщения об их причастности к тем или иным видам нелегального поведения (шоплифтинг — хищения в магазинах, неуплата налогов, подделка налоговой декларации или коррупция).

Последний критерий сенситивности вопроса тесно связан с традиционной концепцией *социальной желательности*. Она предполагает, что существуют ясные социальные нормы, касающиеся данного поведения или аттитюда. Ответы, в которых поведение или установка соответствуют нормам, считаются социально желательными, а те, что отклоняются от норм, признаются социально нежелательными. Одна из таких норм состоит, например, в том, что люди должны выполнять свои гражданские обязанности, голосуя на президентских выборах. В результате признание в неучастии в голосовании — социально нежелательный ответ. Вопрос является сенситивным, когда он требует, чтобы респонденты признали, что нарушили социальную норму и тем самым подтвердили свою причастность к социально нежелательному поведению или установкам (например, к расизму, криминальным деяниям или отказу от голосования). Сенситивность в этом случае детерминирована главным образом потенциальным ответом респон-

дента на вопрос. Вопрос о голосовании не является чувствительным для респондентов, которые голосовали. Опасения, связанные с социальной желательностью, можно рассматривать как особый случай угрозы разоблачения, включающий социальное неодобрение.

Учитывая эти соображения, некоторые западные авторы [26, р. 2028] считают, что для респондентов чувствительным, строго говоря, чаще всего бывает не сам по себе задаваемый вопрос, а потенциальный искренний ответ (в случае его несоответствия общепринятым социальным нормам), от озвучивания которого опрашиваемые хотели бы воздержаться.

Последствия чувствительных исследований

Согласно современным представлениям, использование чувствительных вопросов в социологическом исследовании обычно приводит к трем основным последствиям: 1) к снижению кооперативных установок респондентов и увеличению числа отказов от участия в опросе; 2) к росту числа неответов на конкретные вопросы исследования и 3) к появлению значительного удельного веса неискренних ответов. Это, в свою очередь, как подчеркивают Р. Туранжо и Т. Ян, ведет к серьезным проблемам, связанным со снижением валидности и надежности собираемых в опросе данных [49, р. 862].

Отказы от участия в исследовании. Люди отказываются от участия в чувствительных опросах чаще всего из-за опасений, что информация, которую они сообщают, будет доступна третьей стороне, и/или из-за потенциальных последствий их ответов.

Отказы от участия в опросе порождают две главные проблемы с точки зрения валидности результатов. Во-первых, опросы с высоким уровнем отказов не полностью репрезентируют обследуемое население. Определенные его сегменты, такие как этнические и религиозные меньшинства, могут быть недостаточно представлены в чувствительных опросах. Поэтому оценки, полученные в таких исследованиях, нельзя экстраполировать на все население. Во-вторых, индивиды, от которых исследователи пытаются получить информацию, могут иметь сильные установки на отказ от участия в исследовании. Например, люди с рискованным сексуальным поведением и высокой вероятностью ВИЧ-инфицирования могут отказаться от участия в опросе на эту тему. Поэтому оценки распространенности такого поведения будут занижены.

Отказы от участия в исследовании обусловлены рядом факторов: неприятием опросов вообще, социально-демографическими характеристиками респондентов, личными характеристиками интервьюеров, их предыдущим опытом, манерой поведения, а также факторами, связанными с самим опросом, — его длительностью, методом коммуникации. И наконец, участие в опросе зависит от природы самих вопросов

и степени их сенситивности [24]. Ряд специальных исследований показал, что опросы на смущающие или социально стигматизирующие темы имеют более низкие уровни отвечаемости [41; 50]. Но, как замечают в этой связи Р. Туранжо и Т. Ян, эмпирических доказательств в пользу этого вывода пока очень немного [49, р. 862].

Неответы на отдельные вопросы. Некоторые исследователи полагают, что уровень неответов растет с увеличением сенситивности вопросов. Однако до сих пор нет ни одного исследования, которое бы доказательно подтвердило правильность этой гипотезы. Р. Туранжо и Т. Ян упоминают лишь один известный им методический эксперимент, в котором была зафиксирована обратная взаимосвязь между сенситивностью вопросов и уровнем отвечаемости. Но и в этом случае зависимость оказалась за пределами статистической значимости [49, р. 862].

Несмотря на то что строгая взаимосвязь здесь пока не обнаружена, тем не менее имеющиеся в литературе косвенные данные не опровергают возможность ее существования. Так, по сообщению Б. Розенфельд и ее коллег, удельный вес неответов на вопрос о голосовании при использовании методов с разными возможностями стимулирования анонимности и искренности респондентов варьировал от 20% для техники прямых вопросов до 13% для метода рандомизированного ответа (RRT), 2% для «листового эксперимента» и 0,003% для метода «поддерживающего эксперимента» [47, р. 798]. Это означает, что опрашиваемые чаще отказывались отвечать на данный вопрос в условиях, когда они чувствовали свою уязвимость, и, наоборот, когда субъективная анонимность была максимальной и вопрос уже не воспринимался как деликатный, пропуски сократились до ничтожного уровня.

Высокий уровень неответов наблюдается и у вопросов о доходах. Например, в исследовании бельгийских социологов Ж. Билье и Г. Лузвельдта, проведенном среди женщин в режиме персонального интервью, на вопрос о совокупном ежемесячном доходе семьи отказались отвечать 7,2% респондентов, а на вопрос о денежных сбережениях — 16,4%. При этом последний оказался даже более сенситивным, чем вопросы о политических симпатиях и сексуальных отношениях [10, р. 197]. В телефонных интервью, по данным Р. Гроувза, уровень неответов на вопросы о финансовом статусе респондентов может достигать 28% [23, р. 194–195]. Результаты метаанализа девяти разных исследований, проведенных в США в период с 1999 по 2005 г., показали, что уровень пропусков вопроса о доходах варьирует от 13,8 до 35,0% [52]. Судя по более поздним данным, которые приводит И. Крампал, удельный вес неответов на вопросы об общесемейном доходе среди немецких граждан колеблется в диапазоне от 20,7 до 26,2% [26, р. 2027].

Аналогичные результаты были получены и в исследованиях, проведенных в России, а также в ряде стран постсоветского пространства [1]³.

Неискренние ответы. Сознательное искажение респондентами своих ответов о мнениях и поведении — еще одно и, возможно, самое неприятное с точки зрения качества опросных данных последствие сенситивных вопросов. Сегодня общеизвестно, что респонденты склонны преуменьшать социально нежелательное, ненормативное поведение и преувеличивать социально желательное (см. об этом подробнее: [2, с. 21–24; 26, р. 2028, 2030]).

Респонденты искажают свои ответы по разным причинам — чтобы избежать смущения и стигматизации, потенциальных санкций или просто осуждения окружающих. Но глубинным механизмом, запускающим неискреннее поведение, является стремление опрашиваемых представить себя «другими для других», то есть в более выгодном свете, чем они есть на самом деле. Это внешне безобидное человеческое стремление к самопрезентации очень дорого обходится исследователям. Специальные работы в данной области показывают, что в случае неискренних ответов уровень и масштабы девиантного поведения могут быть недооценены минимум на 20% [38, р. 382].

Для минимизации этих опасных эффектов сегодня существует довольно широкий спектр специальных методов — от различных моделей RRT и техники непарных чисел (UCT) до номинативной техники и нерандомизированных опросных процедур⁴.

³ По сообщению А.В. Андреевской, уровень пропущенных данных по вопросу о доходах респондентов в девяти обследованных странах бывшего Советского Союза, включая Россию, варьирует от 18 до 45% и в среднем превышает 30%. В целом же вопросы, касающиеся финансового статуса опрашиваемых, по оценке автора исследования, относятся к числу вопросов с «очень высокой» степенью сенситивности, поскольку у многих респондентов они вызывают «враждебность или возмущение» [1, с. 57, 60, 62].

⁴ Эти методы позволяют нейтрализовать психологическую защиту респондентов за счет специальных механизмов обеспечения объективной и субъективной анонимности опрашиваемых. В модели RRT, общая идея которой была в 1965 г. предложена С. Уорнером [51], в качестве таковых выступают вероятностные процедуры рандомизации, определяющие выбор вопросов (или ответов) в зависимости от выпавшего жребия, а также принцип «управляемой случайности», согласно которому вероятности выпадения сенситивного и нейтрального вопросов определяются свойствами рандомизатора и заранее известны исследователю. В технике «непарных чисел» (UCT), разработанной Дж. Миллер в ее докторской диссертации (*Miller J.D. A New Survey Technique for Studying Deviant Behavior. Ph.D. thesis. Washington, D.C.: The George Washington University, 1984*), целям обеспечения конфиденциальности опроса служит принцип «расщепления выборки» и процедура предъявления респондентам из контрольной и экспериментальной групп двух разных вопросных списков, один из

Основные выводы

Концептуальный анализ проблемы сенситивности позволяет сформулировать ряд принципиально важных взаимосвязанных выводов.

Во-первых, сенситивность вопроса *не объективна*, а зависит от его восприятия отвечающими. Однако восприятие вопроса социально и культурно детерминировано, различается у разных людей и в разные периоды времени в зависимости от разных факторов, как субъективных, так и объективных.

Во-вторых, сенситивность всегда глубоко *контекстуальна*, а *потому ситуативна*. Конечно, сенситивное исследование связано с темой, но макро- и микросоциальный контекст может сделать его таковым независимо от темы, благодаря влиянию политико-экономического состояния общества, медийной повестки, деятельности средств массовой информации и т. д.

Сенситивность вопроса или темы зависит также от специфики опросной ситуации, используемого метода сбора данных, степени обеспеченной анонимности, присутствия «третьих лиц» и т. п. То, что в одном случае является непроблематичным, может стать сенситивным в другом.

Сенситивность вопроса или темы может зависеть также от того, *кого спрашивают*. Например, вопрос о причастности к шоплифтингу или каким-либо иным видам криминальных деяний будет сенситивным только для тех, кто эти действия реально совершал. Респонденты, не причастные к ним, не сочтут такого рода вопросы сколь-нибудь чувствительными для себя. Равно как и вопрос о голосовании не является ни смущающим, ни устрашающим, ни дискредитирующим для респондентов, которые голосовали.

Кроме того, является вопрос сенситивным или нет, зависит от того, *кто спрашивает*. Если, скажем, вопросы о сексе или наркотиках молодому человеку задает его друг, тогда они вряд ли будут восприниматься как сенситивные, но если о том же самом спросят учителя, родители или исследователь, тогда они станут сенситивными. Степень сенситивности вопроса различается и в разных социальных группах.

которых («короткий») состоит только из нейтральных суждений, а второй («длинный») дополнен целевым сенситивным вопросом. При этом от респондентов не требуется сообщать, как они ответили на конкретные вопросы, а лишь сказать, со сколькими из них они согласны.

Нерандомизированные техники также позволяют контролировать влияние социально желательных ответов на результаты сенситивного исследования, однако, в отличие от традиционных методов RRT, напрямую интегрируют рандомизационную процедуру в ответные опции. Поэтому у них более простые инструкции для респондентов, они проще в управлении и понятнее. Кроме того, в большинстве случаев, по оценкам зарубежных исследователей, они более эффективны (см. об этом: [3–4]).

Например, вопросы о числе сексуальных партнеров будут одинаково чувствительными для мужчин и женщин, но в разных направлениях: для первой группы социально желательным будет большое число, а для второй — малое. Поэтому вопрос не является чувствительным *per se*, он становится таковым из-за ситуации, вовлеченных в исследование людей и их взаимных ожиданий.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁵

1. *Андреевкова А.В.* Щепетильные вопросы в межстрановых сравнительных опросах // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 55–64. DOI: 10.7868/S0132162517120066 EDN: ZWLWDV
2. *Мягков А.Ю.* Всегда ли респонденты говорят правду? Метаанализ зарубежных источников // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 20–31. EDN: JSKHND
3. *Мягков А.Ю.* Стимулирование искренности респондентов в опросных исследованиях: Вопросы методологии и методов: Монография / А.Ю. Мягков; Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». Иваново: ИГЭУ, 2018. — 239 с. EDN: AYOCUM
4. *Мягков А.Ю.* Нерандомизированные техники для чувствительных опросов: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 28–38. DOI: 10.31857/S013216250023697-9 EDN: ETIZUI
5. *Николаев В.Г.* «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мягков Александр Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, кафедра истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет.

Телефон: +7 (4932) 26-97-84. **Электронная почта:** myagkov@rambler.ru

Дата поступления: 27.03.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 3. P. 8–28. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1

Research Article

ALEXANDER YU. MYAGKOV¹

¹ Ivanovo State Power Engineering University.

Bl. A, 34, Rabfakovskaya str., 153003, Ivanovo, Russian Federation.

⁵ Полный список литературы см. в References.

SENSITIVE RESEARCH: A TRIAL OF RETROSPECTIVE ANALYSIS AND CONCEPTUALIZATIONS

Abstract. The article is devoted to understanding the problem of sensitivity in survey research. A retrospective analysis of the formation and development of the field of scientific knowledge, which in western sociology in the 1990's was referred to as "sensitive research", is presented. A brief historical outline of the study of sensitive issues is given with an emphasis on the most prominent schools in world sociology and the most renowned authors who have made a significant contribution to the study of this topic (representatives of the Chicago School, A. Kinsey, S. Warner, G.S. Becker, R. Lee, C. Renzetti, R. Tourangeau, T. Yang and others). The early and modern conceptualizations of sensitivity are critically analyzed, the weaknesses and shortcomings of both expansive (J. Sieber and B. Stanley) and restrictive (N. Farberow) interpretations of this concept are shown. A multifactorial approach developed by R. Lee and K. Renzetti is considered as an alternative, one that takes into account various types of threats that determine the sensitive nature of the questions asked and the answers received. The social nature of sensitivity is discussed. It is shown how the socio-cultural context and the specifics of respondents' perception of questions influence the results of survey studies. The main consequences of using sensitive issues in sociological research are also analyzed. At the same time, there are three most dangerous effects that have a detrimental effect on the quality of empirical data: weakening cooperation on behalf of respondents, the increase in the number of missing questions (non-answers) and the emergence of socially desirable (insincere) answers. The factors causing these effects are identified, and methods are proposed to help neutralize them. Conclusions are drawn about the socio-cultural conditionality of question sensitivity, its contextual and situational nature.

Keywords: sensitive research; sensitive questions; social desirability; intrusiveness; deviant behavior; insincere answers; methods of identification of sensitive questions.

For citation: Myagkov, A.Yu. Sensitive Research: a Trial of Retrospective Analysis and Conceptualizations. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 8–28. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1

REFERENCES

1. Andreenkova A.V. Sensitive Topics in Cross-National Comparative Surveys. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 12. P. 55–64. DOI: 10.7868/S0132162517120066 (In Russ.)
2. Myagkov A.Yu. Do Respondents Always Tell the Truth? Meta-analyses of Foreign Sources. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 9. P. 20–31 (In Russ.)
3. Myagkov A.Yu. *Stimulirovanie iskrennosti respondentov v oprosnykh issledovaniyach: Voprosy metodologii i metodov*. [Stimulating the Sincere Answers of Respondents in Survey Research: Methodology and Methods Questions.] Ivanovo: Ivanovo State Power University publ., 2018. 239 p. (In Russ.)
4. Myagkov A.Yu. Nonrandomized techniques for sensitive surveys: Comparative analyses. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 4. P. 28–38 (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250023697-9
5. Nikolaev V.G. "Golden Age" of Chicago Sociology. *Chikagskaya shkola sotsiologii: Sbornik perevodov*. [Chicago School of Sociology: Collection of Translations.] Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17 (In Russ.)
6. Barnard M. Discomforting research: Colliding moralities and looking for "truth" in a study of parental drug problem. *Sociology of Health and Illness*. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 1–19. DOI: 10.1111/j.1467-9566.2005.00429.x

7. Barnett J. Sensitive questions and response effects: An evaluation. *Journal of Managerial Psychology*. 1998. Vol. 13. No. 1–2. P. 63–76. DOI: 10.1108/02683949810369138
8. Barton A.H. Asking the embarrassing question. *Public Opinion Quarterly*. 1958. Vol. 22. No. 1. P. 67–68.
9. Becker H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press, 1963. Accessed 13.03.2023. URL: https://monoskop.org/images/2/2b/Becker_Howard_Outsiders_Studies_In_The_Sociology_Of_Deviance_1963.pdf
10. Billiet J., Loosveldt G. Improvement of the quality of responses to factual survey questions by interviewer training. *Public Opinion Quarterly*. 1988. Vol. 52. No. 2. P. 190–211. DOI: 10.1086/269094
11. Brewer J.D. Researching sensitive topics. *Understanding Research for Social Policy and Practice*. Ed. by S. Becker and A. Bryman. Rev. ed. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 69–73.
12. Brown T.M., Fee E. Alfred C. Kinsey: A pioneer of sex research. *American Journal of Public Health*. 2003. Vol. 93. No. 6. P. 896–897. DOI: 10.2105/ajph.93.6.896
13. Bulmer M. *The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity and the Rise of Sociological Research*. Chicago: Chicago University Press, 1984. 285 p.
14. Campbell J.L. Ideas, politics, and public policy. *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 21–38. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141111
15. Condomines B., Hennequin E. Studying sensitive issues: the contributions of a mixed approach. *RIMHE: Revue Interdisciplinaire Management, Homme & Entreprise*. 2014–2015. Vol. 3. No. 14. P. 3–19. DOI: 10.3917/rimhe.014.0003
16. Dempsey L., Dowling M., Larkin P., et al. Sensitive interviewing in qualitative research. *Research in Nursing & Health*. 2016. Vol. 39. No. 4. P. 480–490. DOI: 10.1002/nur.21743
17. De Schrijver A. Sample survey on sensitive topics: Investigating respondents' understanding and trust in alternative versions of the randomized response technique. *Journal of Research Practice*. 2012. Vol. 8. No. 1. Article M1. Accessed: 16.03.2023. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/277Article%20Text-1931-5-10-20130125.pdf>
18. Dickson-Swift V., James E.L., Liamputtong P. *Undertaking Sensitive Research in the Health and Social Sciences: Managing Boundaries, Emotions and Risks*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. xi + 154 p. DOI: 10.1017/CBO9780511545481
19. Farberow N.L. *Taboo topics*. N.Y.: Atherton Press, 1963. 140 p.
20. Finch J. It's great to have someone to talk to: The ethics and politics of interviewing women. *Social Researching: Politics, Problems, Practice*. Ed. by C. Bell., H. Roberts. L.: Routledge and Kegan Paul, 1984. P. 70–87. DOI: 10.4324/9781003457367-5
21. Fourie S., Aveyard H., Jackson D. Older adolescents participating in sensitive research: The voices we cannot hear. *Journal of Clinical Nursing*. 2020. Vol. 29. No. 23–24. P. 4418–4420. Accessed: 21.03.2023. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jocn.15102>. DOI: 10.1111/jocn.15102
22. Gouldner A. *For Sociology: Renewal and Critique in Sociology Today*. L.: Allen Lane, 1973. 465 p.
23. Groves R.M. Actors and questions in telephone and personal interview surveys. *Public Opinion Quarterly*. 1979. Vol. 43. No. 2. P. 190–205. DOI: 10.1086/268511
24. Groves R.M., Cialdini R.B., Couper M.P. Understanding the decision to participate in a survey. *Public Opinion Quarterly*. 1992. Vol. 56. No. 4. P. 475–495. DOI: 10.1086/269338
25. Krause T., Wahl A. Non-compliance with indirect questioning techniques: An aggregate and individual level validation. *Survey Research Methods*. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 45–60. DOI: 10.18148/srm/2022.v16i1.7824
26. Krumpal I. Determinants of social desirability bias in sensitive surveys: A literature review. *Quality & Quantity*. 2013. Vol. 47. No. 4. P. 2025–2047. DOI 10.1007/s11135-011-9640-9

27. Krumpal I., Voss T. Sensitive questions and trust: Explaining respondents' behavior in randomized response surveys. *SAGE Open July-September 2020*. P. 1–17. Accessed: 23.11.2022. DOI: 10.1177/2158244020936223
28. Langer R., Beckmann S. Sensitive research topics: Netnography revisited. *Qualitative Market Research*. 2005. Vol. 8. No. 2. P. 189–203. DOI: 10.1108/13522750510592454
29. Lee R.M. *Doing Research on Sensitive Topics*. L.: Sage Publ., 1993. 240 p.
30. Lee R. *Dangerous Fieldwork*. L.: Sage, 1995. 86 p. DOI: 10.4135/9781412983839
31. Lee R.M., Renzetti C.M. Defining “sensitive” topics. *American Behavioral Scientist*. 1990. Vol. 33. No. 5. P. 510–528. DOI: 10.1177/0002764290033005002
32. Lee-Treweek G., Linkogle S. *Danger in the Field*. L.: Routledge, 2000. 224 p.
33. Lemert E.M. *Social Pathology*. N. Y.: McGraw-Hill, 1951. 459 p.
34. Liamputtong P. *Researching the vulnerable: A guide to sensitive research methods*. L.: Sage Publ., 2007. 232 p. DOI: 10.4135/9781849209861
35. Liamputtong P., Ezzy D. *Qualitative Research Methods*. 2nd ed. South Melbourne: Oxford Univ. Press, 2005. 410 p.
36. Liazos A. The poverty of the sociology of deviance: Nuts, sluts, and preverts. *Social Problems*. 1972. Vol. 20. No. 1. P. 103–120. DOI: 10.2307/799504.
37. Mallon S., Elliott I. What is “Sensitive” about Sensitive Research? The sensitive Researchers' Perspective. *Unpacking Sensitive Research: Epistemological and Methodological Implications*. Ed. by E. Borgstrom, S. Mallon, S. Murphy. N.Y.: Taylor & Francis, 2022. P. 6–18. DOI: 10.4324/9781003252320-3
38. McNeeley S. Sensitive issues in surveys: Reducing refusals while increasing reliability and quality of responses to sensitive survey items. *Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences*. Ed. by L. Gideon. N.Y.: Springer Science + Business Media, 2012. P. 377–396. DOI: 10.1007/978-1-4614-3876-2_22
39. Mensch B.S., Hewett P.C., Erulkar A.S. The reporting of sensitive behavior by adolescents: A methodological experiment in Kenya. *Demography*. 2003. Vol. 40. No. 2. P. 247–268. DOI: 10.1353/dem.2003.0017
40. Noland C.M. Institutional barriers to research on sensitive topics: Case of sex communication research among university students. *Journal of Research Practice*. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 1–9.
41. O'Brien E.M., Black M.C., Carley-Baxter L.R. et al. Sensitive topics, survey non-response, and considerations for interviewer training. *American Journal of Preventive Medicine*. 2006. Vol. 31. No. 4. P. 419–426. DOI: 10.1016/j.amepre.2006.07.010
42. Sutherland D.K. “Trans enough”: Examining the boundaries of transgender-identity membership. *Social Problems*. 2023. Vol. 70. No. 1. P. 71–86. DOI: 10.1093/socpro/spab031
43. Pechenkina A.O., Bausch A.W., Skinner K.K. The pitfalls of list experiments in conflict zones. *Civil Wars*. 2018. Vol. 20. No. 3. P. 408–435. DOI: 10.1080/13698249.2018.1506647
44. Pitsch W., Emrich E. The frequency of doping in elite sport: Results of a replication study. *International Review for the Sociology of Sport*. 2012. Vol. 47. No. 5. P. 559–580. DOI: 10.1177/1012690211413969
45. Poulin M. Reporting on first sexual experience: The importance of interviewer-respondent interaction. *Demographic Research*. 2010. Vol. 22. No. 11. P. 237–288. DOI: 10.4054/DemRes.2010.22.11
46. Renzetti C., Lee R.M. *Researching Sensitive Topics*. Newbury Park: Sage Publ., 1993. 302 p.
47. Rosenfeld B., Imai K., Shapiro J.N. An empirical validation study of popular survey methodologies for sensitive questions. *American Journal of Political Science*. 2016. Vol. 60. No. 3. P. 783–802. DOI: 10.1111/ajps.12205

48. Sieber J.E., Stanley B. Ethical and professional dimensions of socially sensitive research. *American Psychologist*. 1988. Vol. 43. No. 1. P. 49–55. DOI: 10.1037/0003-066X.43.1.49
49. Tourangeau R., Yan T. Sensitive questions in surveys. *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. No. 5. P. 859–883. DOI: 10.1037/00332909.133.5.859
50. Tourangeau R., Groves R.M., Redline C.D. Sensitive topics and reluctant respondents: Demonstrating a link between nonresponse bias and measurement error. *Public Opinion Quarterly*. 2010. Vol. 74. No. 4. P. 413–432. DOI: 10.1093/poq/nfq004
51. Warner S.L. Randomized response: A survey technique for eliminating evasive answer bias. *Journal of the American Statistical Association*. 1965. Vol. 60. No. 309. P. 63–66. DOI: 10.1080/01621459.1965.10480775
52. Yan T., Curtin R., Juns M. *The impact of unit nonresponse on income nonresponse*. Accessed: 1.12.2022. URL: <https://data.sca.isr.umich.edu/fetch-doc.php?docid=32879>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Myagkov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University.

Phone: +7 (4932) 26-97-84. **Email:** myagkov@rambler.ru

Received: 23.07.2023.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.2

EDN: CGWRR1

Е. С. БОГОМЯГКОВА¹, Е. А. ОРЕХ¹, М. Е. ГЛУХОВА²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

² Европейский университет в Санкт-Петербурге.
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А.

ТЕЛЕМЕДИЦИНА В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. В статье представлены результаты комбинированного эмпирического исследования, реализованного в 2020–2021 гг. и включавшего полуструктурированные интервью с жителями крупных городов России (N = 90) и телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга (N = 861). В фокусе нашего внимания — опыт получения дистанционных медицинских консультаций, факторы, влияющие на него, а также сформированные установки в отношении получения такого рода помощи. Цель статьи — в определении возможностей и ограничений нового типа коммуникации между врачом и пациентом, опосредованной цифровыми технологиями. По итогам исследования были сформулированы выводы о распространенности дистанционных врачебных консультаций, а также о том, как они встроены в повседневность горожан и актуализируют значимые аспекты взаимодействия с медицинскими профессионалами.

Выявлено, что следует разделять дистанционные медицинские консультации в целом и телемедицину как один из их вариантов. Согласно результатам исследования, 25,2% опрошенных когда-либо общались с врачом удаленно. Как правило, такое взаимодействие происходит с «доверенными» врачами — теми, с кем личный, а часто и неоднократный контакт оказался эффективным, и может быть инициативой как врача, так и пациента. Иная ситуация складывается в случае телемедицины, установки в отношении которой могут объясняться восприятием особенностей взаимодействия в системе «врач — пациент». Невозможность обеспечить физический осмотр и трудности установления личного контакта оказываются в числе значимых причин, препятствующих использованию телемедицины. Поскольку телемедицина предполагает контакт с незнакомыми, любыми

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00770А).

врачами и всегда является инициативой пациента, основанием обращения к ней служит не межличностное доверие специалисту, а наличие институционального доверия системе здравоохранения и значительная степень автономии пациента. Удаленно общаться с врачом более склонны люди, отмечающие наличие проблем со здоровьем и имеющие привычку заботиться о нем различными способами, в том числе контролируя врачебные предписания. Повышает вероятность использования такой связи и более высокий уровень дохода. В группе аутсайдеров предсказуемо оказались представители старших возрастных групп.

Ключевые слова: телемедицина; дистанционные врачебные консультации; цифровизация здравоохранения; забота о здоровье; доверие к врачу; институциональное доверие; телефонный опрос; полуструктурированные интервью; регрессионный анализ.

Для цитирования: Богомяжкова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Телемедицина в российских мегаполисах: проблемы и перспективы // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 29–48. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.2 EDN: CGWRR1

Введение

В нашей стране дискурс о телемедицине занимает прочное место в повестке дня, посвященной цифровизации здравоохранения. Закон о телемедицине² вступил в силу с 1 января 2018 г., однако дебаты о необходимости, ограничениях и потенциале дистанционных врачебных консультаций (далее по тексту — ДВК) ведутся давно. Термин «телемедицина» покрывает широкий круг коммуникативных практик, реализуемых в рамках системы здравоохранения. Речь идет о консультировании по направлениям «врач — врач» и «пациент — врач» в синхронном и асинхронном режимах³ [6]. Идея телекоммуникаций не является абсолютно новой — история их применения берет начало в 1924 г., когда впервые был выполнен дистанционный визуальный осмотр детей; позже телесеансы стали применяться для контроля здоровья моряков и космонавтов. С 1990-х гг. медики используют возможности Интернета для удаленного мониторинга состояния больных, хранения и передачи данных и др. [2; 3]. Пандемия

² Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707300032> (дата обращения 27.07.2023).

³ Синхронный режим — коммуникация посредством видео-, аудиосвязи, обмена текстовой информацией и медицинскими данными в режиме «здесь и сейчас»; асинхронный режим — коммуникация посредством информационного обмена по различным каналам коммуникаций, например, письменная коммуникация в режиме «вопрос — ответ».

COVID-19 подстегнула новую волну дискуссий. В условиях сложной эпидемиологической обстановки получили распространение дистанционная выдача больничных листов, постановка диагноза роботом, а удаленные консультации с врачом нередко становились единственной возможностью получения медицинской помощи. В некотором смысле применение телемедицины тогда стало иметь не добровольный, а принудительный характер.

Перспективы, открывающиеся с внедрением ДВК, а также трудности и ограничения такого рода практик становятся предметом интереса ученых [8; 11]. В качестве основного преимущества телемедицины видится обеспечение большей доступности медицинской помощи для представителей различных социальных групп, например, для пожилых и лиц с ограниченными возможностями, а также для пациентов, проживающих в труднодоступных районах нашей страны [6; 7]. В то же время одним из лейтмотивов, возникающих при обсуждении телемедицины, выступает цифровой разрыв, отражающий различия в доступе к технологиям цифрового здравоохранения [10] и недостаточную цифровую грамотность как врачей, так и пациентов [4]. В целом в российском академическом поле выражена тенденция фиксировать технические, организационные, финансовые, правовые и этические основания сложности внедрения телемедицины [3; 4; 6; 10]. В отличие от зарубежного дискурса [12; 13; 15; 17], гораздо реже можно встретить эмпирические исследования, отражающие реальные тенденции обращения к ДВК. Как правило, в фокусе внимания ученых — отношение населения к телемедицине и потенциальная готовность обращения к ней [5; 8], а не реальный опыт удаленного общения с врачами.

Несмотря на стремление регламентировать внедрение телемедицины в нашей стране⁴, систематический и централизованный сбор данных, позволяющий судить об успешности предпринимаемых попыток, не производится. В этой ситуации пролить свет на темпы вовлечения россиян в использование телемедицинских сервисов позволяют результаты опросов общественного мнения. Так, согласно данным ВЦИОМа⁵, весной 2020 г. более половины россиян были информированы о возможности получить консультацию врача по телефону или по Интернету (по 62% соответственно). При этом лишь 8% информированных россиян получали подобную консультацию: 6% — посредством телефона, 2% — через Интернет. Самые распространенные ситуации,

⁴ См.: Национальный проект «Здравоохранение» // Правительство России. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/831/events/> (дата обращения 11.03.2023).

⁵ Телемедицина в России — сегодня и завтра // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicizina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (дата обращения 11.03.2023).

при которых опрошенные допускали возможность обратиться к врачу дистанционно: при признаках болезни (25%), если совсем плохо (10%) или, напротив, если ничего серьезного (10%). Опрос зафиксировал следующие причины отказа от обращения к такого рода помощи: личный осмотр обязателен (33%), сомнительное качество процедуры (13%), отсутствие необходимости (10%) или возможности обратиться к врачу дистанционно (9%). Спустя год, по данным компании «Ромир»⁶, ситуация изменилась незначительно: весной 2021 г. лишь 10% из тех, кто имел представление о телемедицине, когда-либо пользовались подобными услугами, 3% из них делали это на регулярной основе. Таким образом, несмотря на все предпринимаемые усилия, в годы пандемии увеличение вовлеченности населения в телемедицину было крайне незначительным.

Напротив, специализированные онлайн-сервисы фиксировали существенный рост показателей обращаемости в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Для платформы «СберЗдоровье» (ранее — DocDoc) он составил 5 раз — до 200 тыс. сеансов в 2020 г.⁷, для МК «Доктор рядом» — почти 3 раза — до 227,9 тыс. онлайн-консультаций. Число дистанционных консультаций на платформе MDLIVE выросло в 4 раза в 2021 г. по сравнению с 2019 г., при этом 85% обращений — это не срочная помощь, а работа человека с необходимым ему специалистом⁸.

Значительное увеличение вовлеченности россиян в телемедицину фиксируется в 2022 и 2023 гг. По данным онлайн-сервиса «СберЗдоровье» медиахолдинга Rambler&Co⁹, в 2022 г. уже почти каждый пятый россиянин (19%) пользовался возможностями телемедицины и был на онлайн-приеме. Для 37% респондентов из тех, кто еще не обращался к подобным услугам, важен личный контакт с врачом; 28% доверяют только врачам, которых уже знают. Терапевт (28%) и психолог (19%) являются самыми востребованными специалистами для онлайн-консультаций. 28% респондентов готовы записаться на онлайн-прием в случае проблем с ментальным здоровьем,

⁶ Лишь четверть россиян доверяет телемедицине // Ромир. — URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine> (дата обращения 11.03.2023).

⁷ Уровень спроса зафиксировался, мы никуда не откатились // VADEMECUM. — URL: https://vademec.ru/article/anatoliy_zinger_-_uroven_sprosa_zafiksirovalsa-my_nikuda_ne_otkatilis/ (дата обращения 11.03.2023).

⁸ BCG: услугами телемедицины в России пользуются 10% населения // VADEMECUM. — URL: <https://vademec.ru/news/2021/12/24/bcg-uslugami-telemeditsiny-v-rossii-polzuyutsya-10-naseleniya/> (дата обращения 11.03.2023).

⁹ Почти каждый пятый опрошенный россиянин уже воспользовался онлайн-консультациями врачей // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16626329/amp> (дата обращения 11.03.2023).

26% — с легким недомоганием (как при ОРВИ). Аналогичные данные приводят страховая компания «Росгосстрах» и аналитическое агентство A2:Research¹⁰: по состоянию на февраль 2023 г. услугами телемедицины пользуются 27% россиян, в основном это граждане в возрасте от 26 до 45 лет (70%). Чуть больше трети опрошенных (35%) считают, что с помощью телемедицины можно оперативно получить помощь, 28% видят преимущество в том, что не нужно стоять в очередях, а 25% считают, что это удобно, потому что многие вопросы можно решить онлайн, без похода в поликлинику. Самыми популярными врачами для дистанционных консультаций стали терапевт (25%), педиатр (18%), эндокринолог/диетолог (17%), невролог (16%), а также психолог (15%). 73% опрошенных россиян совсем не пользуются услугами телемедицины. Основные причины этого в том, что они не доверяют врачам онлайн (33%) и не видят смысла в телемедицине, поскольку диагноз нельзя поставить дистанционно (22%). Еще 16% вообще не знали о существовании такой услуги.

Поскольку методы сбора эмпирического материала, принципы построения выборок и организаторы исследований разнятся, данные, полученные из различных источников, оказываются несопоставимыми, а выстраивать на их основе тренд проблематично. Тем не менее, несмотря на разработку законодательства и попытки популяризации телемедицины, по самым оптимистичным оценкам, сегодня примерно четверть россиян когда-либо пользовались услугами телемедицины. В то же время доля тех, кто настроен настороженно по отношению к дистанционным консультациям, остается значительной. И это в ситуации, когда 84% россиян пользуются Интернетом¹¹. Это дает основания предполагать, что вариации в доступе к цифровым технологиям не объясняют низкую вовлеченность в телемедицину, а потому требуется иная оптика, позволяющая обнаружить менее очевидные, но не менее значимые детерминанты. Более того, в условиях экспансии технократистских и менеджериальных оценок эффективности удаленных врачебных консультаций трудности и перспективы внедрения такой практики нуждаются в социологическом осмыслении и объяснении.

Имеющиеся эмпирические исследования и опросы общественного мнения не дают представления о том, как в действительности происходит удаленное взаимодействие между врачом и пациентом,

¹⁰ Россияне рассказали, почему пользуются телемедициной // РБК. — URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreeneews/63fad5ab9a79477d494fc642> (дата обращения 11.03.2023).

¹¹ Пользование Интернетом // Ресурсы ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom?ysclid=liozb3hsg6158105877> (дата обращения 10.06.2023).

как осмысливается такой опыт, что видится препятствием для дистанционного обращения за медицинской помощью, при каких условиях такой контакт возможен. В настоящей статье с опорой на результаты эмпирического исследования мы опишем вовлеченность жителей крупных российских городов в дистанционные коммуникации с врачом и предложим свою трактовку текущего состояния дел. Цель статьи состоит в попытке найти социологическое объяснение (не)популярности телемедицины, рассмотрев ее сквозь призму отношений между врачом и пациентом.

Дизайн эмпирического исследования

Для изучения использования цифровых технологий в практиках заботы о здоровье жителей крупных российских городов в 2020–2021 гг. было реализовано комбинированное эмпирическое исследование. На первом этапе (август 2020 г. — апрель 2021 г.) проведено 90 полуструктурированных интервью с жителями крупных городов России (преимущественно Санкт-Петербурга, Москвы, Ульяновска, Петрозаводска, Ярославля, Нижнего Новгорода), применяющими цифровые технологии для заботы о своем самочувствии¹². Отбор информантов происходил на основе метода доступных случаев с последующим применением метода «снежного кома». Часть интервью состоялись в дистанционном формате с помощью таких платформ, как Zoom, Skype, MSTeams, мессенджера WhatsApp. Продолжительность одной беседы в среднем составляла один час, максимально — более двух часов. Полученные в ходе интервью результаты легли в основу разработки анкеты для телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга, реализованного на второй стадии исследования в августе 2021 г. при помощи ресурсного центра Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета «Социологические и интернет-исследования» (проект № 106-21779). Репрезентативность обеспечивалась квотной выборкой по критериям пола и возраста. Полученные данные были обработаны при помощи программного обеспечения RStudio, версия 7872775e, 2022-07-22 для Windows, с применением метода регрессионного анализа. P (Sig) < 0,05 была принята значимой. Результаты опросов общественного мнения обычно характеризуются высоким количеством «шума» и пропущенных значений. При выполнении регрессионного анализа потеря данных достигала 212 наблюдений. Чтобы этого избежать, перед моделированием была выполнена множественная импутация с помощью пакета Amelia [16]. Используемые в статье данные удовлетворяли условию случайности пропущенных значений (MCAR-тест, $\chi^2 = 7632$, $p = 0$) [18].

¹² Выражаем благодарность А.А. Дупак, А.С. Захаровой за помощь в сборе эмпирического материала.

На первом этапе в исследовании приняли участие информанты в возрасте от 18 до 78 лет, среди них 25 мужчин и 65 женщин. Средний возраст — 37,7 года. Респондентами телефонного опроса стал 861 человек (56,2% женщин и 43,8% мужчин). Из общего числа опрошенных на втором этапе 21,7% принадлежали к группе 18–29 лет, 19,9% — 30–39 лет, 15,8% — 40–49 лет, 17,7% — 50–59 лет, 25,0% — 60 лет и старше. 47,9% респондентов имеют высшее образование, 45,6% состоят в зарегистрированном браке. Более половины респондентов (51,7%) отметили, что имеют хронические заболевания. В выборку попали петербуржцы, проживающие в городе не менее одного года. Поскольку базой настоящего исследования являются жители мегаполиса — Санкт-Петербурга, уровень жизни в котором выше, чем во многих российских городах, полученные результаты не могут однозначно распространяться на все население нашей страны. Вместе с тем с определенной долей условности они могут характеризовать жителей иных крупных городов России.

Исследование было направлено на изучение многообразных цифровых практик поддержания хорошего самочувствия, распространенных среди горожан, — от поиска информации о здоровье в Интернете до цифрового селф-трекинга [1]. Опыт дистанционного взаимодействия с врачом выступил в качестве одного из основных сюжетов.

Результаты

В отличие от исследователей, фиксирующих отсутствие принципиальных различий между медицинской консультацией онлайн и медицинской консультацией офлайн [14], в ходе настоящего исследования мы обнаружили, что дистанционный формат меняет конфигурацию взаимодействия в системе «врач — пациент», что может достаточно болезненно восприниматься обеими сторонами. В ходе анализа полученных нарративов аналитически удалось выделить два основных отличия личного общения от коммуникации, опосредованной цифровыми технологиями.

Во-первых, по мнению многих информантов, медицинская консультация обязательно предполагает контакт врача с телом больного: специалист должен посмотреть, пощупать, потрогать, в том числе с применением специального диагностического оборудования. «Ну, это же чушь, он должен посмотреть, потрогать, похлопать, ну что-то, какой-то анализ увидеть» (М, 27); «Да, ну а как? Ни прослушать, ни померить давление, ни посмотреть те же склеры глаз, язык, как это все дистанционно сделать?» (Ж, 36).

На языке исследований науки и технологий (*Science and Technology Studies*, STS) тело выступает в качестве полноправного субъекта коммуникации, а диада «врач — пациент» преобразуется в триаду «врач — пациент — тело». На очном приеме тело предъявляет себя само и «го-

ворит» без посредников, предстает непосредственному медицинскому наблюдению. Согласно распространенным в нашей культуре представлениям, свойственным западной аллопатической медицинской системе, в результате физического контакта с пациентом врач производит «объективное», «достоверное», «научно обоснованное» знание о теле и обладает монополией на него. Он рассматривается как эксперт по телу, владеющий сакральными знаниями и умениями. А потому осмотр, в том числе с помощью различных приборов, воспринимается как необходимый атрибут визита к врачу [9]. Контакт специалиста с телом нередко становится маркером, разграничивающим лечение и «просто» консультацию; в такой оптике последняя может расцениваться как неполноценная и неэффективная помощь, пригодная для более простых случаев.

«...Я, наверное, об этом просто не думала, потому что большинство моих проблем, которые у меня были, они связаны именно с личным посещением. Именно с осмотром. Последний раз я была у хирурга, мне нужно, чтобы она именно ногу мою посмотрела... Я думаю, что их можно решить при видеосвязи. Но это не так удобно, как вживую человек посмотрел и сказал. У нас же очень сильно сужается круг специальностей, к которым ты можешь прийти онлайн. Ты не можешь прийти к гинекологу онлайн, только на повторный прием, тогда можно. К эндокринологу тоже не можешь прийти, потому что тебя надо осмотреть. Ну, к терапевту еще не очень понятно, потому что там горло кто-то может из твоих родных посмотреть, и т. д. Но, в общем, если есть возможность у меня повторный прием онлайн, я, конечно, выберу этот вариант, зачем ходить и тратить время? Но первый прием, мне кажется, всегда должен быть личный» (Ж, 24).

Поскольку конечная экспертиза тела принадлежит врачу, у пациента возникают сомнения в своей способности правильно интерпретировать симптомы и объяснять их способом, однозначно понятным врачу. В интервью звучит тема рисков неточной пациентской самодиагностики, а, соответственно, постановки в результате этого неверного диагноза.

«...Просто я понимаю, что... я могу как-то не очень правильно описать свои симптомы. Или как-то неправильно локализовать свою боль... И от этого, возможно, будет назначено неправильное лечение. Поэтому, на мой взгляд, врач и пациент должны быть в каком-то физическом контакте... Когда я говорю, что у меня дрожат руки, я могу при этом понимать, что у меня дрожат совсем чуть-чуть, а человек на том конце телефона может представить себе тремор, когда я не могу до ручки дотронуться. То есть то, как он себе это представит, фиг его знает» (Ж, 39).

Несмотря на то что сегодня пациенты все чаще оспаривают врачебную монополию на экспертизу тела (владеют медицинской терминологией, расшифровывают результаты анализов, пользуются данными, получаемыми с цифровых устройств), для постановки диагноза по-прежнему требуется специалист. *«Ну, вот, анализ я в Интернете могу посмотреть, они же нормы пишут, какую-то не норму я в Интернете посмотрю в целом. Потом все равно идешь к врачу, там же не просто нужно его расшифровать, но и назначение получить»* (Ж, 39).

В качестве потенциально возможных случаев для телемедицины нередко называются психологические консультации. Отсутствие тела при ДВК в этом случае не проблематизируется, потому как психика предстает не локализованной в теле. А поскольку экспертиза психолога, психотерапевта и даже психиатра не распространяется на физическое, материально воплощенное тело, то такие специалисты не всегда воспринимаются как «настоящие» врачи.

«Ну, я психологов не отношу к врачам. Это специалист, как бы, нет, это не врач. Если это не психотерапевт, который лечит болезни... Нет, психолог — это не врач. С психологом онлайн я общался. <...> Да, вполне, вообще. Вот в этом плане с психологом, если кто-то классифицирует это как врача, — пожалуйста. Никакой разницы... Абсолютно. Если бы я пришел, лег на кушетку, никакой разницы бы не было» (М, 27).

Во-вторых, во взаимодействии с врачом значение имеет не только контакт с телом. Пациенту важно понять, насколько специалист, к которому он пришел на прием, является действительно профессионалом своего дела. А для этого нужно посмотреть ему «глаза в глаза», установить личную связь, разместить его на шкале «нравится — не нравится». Хороший врач определяется при личном контакте, когда есть возможность оценить и мимику, и настроение, и то, как ведется осмотр: на что врач обращает внимание, а что игнорирует. Не дистанцируется ли он, уткнувшись в бумаги, смотрит ли на пациента внимательно, оценивает ли общее состояние, даже если жалоба специфическая, анализирует ли документы, которые тот принес. Важно и то, насколько врач терпелив, тактичен, доброжелателен, заинтересован, готов объяснить диагноз и назначения, повторить объяснение, если потребуется. Оказывается, что опосредованный технологиями дистанционный формат общения затрудняет или вовсе делает невозможным понимание того, насколько профессионален и хорош врач, насколько он компетентен и грамотен. *«Мне, если понадобится, лучше вживую разговаривать, чем онлайн... Видны настроение врача, его отношение, его мимика и прочее, и прочее. А это — пустые разговоры там, где-то в воздухе, и все»* (Ж, 69). Потребностью в установлении такого личного контакта могут объяс-

няться и высказываемые опасения, что врач с другой стороны экрана ненастоящий. *«Я не доверяю таким онлайн-конференциям. Потому что я не могу знать, на самом ли деле это врач или это обычный человек, который пытается или хочет быть врачом... Если я этого врача лично знаю и знаю на самом деле, что он действительно врач, то почему бы и нет, я с удовольствием послушаю и пообщаюсь»* (Ж, 52).

Полагаем, что описанные выше различия между дистанционной коммуникацией и личным приемом служат критериями формирования межличностного доверия врачу. Оно возникает в результате предшествующего(их) взаимодействия(ий) со специалистом и принципиально важно для дальнейшего обращения за медицинской помощью. Значение имеют как коммуникативные аспекты состоявшегося общения, так и физический осмотр, а в результате — назначение лечения, которое помогло. Пациент должен «посмотреть» на врача, и врач должен «посмотреть» на пациента. Именно такой специалист в итоге может стать «своим» — тем, которому пациент доверяет, к которому готов обращаться в различных ситуациях. Дистанционный формат затрудняет формирование столь необходимого межличностного доверия, а потому распространение удаленных консультаций обусловлено тем, какому врачу и в каких условиях пациент готов доверять. Если брать во внимание именно этот аспект, то аналитически можно выделить два основных случая дистанционного обращения к врачам.

Когда мы задавали вопросы о телемедицине, то ответы, как правило, были негативными — информанты отрицали наличие подобного опыта в своей жизни, несмотря на разгар пандемии. Однако в ходе дополнительных и уточняющих вопросов выяснилось, что для многих участников исследования общение с врачами с помощью телефона, мессенджеров, электронной почты было вполне рутинной практикой. Такая коммуникация происходит, как правило, с «доверенными» врачами — теми, у кого информанты уже были на очном приеме, кого знают много лет, с родственниками с медицинской профессией. Она может быть спонтанной, ситуативной, требующей немедленного совета врача, а может заменять повторный (и последующие) прием, когда основаниями обращения служат получение заключения по результатам диагностики, корректировка выданных назначений, сопровождение в ходе терапии. *«Да, очень удобно... Если уже, допустим, на первой консультации он на тебя взглянул, назначил все анализы, ты все анализы сдал, потом просто скинул ему посмотреть. То уже проще»* (Ж, 34). Такие ДВК могут быть однократными, а могут выступать способом удаленного сопровождения пациента после проведенных манипуляций или в процессе длительной терапии (при приеме лекарств (например, антидепрессантов), реабилитации после хирургической операции, беременности). *«... Соответственно, то, что она сказала, как бы что ты будешь постоянно на связи, и это под-*

держало меня, это оставило меня в лечении, и вот. И на доверие к врачу это, наверное, тоже повлияло» (Ж, 19). Используются преимущественно личные средства связи: «...Многие врачи сейчас при оказании услуг и общаясь с пациентами, которых надо отследить, которые иногородние, говорят: если что, пишите в WhatsApp» (Ж, 28). Тот факт, что врач оставил свои контакты и готов проконсультировать в нерабочее время, повышает доверие пациента и его приверженность лечению, снижает тревогу и беспокойство.

ДВК в таком варианте являются неформальной практикой, осуществляются по личной договоренности и поверх институциональных границ, могут быть инициативой как врача, так и пациента. При описании подобного опыта в интервью звучат мотивы удобства/неудобства такого обращения, например, риска побеспокоить врача, а также вопросы неформальных платежей или иных способов выражения благодарности. Полагаем, в этом случае ДВК не являются новшеством, а могут рассматриваться как вариант обращения к «своим» врачам, практиковавшийся задолго до распространения цифровых технологий. Изменились только средства связи, и сегодня они включают интернет-ресурсы. Возможность таких консультаций обеспечивается наличием межличностного доверия, основанного на состоявшейся коммуникации «лицом к лицу». Уверенность в профессионализме врача обеспечивает возможность обращения к нему не только по личным вопросам, но и за консультацией по поводу состояния здоровья родственников — пациентов, которых врач ранее никогда не видел. Более того, необязательным в этом случае оказывается и присутствие тела, достаточно его репрезентации документами, результатами анализов, описанием симптомов. «Как повторный прием это подходит. Ты даешь обратную связь, помогает ли тебе препарат или диета. Онлайн ты не можешь сдать анализы, но можешь поговорить по результатам анализа онлайн. Для повторного приема да, это удобно. Если не нужен еще один осмотр» (Ж, 46). Разновидностью неформальных практик выступает удаленное обращение к специалисту на основе рекомендаций родственников, знакомых, реже — отзывов в Интернете. Коммуникация в этом случае происходит на основе доверия не к медику, а к рекомендуемому.

Вторым вариантом ДВК является взаимодействие с любым (случайным, незнакомым) врачом с применением специальных сервисов (в рамках программ ДМС или с помощью платформ «СберЗдоровье», «ЯндексЗдоровье» и др.). Как правило, именно этот тип консультаций маркируется термином «телемедицина». Информанты, имеющие опыт обращения к такого рода помощи, скорее, оценивают его положительно, отмечая удобство и простоту использования. Именно «удобство» — возможность получить консультацию быстро, в определенное время, а не профессионализм врача выступает основным

аргументом использования телемедицины. В этом случае не требуется эксперт высокого класса, да и пациент не всегда может выбрать конкретного специалиста. Для него достаточно понимания того, что консультацию проводит врач — человек с медицинским образованием, которого предлагает страховая компания или специализированная платформа.

«Слушайте, а там особого выбора [врача] нет. Там просто тот, кто доступен в это время, там же тоже у них все написано. По большому счету здесь, для телемедицины, не нужно быть уверенным, что какой-то суперпрофи, все дела. Суперпрофи нужен, на мой взгляд, при очном контакте. А телемедицина — и обычный врач справится с такой задачей. Поэтому здесь просто находишь тех, кто свободен. Поскольку это ДМС, ты доверяешь выбору своей страховой компании и тех клиник, с которыми заключают договор. А там уже смотришь, что есть, то есть. На время, которое тебе надо. Там нет систем лайков или дизлайков» (Ж, 42).

В этом случае онлайн-консультации позволяют сориентироваться в проблеме, получить совет и услышать второе мнение, проконтролировать полученные назначения, сформировать маршрут обследований. Обращение к телемедицине всегда является инициативой самого пациента, который понимает возможности и ограничения такого рода коммуникации и берет контроль над ситуацией на себя. Кроме того, пациент должен обладать определенной компетентностью в той проблеме, с которой обращается. *«В случае коммуникации через мессенджеры на врачей процентов 10–20 ответственности, так как он меня не видит, не изучает, это моя ответственность. Это значит, что я понимаю, что со мной происходит» (Ж, 38).* Как правило, телемедицина не является полной заменой личного приема, а оказывается лишь одним из контактов в цепочке обращений — как очных, так и удаленных. Такие консультации рассматриваются информантами не как полноценный прием, а как дополнительная возможность прояснить ситуацию.

«Да, это удобно, но тут надо понимать, что, конечно, вам в телемедицине никто не назначит анализы или так далее. То есть это такой первичный прием, чтобы тебе сориентироваться хотя бы, в какую сторону идти, это будет ценная информация... Я думала, что это ерунда полная, ну, как может врач принимать вот это все онлайн? Можно, можно. Просто надо понимать, что это вот такого рода прием. Но это тоже очень ценно. <...> Это отлично работает, мне очень понравилось» (Ж, 42).

Для обращения к телемедицине требуется не межличностное, а институциональное доверие — уверенность пациента в надежности и эффективности института здравоохранения в целом независимо от

личности врача. В то же время пациент должен быть уверен в себе — в своей компетентности в вопросах здоровья и способности разобраться с возникшими трудностями, а также готов брать ответственность за принятие ряда терапевтических решений на себя.

Таким образом, в ходе интервью было выявлено, что феномен ДВК гораздо шире, чем фиксируется в нормативных документах; он включает значительный сегмент неформальных практик. Поэтому в ходе количественного этапа исследования нас интересовали распространённость всевозможных способов дистанционного взаимодействия с врачами, а также факторы, влияющие на их использование. В ходе телефонного опроса было выявлено, что 25,2% респондентов когда-либо связывались с врачом дистанционно, используя любые средства связи, и 4,9% делали это в течение последней недели, что существенно выше цифр ВЦИОМа¹³ и «Ромира»¹⁴ в этот же период. Основная доля таких консультаций приходилась на повторные приемы у своего лечащего врача (50%) и обращение к «доверенному» врачу (30%); лишь 6,3% из тех, кто имел опыт ДВК, получали консультацию, используя специализированные платформы, что подтвердило сформулированную по итогам интервью гипотезу о большей распространённости неформальных практик. Следует отметить, что среди опрошенных жителей Санкт-Петербурга 83,7% пользуются Интернетом ежедневно, и только 9,1% совсем не обращаются к данному ресурсу. Интенсивность использования Интернета слабо связана с опытом получения дистанционной помощи (критерий Спирмена — 0,155, $p < 0,01$), что позволяет исключить доступность «цифры» из числа значимых детерминант вовлечения в ДВК в крупном городе.

Для количественной оценки факторов, влияющих на использование удаленной медицинской помощи, была построена бинарная логистическая модель (зависимая переменная — частота обращения за дистанционной консультацией к врачу, перекодированная в бинарную: «обращался хотя бы раз», «не обращался никогда»). Полученная модель объясняет 12% вариации признака, что, как мы полагаем, достаточно в случае проведения опроса на чувствительную тему здоровья и болезни, а также возможности случайных флуктуаций (см. табл.).

В итоге в модель вошли семь предикторов, обнаруживших значимое влияние на изменение исследуемого признака: возраст, доход, посещение врача в рамках ДМС, самооценка здоровья, проверка

¹³ Телемедицина в России — сегодня и завтра // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicizina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (дата обращения 11.03.2023).

¹⁴ Лишь четверть россиян доверяет телемедицине // Ромир. — URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine> (дата обращения 11.03.2023).

назначений или диагноза другого врача, частота заботы об эмоциональном здоровье и частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья.

Таблица

Результаты логистической регрессии

Предикторы	Отношение шансов	Доверительный интервал	<i>p</i>
Возраст	0,97	0,96–0,98	<0,001
Последнее посещение врача [в рамках ДМС] ¹⁵	1,96	1,14–3,33	0,014
Самооценка здоровья	0,88	0,78–1,00	0,043
Приходилось ли проверять другого врача за последний год [нет] ¹⁶	0,64	0,42–0,99	0,045
Частота заботы об эмоциональном/психическом здоровье (посещение психолога, психотерапевта и др.) [в течение последнего года и более] ¹⁷	1,61	1,05–2,46	0,027
Частота заботы об эмоциональном/психическом здоровье (посещение психолога, психотерапевта и др.) [в течение последнего месяца]	1,98	1,34–2,92	0,001
Доход	1,29	1,10–1,50	0,001
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [в течение последних 6 месяцев] ¹⁸	1,72	1,00–2,96	0,049
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [в течение последнего месяца]	2,08	1,23–3,52	0,006
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [в течение последней недели]	2,25	1,41–3,65	0,001

С увеличением возраста и улучшением оценки своего здоровья вероятность использования дистанционных консультаций снижается. Зато респонденты, склонные заботиться о своем психическом здоровье и использовать нецифровые приборы для контроля своих

¹⁵ По сравнению с теми, кто в последний раз посещал врача по ОМС.

¹⁶ По сравнению с теми, кому приходилось перепроверять диагноз или назначения врача за последний год.

¹⁷ По сравнению с теми, кто никогда не заботился о своем психическом здоровье.

¹⁸ По сравнению с теми, кто никогда не использовал нецифровые приборы для контроля показателей здоровья.

показателей (например, тонометр, пульсоксиметр), с большей вероятностью будут вовлекаться в дистанционные способы взаимодействия с врачом. Доход также, по-видимому, увеличивает вероятность использования ДВК, как и использование ДМС. Наконец, шансы прибегнуть к дистанционной связи с врачом выше у тех опрошенных, кому приходилось за последний год перепроверять назначения или постановку диагнозов, выполненные другим врачом. Таким образом, полагаем, что ДВК используются как средство получения медицинской помощи теми, кто беспокоится о своем здоровье и склонен заботиться о нем различными способами, при этом имеет возможность выбирать врача и способ связи благодаря более высокому уровню дохода или наличию полиса ДМС. Пожилые люди предсказуемо предпочитают традиционные способы связи с врачом и оказываются аутсайдерами происходящих изменений.

Дискуссия и выводы

Исследование продемонстрировало, что готовность прибегать к дистанционным медицинским консультациям обусловлена восприятием особенностей взаимодействия в системе «врач — пациент» и готовностью приспосабливаться к изменениям в такой коммуникации, привносимым цифровыми технологиями. В условиях удаленного общения составить представление о том, насколько хорош и профессионален врач, затруднительно, а обеспечить доступ к телу / провести физический осмотр и вовсе невозможно. Однако именно эти аспекты являются ключевыми для формирования межличностного доверия врачу, столь необходимого сегодня в условиях кризиса институционального доверия здравоохранению и сомнений в эффективности и надежности системы в целом. Пациенты стремятся найти «своего» врача, в профессионализме которого будут уверены и с которым возможно продолжение общения в дистанционном формате. В ходе исследования выяснилось, что такие консультации в той или иной форме люди практикуют нередко, а готовность врача делиться личными контактами и консультировать в нерабочее время повышает доверие к нему. Пациентов, использующих такой способ взаимодействия с врачом, не пугает отсутствие возможности физического осмотра и очной консультации, поскольку общение строится на сформированном межличностном доверии, репрезентаций тела — фотографий, самоописаний, результатов анализов и др. — оказывается вполне достаточно. Отметим, что такие ДВК осуществляются по инициативе как врача, так и пациента.

Иная ситуация складывается в случае телемедицины. В отличие от предыдущего варианта, как правило, коммуникация происходит с незнакомыми, случайными специалистами, которых предлагают страховые компании или специализированные платформы. Межличностное

доверие в этом случае сформировать трудно, а потому для такого взаимодействия значение имеет наличие, с одной стороны, институционального доверия — веры в то, что институт здравоохранения эффективно выполняет свои функции, а с другой — доверия пациента себе. Пациент, обращающийся к услугам телемедицины, должен быть готов брать ответственность за принятие терапевтических решений на себя, осознавать специфику и сложности удаленной врачебной коммуникации и тем не менее стремиться наладить взаимопонимание со специалистом. Полагаем, что использование телемедицинских сервисов требует и роста компетентности пациента: обращаясь к незнакомому врачу, он должен понимать особенности своего тела и уметь корректно описывать симптомы. Более того, при телемедицине инициатором такого контакта всегда является пациент, что говорит о его согласии вступать в партнерские и партисипативные отношения с врачом и с институтом в целом. Именно поэтому телемедицина нередко практикуется для контроля назначений, получения второго мнения, уточнения информации теми пациентами, которые пытаются понять и контролировать свое тело и конкурируют в этом смысле с врачебной экспертизой.

Перспективы телемедицины связаны не столько с успешностью цифровизации и решением технических и организационных проблем, сколько с готовностью населения выстраивать новые отношения с системой здравоохранения. Некоторыми пациентами такие нововведения оцениваются позитивно, поскольку открывают новые возможности заботы о здоровье, а кем-то не принимаются вовсе. В группе аутсайдеров происходящих изменений предсказуемо оказались представители старших возрастных групп, а в числе инноваторов — люди, отмечающие наличие проблем со здоровьем и имеющие привычку заботиться о нем различными способами, в том числе контролируя врачебные предписания. Повышает шансы на вовлечение в ДВК и более высокий уровень дохода.

В целом значительная часть медицинских коммуникаций сегодня осуществляется на основе межличностного доверия, однако развитие телемедицины требует формирования институционального доверия здравоохранению и повышения автономии пациента в вопросах сохранения и поддержания здоровья. Настоящее исследование не преследует цель выработки практических рекомендаций. Вместе с тем полученные результаты могут быть использованы при создании программ оптимизации телемедицины, поскольку демонстрируют, что цифровизация здравоохранения не может быть осуществлена только с помощью решения технических вопросов и обеспечения доступа различных социальных групп к цифровым инновациям. Более важным является учет социальных аспектов происходящих изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомяжкова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Цифровые технологии в практике заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145–155. DOI: 10.31857/S013216250018705-8 EDN: LLDGJZ
2. Владзимирский А.В. История телемедицины — первые 150 лет // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2015. № 1. С. 10–16. EDN: YSHRPJ
3. Гурьева М.Э., Нежметдинова Ф.Т. Телемедицина — преимущества и риски // Медицинская этика. 2022. Т. 10. № 1. С. 4–9. DOI: 10.24075/medet.2022.039 EDN: ATMUPR
4. Зингерман Б.В., Шкловский-Корди Н.Е., Воробьев А.И. О телемедицине «пациент-врач» // Врач и информационные технологии. 2017. № 1. С. 61–79. EDN: XXJBTJ
5. Калабихина И.Е., Матюшина Д.А. Исследование отношения населения к телемедицинским технологиям на примере медицинских онлайн-консультаций // Население и экономика. 2018. № 2 (2). С. 78–94. DOI: 10.3897/poreson.2.e36048 EDN: NZNSGP
6. Лебедев Г.С., Шадеркин И.А., Фомина И.В., Лисненко А.А., Рябков И.В., Качковский С.В., Мелаев Д.В. Эволюция интернет-технологии в системе здравоохранения // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2017. № 2. С. 63–78. EDN: ZQJRDJ
7. Рожкова Е.В. Телемедицина в контексте доступности медицинской помощи в России // Население и экономика. 2018. № 2 (2). С. 110–128. DOI: 10.3897/poreson.2.e36049
8. Русанова Н.Е. История и проблемы цифрового здравоохранения в России // Население и экономика. 2018. № 2 (2). С. 5–23. DOI: 10.3897/poreson.2.e36046
9. Хит К. Телесная работа: совместное производство клинического объекта // Социология власти. 2017. № 29 (3). С. 258–285. EDN: YTPULK
10. Шадеркин И.А. Барьеры телемедицины и пути их преодоления // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 8 (2). С. 59–76. DOI: 10.29188/2712-9217-2022-8-2-59-76 EDN: SOXZRL
11. Шадеркин И.А., Шадеркина В.А. Дистанционные медицинские консультации пациентов: что изменилось в России за 20 лет // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021. № 7 (2). С. 7–17. DOI: 10.29188/2712-9217-2021-7-2-7-17 EDN: ROWCZD
12. Di Cerbo A., Morales-Medina J.C., Palmieri B., Iannitti T. Narrative review of telemedicine consultation in medical practice // Patient Preference and Adherence. 2015. Vol. 9. P. 65–75. DOI:10.2147/PPA.S61617
13. Greenhalgh T., Vijayaraghavan S., Wherton J., Shaw S., Byrne E., Campbell-Richards D., Bhattacharya S., Hanson P., Ramoutar S., Gutteridge C., Hodkinson I., Collard A., Morris J. Virtual online consultations: advantages and limitations (VOCAL) study // British Medical Journal. 2016. Vol. 6 (1). P. e009388. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-009388

14. *Grünfelde M.* Face-to-Face with the Doctor Online: Phenomenological Analysis of Patient Experience of Teleconsultation // *Human Studies*. 2022. Vol. 45 (5). P. 673–696. DOI: 10.1007/s10746-022-09652-4
15. *Grossman D., Grindlay K.* Safety of medical abortion provided through telemedicine compared with in person // *Obstetrics & Gynecology*. 2017. Vol. 130 (4). P. 778–782. DOI: 10.1097/AOG.0000000000002212
16. *Honaker J., King G., Blackwell M.* Amelia II: A program for missing data. *Journal of statistical software*. 2011. Vol. 45 (7). P. 1–47. DOI: 10.18637/jss.v045.i07
17. *Jung C., Padman R.* Virtualized healthcare delivery: Understanding users and their usage patterns of online medical consultations. *International Journal of Medical Informatics*. 2014. Vol. 83 (12). P. 901–914. DOI: 10.1016/j.ijmed-inf.2014.08.004
18. *Little R.J.A.* A Test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values // *Journal of the American Statistical Association*. 1988. Vol. 83 (404). P. 1198–1202. DOI: 10.1080/01621459.1988.10478722

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богомяжкова Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории и истории социологии,

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

Телефон: +7 (911) 265-57-56. **Электронная почта:** e.bogomyagkova@spbu.ru

Орех Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории и истории социологии,

Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (911) 911-15-22. **Электронная почта:** e.orekh@spbu.ru

Глухова Мария Евгеньевна — аспирант, факультет социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Телефон: +7 (921) 346-05-01. **Электронная почта:** mglukhova@eu.spb.ru

Дата поступления: 13.03.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. NO. 3. P. 29–48. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.2

Research Article

**ELENA S. BOGOMIAGKOVA¹, EKATERINA A. OREKH¹,
MARIA E. GLUKHOVA²**

¹St Petersburg State University.

7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russian Federation.

²European University at Saint Petersburg.

6/1A, Gagarinskaya st., 191187, St Petersburg, Russian Federation.

TELEMEDICINE IN RUSSIAN MEGACITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article presents the results of a mixed empirical study carried out in 2020–2021, which included semi-structured interviews with residents of large Russian cities (N = 90) and a telephone survey of residents of Saint Petersburg (N = 861). The focus of our attention is people's experience of receiving remote medical consultations, the factors influencing it, as well as the attitudes that have developed towards this sort of assistance. The article aims at identifying possibilities and limitations of a new type of communication between doctor and patient, mediated by digital technologies. Based on the results of the research, conclusions about the prevalence of remote medical consultations, as well as how they are embedded in the everyday life of citizens and how they actualize important aspects of interaction with medical professionals were formulated.

It was revealed that remote medical consultations in general need to be separated from telemedicine as one of its variants. According to the results of the study, 25.2% of respondents have communicated at least once with a doctor remotely. Typically such interaction occurs with “trusted” doctors — those with whom personal, and often repeated contact has proven to be effective, and can be initiated by both the doctor and the patient. The situation is different in the case of telemedicine, attitudes towards which can be explained by how the specifics of interaction in the doctor-patient system are perceived. The inability to provide a physical examination and difficulties in establishing personal contact are among the more significant reasons preventing the use of telemedicine. Since telemedicine involves contact with unknown doctors and is always initiated by the patient, the basis for resorting to it is not interpersonal trust in the specialist, but the presence of institutional trust in the healthcare system and a significant degree of patient autonomy. People who are aware that they have health problems and have a habit of taking care of themselves in various different ways, including by means of monitoring medical recommendations, are more likely to communicate remotely with a doctor. A higher level of income increases the chances of resorting to such consultations. Predictably, representatives of older age groups turned out to be in the outsider group.

Keywords: telemedicine; remote medical consultations; d-Health; health care; trust in the doctor; institutional trust; telephone survey; semi-structured interviews; regression analysis.

For citation: Bogomiagkova, E.S., Orekh, E.A., Glukhova, M.E. Telemedicine in Russian Megacities: Problems and Prospects. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 29–48. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.2

Acknowledgment. The article was prepared under support of the RFBR grant (project No. 20-013-00770A).

REFERENCES

1. Bogomiagkova E.S., Orekh E.A., Glukhova M.E. Digital technologies in the healthcare practices of St.-Petersburg residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 145–155. DOI: 10.31857/S013216250018705-8 (In Russ.)
2. Vladzimirskiy A.V. The first 150 years of a telemedicine history. *Zhurnal telemeditsiny i elektronogo zdravoookhraneniya*. 2015. No. 1. P. 10–16. (In Russ.)
3. Guryleva M.E., Nezhmetdinova F.T. Telemedicine: advantages and risks. *Meditsinskaya etika*. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 4–9. DOI: 10.24075/medet.2022.039 (In Russ.)
4. Zingerman B.V., Shklovsky-Kordi N.E., Vorobiev A.I. About telemedicine “patient to doctor”. *Vrach i informatsionnye tekhnologii*. 2017. No. 1. P. 61–79. (In Russ.)
5. Kalabikhina I.E., Matyushina D.A. A study of the population's attitude to telemedicine technologies on the example of online medical consultations. *Naselenie i ekonomika*. 2018. No. 2 (2). P. 78–94. DOI: 10.3897/popecon.2.e36048 (In Russ.)

6. Lebedev G.S., Shaderkin I.A., Fomina I.V., Lisnenko A.A., Ryabkov I.V., Kachkovsky S.V., Melaev D.V. Evolution of internet technologies in healthcare. *Zhurnal teleditsiny i elektronnoho zdavookhraneniya*. 2017. No. 2. P. 63–78. (In Russ.)
7. Rozhkova E.V. Telemedicine in the context of accessibility of medical aid in Russia. *Naselenie i ekonomika*. 2018. No. 2 (2). P. 110–128. DOI: 10.3897/popecon.2.e36049 (In Russ.)
8. Rusanova N. E. History and Issues if digital healthcare in Russia. *Naselenie i ekonomika*. 2018. No. 2 (2). P. 5–23. DOI: 10.3897/popecon.2.e36046 (In Russ.)
9. Heath C. Body Work: The Collaborative Production of the Clinical Object. *Sotsiologiya vlasti*. 2017. No. 29 (3). P. 258–285. (In Russ.)
10. Shaderkin I.A. Telemedicine barriers and ways to overcome them. *Rossiiskii zhurnal teleditsiny i elektronnoho zdavookhraneniya*. 2022. No. 8 (2). P. 59–76. DOI: 10.29188/2712-9217-2022-8-2-59-76 (In Russ.)
11. Shaderkin I.A., Shaderkina V.A. Remote medical consultations for patients: what has changed in Russia in 20 years. *Rossiiskii zhurnal teleditsiny i elektronnoho zdavookhraneniya*. 2021. No. 7 (2). P. 7–17. DOI: 10.29188/2712-9217-2021-7-2-7-17 (In Russ.)
12. Di Cerbo A., Morales-Medina J. C., Palmieri B., Iannitti T. Narrative review of telemedicine consultation in medical practice. *Patient Preference and Adherence*. 2015. Vol. 9. P. 65–75. DOI:10.2147/PPA.S61617
13. Greenhalgh T., Vijayaraghavan S., Wherton J., Shaw S., Byrne E., Campbell-Richards D., Bhattacharya S., Hanson P., Ramoutar S., Gutteridge C., Hodgkinson I., Collard A., Morris J. Virtual online consultations: advantages and limitations (VOCAL) study. *British Medical Journal*. 2016. Vol. 6 (1). P. e009388. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-009388
14. Gr̄infelde M. Face-to-Face with the Doctor Online: Phenomenological Analysis of Patient Experience of Teleconsultation. *Human Studies*. 2022. Vol. 45 (5). P. 673–696. DOI: 10.1007/s10746-022-09652-4
15. Grossman D., Grindlay K. Safety of medical abortion provided through telemedicine compared with in person. *Obstetrics & Gynecology*. 2017. Vol. 130 (4). P. 778–782. DOI: 10.1097/AOG.0000000000002212
16. Honaker J., King G., Blackwell M. Amelia II: A program for missing data. *Journal of statistical software*. 2011. Vol. 45 (7). P. 1–47. DOI: 10.18637/jss.v045.i07
17. Jung C., Padman R. Virtualized healthcare delivery: Understanding users and their usage patterns of online medical consultations. *International Journal of Medical Informatics*. 2014. Vol. 83 (12). P. 901–914. DOI: 10.1016/j.ijmedinf.2014.08.004
18. Little R.J.A. A Test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values. *Journal of the American Statistical Association*. 1988. Vol. 83 (404). P. 1198–1202. DOI: 10.1080/01621459.1988.10478722

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena S. Bogomiagkova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Sociology, St Petersburg State University.
Phone: +7 (911) 265-57-56. **Email:** e.bogomyagkova@spbu.ru

Ekaterina A. Orekh — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Sociology, St Petersburg State University.
Phone: +7 (911) 911-15-22. **Email:** e.orekh@spbu.ru

Maria E. Glukhova — PhD student, Department of Sociology, European University at Saint Petersburg. **Phone:** +7 (921) 346-05-01. **Email:** mglukhova@eu.spb.ru

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

EDN: DEGCHG

А. В. МЕРЕНКОВ¹, И. Г. ПОЛЯКОВА¹

¹ ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА¹

Аннотация. Проблема увеличения рождаемости в России является одной из важных, определяющих направленность демографической политики государства. Достижения современной медицинской науки предлагают разные технологии, позволяющие мужчинам и женщинам, не имеющим возможности по медицинским показаниям стать родителями, обрести такую возможность. В статье рассматриваются теории, раскрывающие сущность и содержание потребности человека продолжить себя в следующих поколениях с использованием такой технологии, как суррогатное материнство.

Исходя из методологии анализа конкретных социальных явлений на основе общей теории детерминации человеческой деятельности прежде всего рассматриваются имеющиеся в социологии и психологии представления о роли внешней и внутренней необходимости, потребностей в формировании мотивации обращения к суррогатному материнству (А. Здравомыслов, А. Меренков). Отмечается ведущая роль инстинкта человека продолжить себя в следующих поколениях. Влияние потребностей в становлении мотивации человеческого поведения анализируется на основе теоретических положений (Г. Арефьева, А. Бандура, А. Маслоу, А. Леонтьев), раскрывающих процесс сознательного поиска индивидами способов удовлетворения потребностей, исходя из имеющихся возможностей. Появление медицинской технологии рождения ребенка с помощью женщины, организм которой, получив чужой генетический материал, способен выполнить эту функцию, формирует совокупность разных мотивов заказчика и исполнителя этой задачи. Теория социального капитала П. Бурдьё позволяет выделить совокупность экономических, социальных, культурных условий, определяющих содержание внешних и внутренних факторов, побуждаю-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

ших к возникновению системы взаимодействия между этими социальными субъектами. Конкретные мотивы в появлении своих детей раскрываются в исследованиях У. Миллера, Д. Фридмана, Дж. Гринберга. Основой для исследования мотивации женщин, выступающих в качестве суррогатных матерей, являются работы П. Бергера, Т. Лукмана, М. Фуко, изучавших современную культуру использования человеком своего тела для реализации различных потребностей. При этом у суррогатной матери могут возникать разные формы идентификации себя с рожденным ребенком. Анализ их противоречивости осуществляется на основе концепций идентичности М. Хайдеггера, Э. Эриксона, Э. Гидденса, Ж. Тошечко.

Делается вывод, что использование совокупности теоретических подходов к выявлению социокультурных факторов, влияющих на мотивацию суррогатного материнства, обеспечивает квалифицированное проведение эмпирических исследований, выявляющих специфику применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в нашей стране.

Ключевые слова: мотивация; теории мотивации; родительство; вспомогательные медицинские технологии; дети; потребность в собственных детях; суррогатное материнство.

Для цитирования: *Меренков А.В., Полякова И.Г.* Теоретические подходы к изучению мотивации суррогатного материнства // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3 EDN: DEGCHG

Введение

Демографические проблемы в целом и бесплодие в частности остаются одним из главных вызовов современности. По данным ВОЗ, бесплодными являются 15–20% пар репродуктивного возраста, но достоверные данные в этой области отсутствуют как в мире, так и в России в связи со сложностью проведения исследований. В настоящее время в России активно обсуждается возможность полного либо частичного запрета на суррогатное материнство. Так, Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ введен запрет на использование на территории Российской Федерации института суррогатного материнства *для иностранных граждан и лиц без гражданства*. В то же время на официальном сайте Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) опубликована позиция этой организации по суррогатному материнству от 11.02.2022, в которой говорится, что запрет суррогатного материнства противоречит праву человека на медицинскую помощь. Там же приведены обращения тех пациенток, которые категорически возражают против запрета суррогатного материнства.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий дает шанс многим людям стать родителями собственных детей. Так, по данным отчета регистра вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) Российской ассоциации репродукции человека, ежегодно в России

с помощью суррогатных матерей появляются на свет порядка 800 младенцев (в регистр ВРТ РАРЧ входят далеко не все репродуктивные центры страны). К сожалению, достоверно учесть всех детей, рожденных путем суррогатного материнства в России, невозможно.

С одной стороны, данная медицинская технология, достаточно активно применяемая в разных странах мира, позволяет обрести радость родительства определенной части семейных пар, бездетным мужчинам и женщинам. С другой стороны, институт суррогатного материнства вызывает ряд этических, юридических, психологических и социальных проблем. Они вызваны тем, что данный способ рождения человека является самым сложным видом вспомогательных репродуктивных технологий с точки зрения как взаимодействия всех, кто включен в данный процесс, так и отношения разных социальных групп к этому средству решения демографических проблем в конкретной стране. На протяжении длительного времени в этом процессе требуется физическое участие женщины, согласившейся по разным причинам стать суррогатной матерью [22]. Как суррогатные матери, так и реципиенты находятся в сложной морально-этической ситуации и на стадии принятия решения, и далее, в процессе беременности, родов и определения прав на ребенка. Мотивация суррогатных матерей в наибольшей степени подвержена влиянию общественных представлений о допустимости таких практик [46].

В мировом сообществе к настоящему времени не возникло единства в отношении к практике суррогатного материнства. В одних странах (Франция, Германия) оно запрещено, в других (Великобритания, Греция, Израиль) разрешено только суррогатное материнство, мотивом которого является альтруизм, желание помочь бесплодным парам стать родителями своих детей. Запрет, как правило, обусловлен предполагаемыми физическими или психологическими рисками как для суррогатных матерей, так и для детей, рожденных в результате суррогатного материнства [33]. В национальных законодательствах существуют различные подходы к определению, кому принадлежат приоритетные права в ситуации суррогатного материнства. Например, в России суррогатная мать не только выступает в роли «гестационного курьера»², но и имеет права на ребенка, и ее решение приоритетно. Отмечается, что в нашей стране есть значительные пробелы и недостатки в законодательстве, касающемся суррогатного материнства, особенно защиты прав детей. Государственное законодательное регу-

² Понятие, введенное ВОЗ и призванное заменить понятие «суррогатная мать». «Гестационным курьером» обозначают женщину, вынашивающую и рождающую ребенка с помощью ЭКО, материал для которого предоставляют оба будущих биологических родителя или третьи лица в случае нездоровья первых. — *Прим. ред.*

лирование суррогатного материнства является приоритетной задачей [25].

В дискуссиях об этике суррогатного материнства вопрос о мотивации суррогатных матерей часто выходит на первый план, особенно когда речь идет о двух внешне противоположных моделях суррогатного материнства: альтруистической, которая преобладает в большинстве западных стран, и коммерческой, которая больше распространена в развивающихся странах. Существует следующая дилемма: с одной стороны, есть вероятность, что суррогатные матери, которые руководствуются финансовыми мотивами и вступают в коммерческие отношения с предполагаемыми родителями, будут более склонны подвергать риску здоровье плода или прибегать к шантажу. С другой стороны, возможно, что суррогатные матери, которые руководствуются альтруистическими мотивами, сами станут жертвой эксплуатации со стороны бесплодных пар [54].

Суррогатное материнство в репродукции человека — относительно новое и малоизученное явление. Исследование данного феномена требует выделения совокупности факторов, влияющих на этот процесс. Они включают как природные законы воспроизводства человека, так и нормы, правила организации деятельности по созданию условий для рождения потомства у людей, сталкивающихся с диагнозом бесплодие, но испытывающих потребность в рождении собственных детей.

Цель данной статьи — анализ и обоснование основных теоретических подходов к изучению совокупности социокультурных факторов, определяющих мотивацию суррогатного материнства у главных его субъектов: заказчиков (супружеские пары, одинокие женщины или мужчины) и исполнителей, то есть женщин, которые становятся суррогатными матерями.

Для реализации поставленной цели требуется обосновать выбор теорий, позволяющих раскрыть воздействие социокультурных факторов на мотивацию людей при решении об использовании суррогатного материнства. Одним из исходных факторов, влияющих на поведение человека, является совокупность *потребностей*, которые он стремится реализовать. Их содержание определяется организацией общественной жизни, нормами и правилами культуры. Все это обосновывает необходимость рассмотреть *теории формирования мотивации на основе потребности стать родителями* у тех, кто не может ее реализовать обычным способом.

Кроме того, подобного анализа требует и мотивация женщин, готовых стать суррогатными матерями. Их решение определяется совокупностью особых по направленности и содержанию потребностей, экономическими, социальными, культурными условиями жизни, представлениями о возможности распоряжаться своим телом таким образом.

Существует необходимость анализа *теорий о человеческом капитале*, на основе которых исследуется его содержание у всех участников реализации технологии суррогатного материнства. Анализ экономического, культурного, социального капитала позволяет уточнить содержание мотивов, определяющих обращение людей за помощью к специалистам по данной репродуктивной технологии.

При рождении ребенка с помощью суррогатного материнства возникает еще одна социальная проблема: кому принадлежит этот ребенок, кто имеет право определять его настоящее и будущее? Следовательно, есть необходимость в рассмотрении *теорий, позволяющих исследовать культуру взаимодействия* как тех, кто предоставляет генетический материал для зачатия, так и тех, кто обеспечивает вынашивание и рождение ребенка.

Базовые побудители: потребности и мотивы

Изучение влияния социокультурных факторов на мотивацию сторон суррогатного материнства основано на *общей теории системы детерминации* человеческой деятельности. Исходным побудителем действий людей во всех науках о человеке считается потребность. Она трактуется как побуждение к тому, чтобы получить то, что необходимо для повседневной жизни [13, с. 5–6]. А.Г. Здравомыслов связывает потребность с необходимостью: «Потребность можно определить как непосредственное выражение необходимости в чем-то субъективно, она есть то, что требует своего удовлетворения, благодаря чему выступает исходной причиной деятельности» [10, с. 164].

Психологи и социологи сходятся в том, что поведение человека в значительной степени зависит от тех условий, в которых он находится. Они выступают в качестве *внешней необходимости*, так как представляют собой совокупность материальных возможностей, социальных норм и правил, которые следует выполнять, чтобы индивид был принят обществом. Так, роль социального окружения в поведении людей отмечается в работах зарубежных исследователей [31; 47; 49; 52]. Когда человек *вынужденно* принимает требования общности или отдельных индивидов, у него не возникает активность, направленная на полную их реализацию [48], чтобы вести себя в соответствии с ожидаемой группой культурной нормой [35; 39]. Индивид формально выполняет определенные обязанности, общественные пожелания [43]. Этим, в частности, объясняется не очень высокая эффективность стимулирования рождаемости двух детей и более с помощью материнского капитала, так как не сформировалась личная потребность родить следующего ребенка [5].

Формирование этой потребности происходит под воздействием *внутренней необходимости*. Ее особенностью является то, что она, во-первых, выражает индивидуальные склонности человека к опре-

деленной деятельности, во-вторых, непосредственно вызывает активность, направленную на создание, использование того, что обеспечивает существование и развитие социального субъекта [16]. Под влиянием внутренней необходимости возникает *потребность* как побуждение к деятельности, в частности, направленной на использование технологии суррогатного материнства.

Потребность рассматривается А. Маслоу как *основа мотивации*: «Проявление частного мотива практически всегда зависит от общего удовлетворения потребностей организма» [14, с. 65]. Сама потребность трактуется А. Маслоу как совокупность желаний, возникающих у человека в конкретной ситуации [14, с. 65].

Потребность при условии ее осознания ведет к постановке цели. В ней представлен образ конечного результата, которым является будущее состояние личности. Влияние цели на поведение исследуется в работах Дж. Рутгер [51], А. Бандуры [31]. Когда возникает и утверждается желаемый образ будущего, появляется необходимость поиска способов его достижения. Возникает интерес как активность, направленная на реализацию потребностей социального субъекта [2]. Ценность разных способов ее удовлетворения определяется имеющимися возможностями. Выбор лучшего из них осуществляется в системе ценностных ориентаций. В процессе осознанного выбора возникает мотивация как система *рационального обоснования* человеком требуемых действий. Основой мотивации является совокупность мотивов, в которой представлены ведущие внешние и внутренние причины, влияющие на принятие личностью установки на совершение действий.

Исходя из представлений об общей детерминации поведения людей осуществляется анализ потребностей, целей, ценностных ориентаций, мотивов, определяющих обращение к суррогатному материнству как способу продолжения себя в детях, рожденных женщиной, согласившейся выносить ребенка за других людей. Мотивация использования суррогатного донорства возникает, когда человек, выступающий в роли заказчика, сознательно выбирает этот способ появления своих детей при отсутствии по физиологическим и социокультурным причинам возможности использовать заданный природой способ. У женщин, предоставляющих свое тело для реализации этой потребности, существует своя совокупность разных по содержанию мотивов, определяемых экономическими, социальными, культурными, личностными факторами. Они становятся предметом эмпирических исследований суррогатного материнства.

Репродуктивные мотивы людей классифицируются по-разному. В частности, исследователи выделяют экономические, социальные и психологические мотивы [1]. Эти мотивы определяются представлениями о реализации человеческого капитала при рождении ребенка с помощью суррогатного материнства. *Человеческий капитал* П. Бурдье

рассматривает как основание использования имеющихся материальных, социальных, интеллектуальных ресурсов, которые привлекаются для реализации конкретных целей [4]. Им выделяются три основные формы капитала: экономический, культурный и социальный. При использовании суррогатного материнства заказчик такой услуги должен обладать требуемыми финансовыми возможностями, чтобы обеспечить весь процесс вынашивания и рождения ребенка донором. Женщина, включенная в этот процесс, может рассматриваться как субъект, увеличивающий свой экономический капитал в результате выполнения заказа.

Культурным капиталом П. Бурдьё считал наличие определенного образования и реализацию культурных норм, правил, регулирующих деятельность социального субъекта. Анализируя мотивы обращения к суррогатному материнству, следует выделить такую не только природную, но и *культурную* норму, как наличие у мужчины, женщины своих детей. Во все времена считалось, что человек должен создать семью и родить детей. Их появление рассматривалось как приобретение человеком особого *социального капитала*, который указывал на принадлежность к социальной общности родителей, давших жизнь новому поколению, продолживших свой род. Возникает особый *социальный ресурс*, выражающийся в том, что дети продолжают то, чем занимались их предки, сохраняют культуру не только родителей, но и всего этноса, частью которого они являются.

Для женщин, готовых стать суррогатными матерями, социальным капиталом может стать желание принадлежать к общности тех, кто способен оказать помощь таким людям, исходя из альтруистических мотивов. Они воспринимают свою работу как особую форму социального служения, проявления милосердия, сострадания бесплодным парам.

Раскрывая связь разных форм капитала с появлением и умножением имеющихся ресурсов, П. Бурдьё подчеркивал, что в процессе изменения форм капитала возникают новые ресурсы, особенно в той ситуации, когда существует их дефицит [4]. В прошлом, когда смертность детей была высокой, рождение нового ребенка рассматривалось, в частности, как преодоление дефицита работников в семье и населения в конкретной стране. В настоящее время у человека, обращающегося к суррогатному материнству, мотивом является приобретение желаемого социального капитала благодаря рождению своего ребенка, который выступает ресурсом сохранения себя в потомках, а также заботы и помощи в старости.

Возникает система потребностей, целей, ценностных ориентаций, мотивов, установок, определяющих решение о рождении своих детей. Одной из теорий, раскрывающих этот процесс, является *модель Уоррена Миллера — TDIB (Traits — Desires — Intentions — Behaviour)* [44].

Первым элементом модели являются *личностные черты человека (traits)*, которые могут быть результатом его жизненного опыта, формирующего положительную или отрицательную мотивацию на рождение ребенка. Особенности личности оказывают существенное влияние на формирование второго элемента — *сознательного желания (desires)* иметь детей, а также на их количество и время появления на свет.

Третьим элементом модели являются *конкретные намерения (intentions)*, анализ которых позволяет более точно предсказать выбор того или иного репродуктивного поведения, включая суррогатное материнство, поскольку они носят более осознанный характер и отражают высокую степень уверенности в наличии готовности заботиться о будущем ребенке [37]. У. Миллер считает, что мотивация может иметь интринсивный (деторождение рассматривается как основная цель) или экстринсивный характер (деторождение является средством достижения иных, весьма разных по содержанию целей) [37].

Ценность родительства: осознанный выбор

Анализ различных трактовок мотивации рождения детей — в частности, с помощью суррогатного материнства — раскрывает внутреннюю необходимость людей, не имеющих возможности реализовать эту цель традиционным способом. Благодаря содействию женщин, готовых выносить для них ребенка, родители могут продолжить себя в потомках, передать им то, что они создали в течение жизни для удовлетворения как своих материальных, духовных интересов, так и интересов наследников.

Финские исследователи выявили мотивы поведения, определяющего феномен *baby fever* — стремление обязательно иметь детей, используя в крайнем случае суррогатное материнство [50]. Было обнаружено, что часть женщин руководствуются в первую очередь не рациональными, а эмоциональными/психологическими аспектами при возникновении желания иметь ребенка. Стремление иметь детей осмысливается как сильное и безотлагательное, «максимально интенсивное желание стать родителем» [50, с. 286].

Несмотря на распространенное убеждение, что настоятельное стремление к деторождению характерно прежде всего для женщин, исследователями было обнаружено, что почти каждый второй опрошенный финский мужчина выражал это желание [50, с. 284].

Особое место в этих мотивах занимает *осознание ценности детей (value of children — VoC)*, которая изучалась В. Хоффманом и М. Хоффманом [41; 42]. Исследователями было выделено девять составляющих в представлениях о социокультурной ценности ребенка:

1) подтверждение при его появлении своего «взрослого» статуса и социальной идентичности;

2) продолжение себя в детях и обеспечение тем самым определенного бессмертия;

3) моральная оправданность своих действий, направленных на заботу о детях, выполнение связанных с этим религиозных требований;

4) создание своей первичной социальной группы, чувство принадлежности к ней;

5) успешность и творчество в процессе выполнения родительского труда как способ самореализации;

6) радость от новизны и непредсказуемости опыта родительства (дети привносят в жизнь взрослых новые впечатления, обогащают ее);

7) влияние на других (родители воспитывают и учат своих детей, направляя их социализацию);

8) включение в социальную конкуренцию в процессе предоставления детям помощи, поддержки в их самоутверждении, самореализации, достижении более высоких результатов, чем у выходцев из других семей;

9) экономическая полезность от их достижений, передача им по наследству того, что накоплено родителями [41].

Другие исследователи при изучении ценности родительства выделяют экономический, психологический и социальный факторы [29; 45]. Указывается, что деторождение определяется следующими детерминантами: биологическим (фертильность партнеров, их возраст), социально-экономическим (доступность медицинских технологий, позволяющих решить эту задачу, если имеются заболевания, не позволяющие естественным путем забеременеть и выносить ребенка), психологическим (желание иметь ребенка).

Развивая общую теорию ценности детей, Дебра Фридман и ее коллеги пришли к выводу, что в ней не в полной мере учитываются глубинные, не всегда осознаваемые людьми психологические факторы мотивации рождения потомства [38]. Они предложили свою теорию родительства как снижения социальной неопределенности личности (*uncertainty reduction theory of parenthood*), связывающую ценность детей с мотивацией снижения неопределенности в результате приобретения нового социального капитала. «Иметь ребенка значит осуществить переход своей жизни от неопределенности до достаточно высокой определенности» [38, с. 383].

Существуют и другие теории изучения мотивации стать родителями. Теория управления страхом смерти (*terror management theory* — ТМТ), разработанная Джеффом Гринбергом и его коллегами, объясняет мотивацию родительства страхом неизбежности смерти личности и необходимостью продолжения себя — хотя бы частично — в детях [40].

Следует отметить попытку применить разные теории мотивации при разработке методики изучения конкретных мотивов репродуктивного поведения. Франком ван Баленом и Труди Тримбос-Кемпер [8] был предложен «Перечень мотивов родительства» (*parenthood-motivation list*), составленный в результате исследования рождаемости в Нидерландах. Разработанный ими опросник включал открытые вопросы о преимуществах и недостатках родительства.

**Мотивация суррогатного материнства:
«мое тело — мое дело», или «хочу помочь»**

Мотивация суррогатного материнства для удовлетворения потребности других людей в детях отличается обязательным включением в процесс ряда субъектов. Основная причина этого взаимодействия — то, что официально разрешенное репродуктивное донорство является элементом технологий, использование которых разрешается специально подготовленным медицинским работникам.

Суррогатное материнство представляет собой добровольное предоставление здоровым человеком своего организма для оказания помощи нуждающимся. Эта процедура регулируется юридическими нормами, специальными правилами подбора женщин, способных выносить и родить здорового ребенка. Поэтому анализ характеристик суррогатного материнства как социокультурного явления включает его рассмотрение в системе взаимодействия следующих субъектов: 1) врачей, владеющих знаниями, умениями, необходимыми для получения нужного результата с помощью медицинских манипуляций; 2) женщины, готовой предоставить свое тело для вынашивания и рождения ребенка; 3) специалистов, создающих необходимые условия; 4) заказчиков, предоставляющих свой генетический материал для рождения ребенка; 5) людей, контролирующих соблюдение норм и правил, обеспечивающих права и обязанности всех участников этой деятельности.

Все эти характеристики суррогатного материнства как социокультурного явления определяют возникновение и утверждение мотивации женщин в предоставлении своего тела для рождения чужого ребенка. Внешняя необходимость выражается в наличии потребности людей, нуждающихся в суррогатном материнстве. Она осознается как фактор, побуждающий определенную часть женщин выяснить возможности оказания им личной помощи. Под влиянием информации об этом, а также экономических, моральных факторов возникает внутренняя необходимость стать суррогатной матерью. Под ее воздействием формируется потребность включиться в процесс предоставления этой услуги. Возникает принятие ценности выношенного тобой ребенка для других людей. Утверждается ценностная ориентация на предоставление своего тела для вынашивания ребенка, зачатого с помощью генетического материала будущих родителей. Далее возникает устойчивая мотивация личности на суррогатное материнство, включающая

рациональное и чувственно-эмоциональное обоснование ее целей, ценностей, выбранного способа оказания помощи людям, желающим стать родителями. Таким образом можно описать «идеальную» мотивацию суррогатного материнства.

С точки зрения мотивации необходимо отметить наличие двух внешне противоположных моделей суррогатного материнства: альтруистическое, которое преобладает в большинстве западных стран, и коммерческое, более распространенное в странах развивающихся. Главный вопрос здесь — доверие к суррогатной матери, руководствующейся исключительно альтруистическим стремлением «подарить жизнь» и помочь другим, в противоположность суррогатной матери, для которой приоритетным является вопрос о финансовом вознаграждении [54]. Значимым фактором, обуславливающим мотивацию суррогатных матерей, таким образом, выступает законодательная база каждого конкретного государства. В странах, где коммерческое суррогатное материнство запрещено (Великобритания, Греция, Израиль, ЮАР и проч.), законы о нем акцентируют прежде всего альтруистические мотивации [34], хотя и признают необходимость финансовой компенсации суррогатной матери за расходы на медицинское обслуживание, питание, транспорт, покупку одежды для беременных. В таких странах «хорошая» суррогатная мать концептуализируется как «свободно отдающая себя ради блага других, не желающая и не получающая ничего взамен» [56].

В связи с тем что в ситуации суррогатного материнства женщина по своему желанию распоряжается своим организмом (телом), следует обратиться к изучению телесности в науках о человеке. Современное понимание тела как продукта определенной культуры, а не только природы опирается на следующие фундаментальные основания. Во-первых, это средство коммуникации, с помощью которого индивиды/группы передают информацию о себе через мнение окружающих людей [11]. Во-вторых, социальное тело предстает как взаимосвязь природного и культурного/социального [53]. Тело становится объектом, которым распоряжается индивид по своему усмотрению. П. Бергер и Т. Лукман замечают, что «человек воспринимает себя как существо, не идентичное своему телу, а, напротив, имеющее это тело в своем распоряжении» [32].

Конструирование желаемого тела осуществляется с помощью необходимых *социальных действий*. Э. Дюркгейм считал, что действия и поведение человека жестко детерминированы социальной средой [9]. Исследованию теории социального действия уделил большое внимание Т. Парсонс. Он выделил в «системе человеческих действий» социальную, культурную и личностную подсистемы [21].

В современных социологических концепциях (Дж. Александер, А. Турен, Ю. Хабермас и др.) предпринимается попытка раскрыть

особенности социальных действий как с учетом объективных факторов (социальных фактов), так и с помощью потребностно-мотивационного подхода.

В работах М. Фуко раскрыты различные виды телесных практик через концептуализацию отношений между разными социальными субъектами. Исходя из этого можно выделить особенности практик взаимодействия людей, желающих иметь своих детей, с женщинами, готовыми стать суррогатными матерями для реализации потребностей заказчика обрести радость родительства.

Те женщины, которые предоставляют свое тело для рождения ребенка другим людям, проявляют особую форму благотворительности. Роль религиозных факторов в проявлении благотворительности раскрыл М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [6]. Важнейшей особенностью данной мотивации является готовность поделиться своими биологическими возможностями *добровольно*, испытывая сострадание к другим людям. Это сформированное культурой чувство побуждает согласиться на боль, страдания, снижение уровня своего личного здоровья, которые могут сопровождать процесс вынашивания ребенка. Повышается уровень осознанности деятельности, которой женщина занимается ради помощи нередко незнакомым ей людям. Мотивация суррогатного материнства усиливается переживанием таких нравственных чувств, как милосердие, сочувствие, совесть, долг, ответственность, составляющих сущность культуры сотрудничества [18, с. 190–195].

Свой – чужой ребенок: проблемы идентификации суррогатных матерей

Мотивация суррогатных матерей может определяться не только альтруистическими, но и сугубо экономическими побуждениями. Такая деятельность рассматривается как вид женской занятости. В этом случае женщина, вынашивающая для других ребенка, относится к этому процессу как к обычной работе, за которую получает удовлетворяющую ее потребности плату [22]. При этом не должны ущемляться интересы и права рожденного ребенка и ее собственных детей. Однако следует также учитывать проблему, которая может возникнуть из традиционного материнского приоритета женщины, родившей ребенка. Она может предъявить свои права на него [55], так как возможно включение инстинкта идентификации ребенка с собой.

Обратимся к трактовкам сущности и особенностей идентификации личности. В работах М. Хайдеггера данное явление трактуется как отождествление социального субъекта с самим собой, с представителями разных общностей [27]. Э. Эриксон рассматривал идентичность как процесс и результат внутренней солидарности индивида с ценностями определенных групп, их идеалами и стандартами [28]. При этом

происходят, с одной стороны, самоузнавание и самоосмысление своей схожести с другими людьми, а с другой — понимание своей уникальности, так как проявляется индивидуальная форма реализации общих с группой ценностей. Все это происходит при социализации личности в процессе приобщения к определенной культуре. З. Фрейд считал, что у детей самоидентификация представляет собой бессознательный процесс отождествления с родителями [26, с. 56]. Это же может происходить у матерей, отцов, которые считают, что дети, наследуя их генетические программы, являются как бы их частью.

У суррогатных матерей в процессе идентификации себя как матери рожденного для других людей ребенка возникает выбор между отождествлением ребенка под влиянием природного инстинкта с собой или отождествлением ребенка с теми, чьи оплодотворенные клетки она вынашивала в своем организме. С точки зрения заказчиков, по правилам договора, который потенциальная суррогатная мать заключает с ними, она должна руководствоваться нормами права, а не инстинктами.

Это подчеркивал Т. Парсонс, считая, что социальная идентичность представляет собой систему кодов, правил, с помощью которых обеспечивается принятое социумом поведение личности, выполняющей определенную роль [20]. Р. Мертон подчеркивал, что в этом случае индивид принимается как член конкретной группы, в частности женщин, помогающих бесплодным парам стать родителями своих детей [19]. В связи с этим Э. Гидденс отмечал важность сознательного выбора тех ценностей, которыми человек руководствуется при идентификации себя с той или иной общностью в конкретной жизненной ситуации [23]. При этом, по мнению И. Гофмана, может появиться «реальная» и «виртуальная» идентичность [7]. Реальная выражает относительно устойчивое внутреннее содержание личности, а виртуальная содержит образы, которые необходимы для того, чтобы создать желаемое впечатление индивида о себе («представление себя другим»). Развивая эту идею в концепции «борьбы идентичностей», Р. Фогельсон выделил четыре разновидности идентичности: реальную, идеальную, негативную и предьявляемую [36]. Идеальная идентичность выражается в наличии желания полностью соответствовать нормам определенной социальной группы; реальная проявляется в степени реализации этой цели; предьявляемая характеризуется стремлением внешне продемонстрировать требуемое поведение; негативная выступает в форме отказа от действий, подавляющих индивидуальность личности.

Каждая разновидность идентичности формируется в процессе целенаправленного воздействия социальных институтов и влияния стихийных агентов социализации. Индивид принимает определенные стандарты поведения, расширяет представления об образе жизни, потребительских ценностях, усваивает определенные стереотипы

сознания и поведения, включаясь в локальные и глобальные коммуникационные потоки [12]. Механизм возникновения и разрушения стереотипов характеризуется особым взаимодействием чувственно-эмоциональных и рациональных компонентов [15].

Их противоречивое сочетание проявляется в поведении суррогатных матерей, которые под воздействием чувственного фактора могут считать родившегося ребенка «своим», а рациональное осмысление реальности требует воспринимать его как «чужого», предназначенного тем, чьи гены он несет в себе. В этом случае, на наш взгляд, действует предложенная Ж.Т. Тошенко характеристика любой идентичности (гендерной, родительской, национальной, профессиональной и т. п.). Она предполагает наличие трех факторов, которые мы можем применить к идентификации женщины в качестве суррогатной матери. Это «Я-фактор» — когда женщина не только считает себя частью сообщества людей, которые занимаются такой формой помощи бесплодным парам, но и демонстрирует это при выполнении требований договора о суррогатном материнстве. «Мы-фактор» — когда люди, с которыми она взаимодействует — медицинские специалисты, юристы, родственники, информированные о принятии такого решения, — принимают его и содействуют реализации. Наконец, «Они-фактор» — когда положение суррогатной матери признают посторонние — третьи — лица (например, формирующие общественное мнение) [24]. Общественное мнение может быть вариативным, так как в нашей стране у людей существуют весьма разные представления о том, при каких условиях возможно использовать суррогатное материнство тем, кто не может по разным причинам самостоятельно родить своего ребенка.

Заключение

Проведенный анализ существующих в зарубежной и отечественной литературе теоретических подходов к выявлению совокупности социокультурных факторов, влияющих на мотивацию суррогатного материнства, позволил выявить содержание потребностей, целей, ценностных ориентаций, которые в настоящее время обосновывают необходимость применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в нашей стране. Рассмотренные теории позволяют определить особенности мотивации супружеских пар, мужчин и женщин, которые вынуждены обращаться к женщинам, согласным оказать им помощь в появлении собственных детей. Исходя из этих теорий также можно раскрыть содержание мотивов женщины, побуждающих ее стать суррогатной матерью. Эти мотивы могут противоречиво проявлять как альтруистическую направленность, так и коммерческую, побуждая в каждой конкретной жизненной ситуации находить оптимальные варианты удовлетворения интересов всех участников реализации данной технологии повышения рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ³

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. — 304 с.
2. Арефьева Г.С. Социальная активность. М.: Высшая школа, 1974. — 142 с.
3. Буюева Л.П. Человек, деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. — 216 с.
4. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология // Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.03.2023. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf EDN: OYUVRD
5. Валидова А.Ф. Влияние «материнского капитала» на рождаемость по данным российских обследований домохозяйств // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 506–513. EDN: JQGXVN
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с англ. М.И. Левина. М.: АСТ, 2021. — 352 с.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН [и др.]. М.: РГБ, 2007 — 302 с. EDN: QONBER.
8. Данина М.М., Кисельникова Н.В., Голзицкая А.А., Куминская Е.А., Маркова С.В., Карпинский К.В., Кольшко А.М. Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 2. № 22. С. 73–83. DOI: 10.11621/npj.2016.0207 EDN: XEPJRB
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. А.Б. Гофман. М.: Наука, 1990. — 575 с.
10. Здравомыслов А.Г. Интерес как категория исторического материализма // Вестник ЛГУ. Сер. Философия. 1959. № 3. С. 163–166.
11. Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» / Пер. с нем. К.А. Левинсона [электронный ресурс]. Дата обращения 15.03.2023. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/7.html>
12. Лакизо Е.А. Направления и ориентиры социальной идентификации личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2015. № 2 (28). С. 108–115.
13. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Московского Университета, 1971. — 40 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
15. Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. — 290 с.
16. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Уральской горно-геологической академии: Банк культурной информации. 2003. — 229 с. EDN: UCOMHT

³ Полный список литературы см. в References.

17. *Меренков А.В.* Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного горного университета, 2007. — 279 с. EDN: RXJVTP
18. *Меренков А.В.* Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. — 276 с. EDN: DXMCLP
19. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой; Науч. ред. З.В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 873 с.
20. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2000. — 880 с.
21. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Пер. с англ. Г. Беляева // Американская социологическая мысль / Сост. Е.И. Кравченко; Под ред. В.И. Добренкова. М.: Мысль, 1994. С. 448–464.
22. *Русанова Н.Е.* Репродуктивные возможности демографического развития. М.: Спутник, 2008. — 333 с. EDN: QOPHYD
23. *Селеткова Г.И.* Социальная идентификация в социогуманитарном дискурсе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19 (46). С. 69–80.
24. *Тощенко Ж.Т.* Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Российская академия наук, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 49–68. EDN RZNQFN
25. *Тювина Н.А., Николаевская А.О.* Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика, 2020. Т. 12. № 5. С. 104–110. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-5-104-110 EDN: OETDMU
26. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я / Пер. с нем. Л. Голлербах // Фрейд З. Избранное / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Наука, 1990. — 448 с.
27. *Хайдеггер М.* Тождество и различие / Пер. с нем. А. Денежкин; Науч. ред. О. Никифоров. М.: Гнозис, 1997. — 64 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2011. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html>
28. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. — 344 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Меренков Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Телефон: +7 (343) 389-97-56. **Электронная почта:** anatoly.mer@gmail.com

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Межрегиональный институт общественных наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Телефон: +7 (912) 246-46-47. **Электронная почта:** irinapolykova@yandex.ru

Дата поступления: 19.05.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

Research Article

ANATOLY V. MERENKOV¹, IRINA G. POLYAKOVA¹

¹ Ural Federal University.

51, Lenina str., 620083, Yekaterinburg, Russian Federation.

THEORETICAL APPROACHES TOWARDS STUDYING MOTIVATION FOR SURROGATE MOTHERHOOD

Abstract. Population increase in Russia is one of the key strategies that determine state demographic policy. Modern advancements in medical science make it possible to use various technologies that allow men and women who are unable to conceive for medical reasons to find joy in parenthood. The article discusses theories that reveal the essence and content of people's need to reproduce and live on in future generations by means of using such technology as surrogate motherhood.

The research analysis is rooted in the methodology for studying specific social phenomena based on the general theory of human activity determination developed within sociology and psychology: the role of external and internal necessity, needs in shaping the motivation for resorting to surrogate motherhood (A. Zdravomyslov, A. Merenkov). The article points out the importance of the human instinct to continue oneself in subsequent generations.

The influence of needs when it comes to forming the motivation for certain human behavior is analyzed based on theoretical provisions (G. Arefiev, A. Bandura, A. Maslow, A. Leontiev) that reveal the process of conscious search for ways to satisfy different needs whenever it is possible. The emergence of medical technology allowing for the birth of a child with the help of a woman whose body, upon receiving someone else's genetic material, is able to perform this function, forms different motives for the customer and whomever is performing such a task. P. Bourdieu's theory of social capital helps to identify a set of economic, social, and cultural conditions that determine the content of external and internal factors that contribute to a system of interaction between these social actors. Specific motives for people having their own children are analyzed by W. Miller, D. Friedman, J. Greenberg. The research into women's motivation for surrogate motherhood is based on works by P. Berger, T. Luckman, M. Fouquet, who studied the modern trend of using a person's body to fulfill various needs. At the same time, the surrogate mother may develop different forms of identifying herself with the born child. The analysis of these contradictions is carried out based on conceptions of identity by M. Heidegger, E. Erickson, E. Giddens, J. Toshchenko.

It is concluded that the use of different theoretical approaches to identifying the social and cultural factors which impact motivation for surrogate motherhood results in high-

quality empirical research that reveals the specifics of using this assisted reproductive technology in Russia.

Key words: motivation; motivation theories; parenthood; assistive medical technologies; children; need for one's own children; surrogate motherhood.

For citation: Merenkov, A.V., Polyakova, I.G. Theoretical Approaches towards studying Motivation for Surrogate Motherhood. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation No. 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

REFERENCES

1. Antonov A.I., Medkov V.M. *Sotsiologiya sem'i*. [Sociology of the family.] Moscow: MGU publ. 1996. 304 p. (In Russ.)
2. Arefieva G.S. *Sotsial'naya aktivnost'*. [Social activity.] Moscow: Vysshaya shkola publ., 1974. 142 p. (In Russ.)
3. Bueva L.P. *Chelovek, deyatel'nost' i obshchenie*. [Man, activity and communication.] Moscow: Mysl' publ., 1978. 216 p. (In Russ.)
4. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya. Elektronnyi zhurnal*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. Accessed 03.30.2023. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf (In Russ.)
5. Validova A.F. The influence of “maternity capital” on the birth rate according to Russian household surveys. *Demograficheskaya i semeinaya politika v kontekste tselei ustoychivogo razvitiya: sbornik statei IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh*. [Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes.] Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN publ., 2018. Vol. 1. P. 506–513. (In Russ.)
6. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. [Russ. ed.: *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. Transl. from Eng. by M.I. Levina. Moscow: AST publ., 2021. 352 p.]
7. Hoffman I. Presenting yourself to others in everyday life. [Russ. ed.: *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Transl. from Eng. by A.D. Kovalev; Institute of Sociology RAS [and others.] Moscow: RSL publ., 2007. 302 p.] (In Russ.)
8. Danina M.M., Kiselnikova N.V., Golzitskaya A.A., Kuminskaya E.A., Markova S.V., Karpinsky K.V., Kolyshko A.M. The current state of research in the field of regulation of reproductive behavior of spouses. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2016. Vol. 2. No. 22. P. 73–83. DOI: 10.11621/npj.2016.0207 (In Russ.)
9. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology. [Russ. ed.: *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Nauka publ., 1990. 575 p.] (In Russ.)
10. Zdravomyslov A.G. Interest as a category of historical materialism. *Vestnik LGU. Ser. Filosofiya L*. [Bulletin of Leningrad State University. Ser. Philosophy.] 1959. No. 3. P. 163–166. (In Russ.)
11. Simmel G. From the “Excursus on the Sociology of Feelings”. [Russ. ed.: *Iz “Ekskursa o sotsiologii chuvstv”*. Transl. from Germ. by K.A. Levinson. Accessed 03.15.2023. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/7.html>]
12. Lakizo E.A. Directions and guidelines for the social identification of the individual. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya*. [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 7, Philosophy.] 2015. No. 2 (28). P. 108–115. (In Russ.)
13. Leontiev A.N. *Potrebnosti, motivy, emotsii*. [Needs, motives, emotions.] Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta publ., 1971. 40 p. (In Russ.)

14. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'*. [Motivation and personality.] St Petersburg: Eurasia publ., 1999. 478 p. (In Russ.)
15. Merenkov A.V. *Sotsiologiya stereotipov*. [Sociology of stereotypes.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta publ., 2001. 290 p. (In Russ.)
16. Merenkov A.V. *Sistema determinatsii chelovecheskoi deyatel'nosti*. [The system of determination of human activity.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skoi gorno-geologicheskoi akademii: Bank kul'turnoi informatsii publ., 2003. 229 p. (In Russ.)
17. Merenkov A.V. *Chelovek: vzaimosvyaz' prirodnogo i sotsiokul'turnogo*. [Man: the relationship of natural and socio-cultural.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta publ., 2007. 279 p. (In Russ.)
18. Merenkov A.V. *Kul'tura egoizma ili kul'tura sotrudnichestva: kakaya pobezhdaet? Monografiya*. [Culture of selfishness or culture of cooperation: which one wins? Monograph.] Yekaterinburg: Ural. un-t publ., 2021. 276 p. (In Russ.)
19. Merton R. Social theory and social structure. [Russ. ed.: *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Transl. from Eng. by E.N. Egorov; Scientific ed. by Z.V. Koganov. Moscow: AST, Khranitel' publ., 2006. 873 p.]
20. Parsons T. On the structure of social action. [Russ. ed.: *O strukture sotsial'nogo deistviya*. Ed by. B.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy. Moscow: Academicheskii proect publ., 2000. 880 p.]
21. Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. [American Sociological Thought.] Transl. from Eng.; Select. by E.I. Kravchenko; Ed. by V.I. Dobrenkov. Moscow: Mysl' publ., 1994. P. 448–464.
22. Rusanova N.E. *Reproduktivnye vozmozhnosti demograficheskogo razvitiya*. [Reproductive possibilities of demographic development.] Moscow: Sputnik publ., 2008. 333 p. (In Russ.)
23. Seletkova G.I. Social identification in socio-humanitarian discourse. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2013. No. 19 (46). P. 69–80. (In Russ.)
24. Toshchenko Zh.T. Religious identity and bureaucracy. *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyi faktor v identifikatsionnykh protsessakh)*. [Religion in the Self-Consciousness of the People (Religious Factor in Identification Processes).] Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology. Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 2008. P. 49–68. EDN RZNFQFN. (In Russ.)
25. Tyuvina N.A., Nikolaevskaya A.O. Autonomous District. Psychoneurological, moral, ethical and sociocultural aspects of assisted reproductive technologies. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika*. [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics.] 2020. Vol. 12. No. 5. P. 104–110. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-5-104-110 (In Russ.)
26. Freud Z. Massenpsychologie und Ich-Analyse = Mass psychology and analysis of the human self. Freud Z. *Favorites*. Transl. from Germ. by L. Gollerbakh; Select., ed., foreword by M.G. Yaroshevskiy. Moscow: Nauka publ., 1990. 448 p. (In Russ.)
27. Heidegger M. Identität und Differenz = Identity and difference. [Russ. ed.: *Tozhdestvo i razlichie*. Transl. from Germ. by A. Denezkin; Ed. by O. Nikiforov. Moscow: Gnozis publ., 1997. 64 c.] Accessed 20.08.2011. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html>
28. Erikson E. Identity: youth and crisis. [Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress publ., 1996. 344 p.]
29. Arnold F., Bulatao R.A., Buripakdi C., Chung B.J., Fawcett J.T. *The Value of Children: A Cross-National Study*. Honolulu: East-West Center, 1975. 251 p.
30. Kagitcibasi C. Sex Roles, Values of Children, and Fertility. *Sex roles, family & community in Turkey*. Ed. by C. Kagitcibasi. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 151–180. DOI: 10.1017/S0020743800030804

31. Bandura A. *Self-efficacy: The exercise of control*. N. Y.: Freeman, 1997. 604 p.
32. Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. L.: Penguin Books, 1966. 240 p.
33. Brunet L., Carruthers J., Davaki K., King D., Marzo C., McCandless J. *A Comparative Study on the Regime of Surrogacy in EU Member States*. Luxembourg: European Parliament, 2013. 378 p.
34. Fayemi A.K., Chimakonam A.E. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective. *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2022. No. 43. P. 75–93. DOI: 10.1007/s11017-022-09581-4
35. Fenigstein A. Self-consciousness, self-attention and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37 (1). P. 75–86. DOI: 10.1037/0022-3514.37.1.75
36. Fogelson R.D. Person, Self and Identity. Some Anthropological Retrospects, Circumspects and Prospects. *Psychosocial Theories of the Self*. N. Y.; L.: Plenum Press, 1982. P. 64–87. DOI: 10.1007/978-1-4684-4337-0_5
37. Freitas R., Testa M.R. Fertility desires, intentions and behaviour: a comparative analysis of their consistency. *Vienna Institute of Demography. Working Papers*. 2017. Vol. 4. P. 1–31. DOI:10.1553/0x003cd010
38. Friedman D., Hechter M., Kanazawa S. A theory of the value of children. *Demography*. 1994. Vol. 31. P. 375–401. DOI: 10.2307/2061749
39. Froming W.J., Carver C.S. Divergent influences of private and public self-consciousness in a compliance paradigm. *Journal of Research in Personality*. 1981. Vol. 15 (2). P. 159–171. DOI: 10.1016/0092-6566(81)90015-5
40. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T. Terror management theory of self-esteem and cultural worldviews: empirical assessments and conceptual refinements. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1997. Vol. 29. P. 61–139. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60016-7
41. Hoffman L.W., Hoffman M.L. The value of children to parents. *Psychological perspectives on population*. Ed. by J. Fawcett. N. Y.: Basic Books. 1973. P. 19–76.
42. Hoffman L.W., Thornton A., Manis J.D. The value of children to parents in the United States. *Journal of Population*. 1978. Vol. 1 (2). P. 91–131. DOI: 10.1007/BF01277597
43. Lewis S.A., Langan C.J., Hollander E.P. Expectations of future interaction and the choice of less desirable alternatives in conformity. *Sociometry*. 1972. Vol. 35. P. 440–447. DOI: 10.2307/2786504
44. Miller W.B. Comparing the TPB and the T-D-I-B Framework. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Vol. 9. P. 19–29. DOI:10.2307/41342799
45. Nauck B. Intergenerational relationships in families from Turkey and Germany: An extension of the ‘value of children’ approach to educational attitudes and socialization practices. *European Sociological Review*. 1989. Vol. 5 (3). P. 251–274. DOI: 10.1093/oxfordjournals.esr.a036525
46. Peng L. Surrogate mothers: An exploration of the empirical and the normative. *American University Journal of Gender, Social Policy and Law*. 2013. Vol. 21 (3). P. 555–583.
47. Petri H., Govern J. *Motivation: Theory, research, and application*. 6th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2013. 496 p.
48. Prentice-Dunn S., Rogers R.W. Effects of public and private self-awareness on de-individuation and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 43 (3). P. 503–513. DOI: 10.1037/0022-3514.43.3.503
49. Reeve J. *Understanding motivation and emotion*. 4th ed. N. Y.: Wiley, 2005. 576 p.
50. Rotkirch A. Baby fever and men’s reproductive motivation. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Vol. 9. P. 283–306. DOI: 10.1553/populationyearbook2011s283

51. Rotter J.B. Some implications of a social learning theory for the prediction of goal directed behaviour from testing procedures. *Psychological Review*. 1960. Vol. 67 (5). P. 301–316. DOI: 10.1037/h0039601
52. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (1). P. 68–78. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68
53. Turner B.S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. 3th ed. L.: SAGE Publications Ltd, 2008. 296 p. DOI: 10.1177/1357034X08093575
54. van Zyl L., Walker R. Beyond altruistic and commercial contract motherhood: the professional model. *Bioethics*. 2013. Vol. 27 (7). P. 373–381. DOI: 10.1111/j.1467-8519.2012.01962.x
55. van Zyl L., Walker R. The future of surrogacy in New Zealand — Beyond the adoption model. *Women's Studies Journal*. 2015. Vol. 29 (1). P. 45–48.
56. Walker R., van Zyl L. *Towards a Professional Model of Surrogate Motherhood*. L.: Palgrave Macmillan: 2017. 296 p. DOI: 10.1057/978-1-137-58658-2

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Merenkov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Chair of Applied Sociology, Ural Federal University. **Phone:** +7 (343) 389-97-56.
Email: anatoly.mer@gmail.com

Irina G. Polyakova — Candidate of Sociological Sciences, affiliation researcher, Center for Advanced Studies, Ural Federal University. **Phone:** +7 (912) 246-46-47.
Email: irinapolykova@yandex.ru

Received: 19.05.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.4

EDN: FXAULC

Д.О. СТРЕБКОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Мясницкая ул., д. 11, каб. 302.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И УСПЕХ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ НА ПРИМЕРЕ РАБОЧИХ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ И РЕМОНТОМ¹

Аннотация. Онлайн-платформы формируют высококонкурентную среду, где исполнителям приходится активно бороться за проекты и заказчиков, используя не только свои профессиональные знания и умения, но и специальные навыки самопрезентации и самоорганизации, чтобы повысить шансы на успех. Цель статьи — показать, как работники, занятые в сфере строительства и ремонта, представляют себя на платформе, как это влияет на их успешность. Данные, собранные методом веб-скрейпинга на российской платформе YouDo в 2023 г., позволяют утверждать, что акцент работников на профессионализме и предприимчивости положительно связан с количеством выполненных ими заданий. При этом мы не находим подтверждения того, что платформы способствуют эрозии ценности профессионализма и замене его на умение и мастерство, как утверждает Х. Понгратц. Люди, акцентирующие внимание на своем мастерстве, не получают значимых преимуществ по сравнению с другими пользователями.

Ключевые слова: гиг-экономика; онлайн-платформы; самозанятость; самопрезентация; профессионализм; мастерство; предприимчивость.

Для цитирования: Стребков Д.О. Самопрезентация и успех на цифровых платформах на примере рабочих, занимающихся строительством и ремонтом // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 70–92. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.4 EDN: FXAULC

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Автор выражает признательность аспиранту НИУ ВШЭ К. Уйсалу за ценные советы и рекомендации, позволившие существенно улучшить теоретическую рамку и концептуальную схему исследования.

Введение

Масштабная цифровизация хозяйственных процессов в последние годы и активное проникновение онлайн-платформ в различные сферы жизни привлекают внимание ученых по всему миру и способствуют появлению дебатов о «платформенной экономике» [5; 20], «гиг-экономике» [27] и «платформенном капитализме» [6; 12]. С одной стороны, звучат аргументы о том, что благодаря цифровым платформам расширяются возможности трудоустройства и происходит снижение транзакционных издержек на рынках труда [19], повышаются автономность и гибкость работников [15]. Однако, с другой стороны, ряд исследователей подчеркивают неудовлетворительные условия, в которые платформы ставят своих пользователей [18; 21], а самих работников относят к прекариату, то есть к людям с нестабильной, неустойчивой и незащищенной занятостью [11; 13].

В научной литературе предпринимаются попытки понять, какими способами платформы реорганизуют и трансформируют рынки труда [27]. Эта деятельность имеет свои особенности с точки зрения стратегий получения доходов, механизмов подбора и найма работников, рабочих процессов и управления эффективностью [25]. Инфраструктура платформ позволяет им управлять деятельностью работников с помощью алгоритмов и осуществлять контроль над их поведением [19; 26], ведь в идеале им нужны способные и хорошо работающие специалисты, чтобы привлекать внимание потенциальных заказчиков. Платформы могут проводить верификацию пользователей и сертификацию их навыков, применять специальные контрактные процедуры — «сделки без риска», обеспечивающие соблюдение сторонами условий договора, использовать систему отзывов и рейтингов и т. п. [9, с. 42].

В результате онлайн-платформы формируют высококонкурентную среду, где многочисленным исполнителям приходится практически постоянно, в режиме 24/7, бороться за проекты и заказчиков, используя не только свои профессиональные умения, но и специальные навыки самопрезентации и самоорганизации, чтобы повысить шансы на успех. Роль конкуренции хорошо изучена в литературе по платформенной занятости с точки зрения формирования цен на услуги специалистов [29], однако ее влияние на самопрезентацию работников рассматривается редко.

В настоящей работе мы исследуем, как конкуренция проявляется в самопрезентации гиг-работников², занимающихся строительством частных домов и ремонтом помещений. Строительство и ремонт являются одной из важных стратегических целей россиян, для достижения которой люди систематически откладывают сбережения и берут

² Специалистов, получающих заказы через онлайн-платформы, называют гиг-работниками (gig workers). Этот термин широко используется в зарубежной научной литературе. В настоящей статье, говоря об этих людях, мы также будем использовать слова «работники» и «рабочие».

кредиты, что фиксируется во многих опросах общественного мнения. Например, по данным Фонда «Общественное мнение», на протяжении 2021–2023 гг. от 14 до 21% россиян регулярно несут расходы на капитальный или текущий ремонт жилья, дома или дачи³. Из тех граждан, у кого есть сбережения, 16% откладывают деньги для ремонта квартиры или дома⁴. В гипотетической ситуации, если бы у них появились «лишние» 100 тыс. руб., которые можно не тратить на повседневные нужды, 22% опрошенных потратили бы их на ремонт (и это самый популярный ответ на данный вопрос)⁵.

Можно предположить, что большинство взрослых россиян так или иначе имеют опыт взаимодействия со строителями и ремонтниками и регулярно нуждаются в их помощи. Между тем эти работники часто предстают в весьма неприглядном виде в популярных кинофильмах и телепередачах как советского («Афоня», «Фонтан» и др.), так и постсоветского («Наша Russia») периода. Издававшийся во времена СССР сатирический журнал «Крокодил» изображал строителя, ремонтника или сантехника, как правило, в виде глупого, ленивого, сильно пьющего, корыстного и неопрятного человека [10]. Довольно трудно соотносить этот образ с современными пользователями онлайн-платформ. По крайней мере, кажется очевидным, что таким людям необходимы минимальные навыки работы с компьютером и мобильными приложениями, а также навыки самопрезентации и тайм-менеджмента. От них требуются умения составлять смету в электронном виде, работать со сложным оборудованием, нести ответственность за порчу материалов или возможные неисправности в будущем.

Новички, которые приходят на платформы и стремятся стать гиг-работниками, имеют примерно одинаковые шансы на успех, поскольку у них еще нет ни статуса, ни репутации. Потенциальным клиентам ничего о них неизвестно, кроме того, что они сами готовы сообщить о себе в профиле на своей персональной странице. Но некоторым из них все-таки удается стать настоящими «звездами», получать десятки и даже сотни онлайн-заказов, а другие довольствуются лишь единичными подработками либо вовсе остаются ни с чем. Мы попытаемся понять, каким же образом рабочие представляют себя, свои навыки и качества на онлайн-платформах и как эта самопрезентация связана с их экономическим успехом.

³ Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Отчет по третьему опросу. Март 2023 г. Волна 121. ООО «инФОМ». С. 25 [электронный ресурс]. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43839/inFOM_23-03.pdf (дата обращения 13.07.2023).

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 50.

Конкуренция и самопрезентация работников

Деятельность цифровых платформ в значительной степени нацелена на создание сетевых эффектов при формировании предложения и спроса на услуги пользователей [25, р. 78]. Это требует привлечения на платформы большого количества заказчиков и исполнителей, что, в свою очередь, способствует усилению конкуренции между работниками. Это характерно для специалистов, занятых как физическим [17], так и умственным [29] трудом. Наличие высокого уровня конкуренции на различных платформах хорошо отражено в недавнем отчете, опубликованном МОТ [25]. В соответствии с ним 86% гиг-работников хотели бы выполнять больше работы [25, р. 147]. В период с 2017 по 2021 г. предложение рабочей силы на платформах значительно увеличилось, в то время как спрос на рабочую силу оставался стабильным [25, р. 52]. В результате доля неактивных пользователей среди специалистов, зарегистрированных на пяти крупных платформах, составляет более 90% [25, р. 50].

Когда поиск работы на платформах становится все более и более проблематичным, работники вынуждены менять свое поведение и использовать различные инструменты для привлечения внимания клиентов. Например, эффективны высокий рейтинг и наличие положительных отзывов от предыдущих заказчиков [7], однако контроль гиг-работников над этими показателями ограничен. Чтобы стать более привлекательными для потенциальных клиентов, они могут сосредоточиться на формировании своего портфолио, подробном заполнении профиля на сайте и описании себя и своей деятельности.

Исследование Х. Понгратца, посвященное онлайн-платформам для фрилансеров, показывает, что самопрезентация работников постепенно смещается от профессионализма (professionalism) к мастерству (job proficiency) [22, р. 67]. Не существует механизмов прямого контроля того, насколько профессионально работник выполняет свою работу, и сами заказчики обычно не обладают необходимыми навыками и знаниями, чтобы судить о профессиональном уровне исполнителя. Поэтому, вместо того чтобы контролировать профессиональные стандарты и навыки, платформы стараются обеспечить большое количество работников и их доступность. Соответственно, важное значение приобретает мастерство, поскольку оно сочетает минимальный опыт для выполнения работы с доступностью и готовностью гибко подстраиваться под требования клиентов. Согласно Х. Понгратцу, хотя мастерство, безусловно, требует определенного уровня знаний и умений, оно противостоит профессионализму, поскольку акцентирует внимание на непосредственном выполнении работы тем или иным способом, а не на обладании образованием или сертификатами, которые обеспечивают выполнение работы в соответствии с установленными стандартами [18]. Таким образом, платформы дают клиентам возможность при-

обретать услуги гибкой, самообучаемой и самодостаточной рабочей силы [28, р. 15].

Отсутствие инструментов прямого контроля на платформах не только проявляется в акценте на личное мастерство и сноровку в труде вместо профессионализма, но и предполагает изменение субъектности работников, позиционирование их в качестве микропредприятий [16]. Таким образом, платформы подчеркивают автономию пользователей, побуждают их вести себя рационально и расчетливо как экономические агенты. В начале 2000-х гг. Х. Понгратц и Г. Фосс [23] ввели понятие «работник-предприниматель» (“*entreplooyee*”), указав на распространение предпринимательского мировоззрения в инновационных секторах экономики. Совсем недавно более целостную концептуализацию предпринимательской субъектности предпринял У. Брёклинг [14].

Платформенный труд в России

Несмотря на широкое распространение на российском рынке труда, платформенная занятость специалистов, занимающихся ручным и физическим трудом, до сих пор редко попадает в фокус внимания социологов. Тем не менее можно отметить работу коллектива авторов под руководством О. Синявской, где показано, что, по данным на 2022 г., 14,7% россиян в возрасте 18–72 лет имели опыт платформенной занятости, в том числе 11,6% делали это редко, эпизодически, 1,6% — регулярно, в дополнение к основной занятости, и для 1,6% работа через платформы являлась основным видом деятельности [4].

Ряд исследований посвящены труду фрилансеров (IT-специалистов, дизайнеров, копирайтеров, переводчиков и т. п.), чья работа является более интеллектуальной, творческой и, как правило, может выполняться удаленно [8; 9]. Между тем локализованный платформенный труд (такой как такси, доставка, ремонт, уборка и т. п.), предусматривающий прямое физическое взаимодействие контрагентов лицом к лицу, является отдельным сегментом гиг-экономики. Сервисные работники рассматриваются в научной литературе как часть нового рабочего класса наряду с промышленными рабочими. Их отличают прежде всего эмоциональный характер труда и включение клиента как третьего элемента в диаду работник — менеджер (роль последнего в данном случае выполняет онлайн-платформа). Соответственно, появляются новые основания для классовых противоречий и социальных конфликтов. «Требование почтительного отношения к клиентам в любой ситуации, постоянная угроза потери работы негативно влияют как на достоинство работника, так и на возможность сопротивления сложившимся условиям труда. Это приводит к тому, что работники противостоят не работодателю, который ставит их в такие условия, а клиенту с целью сохранить достоинство перед лицом избыточных или необоснованных запросов» [1, с. 88]. Люди часто выполняют свою работу непосредственно по месту жительства

заказчиков, а значит, им требуется больше внимания уделять навыкам коммуникации и самопрезентации, чтобы вызвать доверие и расположить к себе контрагента.

В России на данный момент существуют несколько десятков площадок, позволяющих заказчикам и исполнителям находить друг друга. Крупнейшие из них: Авито, Профи, YouDo, Ремонтник, Юла, Яндекс. Мастер. Для нашего исследования мы выбрали YouDo — популярную платформу, которая начала работать в 2012 г. Изначально ее пользователи могли заказывать только услуги по уборке помещений и курьерской доставке, но со временем число категорий расширилось до 16. Максимальное количество заданий опубликовано на сайте в 2019 г. (1,9 млн). Во время пандемии коронавируса (2020–2021 гг.) оно сократилось до 1,1–1,3 млн в год. Категория «ремонт и строительство дома» является самой востребованной на платформе: ежегодное количество проектов здесь составляет около 300–400 тыс.

Клиенты публикуют задания, выбирая нужную им услугу и описывая детали той проблемы, с которой они столкнулись, или специфику задачи, которую они хотят поручить исполнителям. Заинтересованные работники реагируют на эти объявления, оставляют встречные предложения для клиентов. Оплата может производиться как с помощью инструментов платформы, так и непосредственно наличными после выполнения заказа. Отвечать на объявления могут только те пользователи, у которых есть верифицированный аккаунт. До конца 2015 г. сервис брал с работников комиссию от 5 до 15% в зависимости от стоимости задания. С 2016 г. работники YouDo платят около 50 руб. за каждое предложение, поданное клиенту, и освобождаются от других комиссий. Но если клиент выбирает другого подрядчика, деньги не возвращаются. Таким образом, на YouDo связь между работниками и клиентами реализуется за счет прямого взаимодействия сторон, а не организуется платформой с помощью алгоритмов.

Простота регистрации на YouDo способствует привлечению большого числа работников. Платформа не требует от них каких-либо дипломов или сертификатов, подтверждающих профессиональное обучение или квалификацию. Чтобы начать работать, достаточно указать только имя, место жительства и контактную информацию.

Сбор данных и выборка

Для анализа работы платформы мы использовали стратегию смешанных методов (*mixed methods strategy*), сочетающую качественный и количественный анализы. Это позволило нам содержательно исследовать качественные данные, полученные из открытых профилей работников, а затем использовать количественные методы для оценки распространенности обнаруженных категорий и анализа взаимосвязей между различными переменными.

Данные собраны с сайта YouDo в марте 2023 г. методом веб-скрейпинга⁶ и содержат общедоступную информацию о профилях пользователей, включая основные демографические данные (пол, возраст, место жительства), некоторые ключевые характеристики работы (стаж регистрации на платформе, дата последнего посещения, количество выполненных заданий и предлагаемые задания по каждой из 16 категорий услуг, количество оставленных предложений на заявки, количество положительных и отрицательных отзывов и средний балл, полученный от контрагентов), наличие портфолио с примерами работ, а также текст самопрезентации, написанный работником⁷.

В марте 2023 г. на платформе YouDo было зарегистрировано около 11 120 000 пользователей, и у каждого имелся свой порядковый номер. Мы случайным образом выбрали 2% из них, взяв каждого 50-го. Некоторые пользователи (3,9%) были заблокированы администрацией или удалили свои профили. Таким образом, в полученной базе данных содержится информация о 213,8 тыс. человек. На YouDo пользователи изначально не делятся на работников и заказчиков, каждый из них может выступать поставщиком или потребителем услуг в разные моменты времени. Например, электрик может воспользоваться службой доставки еды, а уборщик может обратиться за помощью к специалисту по ремонту цифровой техники. В нашей выборке только 2,2% пользователей выполнили хотя бы одно задание на платформе, и 24,3% опубликовали свое задание. Наиболее популярными и востребованными видами деятельности являются курьерские услуги (33,3% от числа всех выполненных заданий), ремонт и строительство (21,5%), грузоперевозки (7,4%), виртуальная помощь (5,7%), уборка и помощь по хозяйству и дизайн (по 4,7%), установка и ремонт техники (4,5%).

Учитывая поставленные задачи, мы сформировали подвыборку пользователей, зарегистрированных на сайте не позднее 2022 г., предлагающих услуги по строительству и ремонту, которые откликнулись хотя бы на одно задание, оставленное заказчиками. Данная подвыборка включает 2904 работника, из которых только пятая часть (587 человек) выполнили за все время хотя бы одну оплачиваемую работу на платформе, а остальные не смогли этого сделать. Раздел «Обо мне» заполнили 59,3% из них, и 36,6% прикрепили портфолио с примерами предыдущих работ.

⁶ Метод веб-скрейпинга позволяет извлечь данные с сайта с помощью автоматизированных запросов к исходному HTML-коду веб-страницы и последующего преобразования его содержания в табличный формат. Возможности и ограничения данного метода и особенности его применения в социальных науках подробно обсуждаются в работе С. Жучковой и А. Ротмистрова [2].

⁷ Автор выражает признательность студенту МФТИ И. Стребкову за помощь в сборе и последующем автоматическом кодировании данных.

Предприимчивость, профессионализм и мастерство

Ядром нашего анализа стала текстовая информация из раздела профиля «Обо мне». Это описание в свободной форме того, как работники представляют себя клиентам, что они говорят о себе и какие свои сильные стороны и уникальные черты характера они подчеркивают. После начального кодирования случайной выборки из 300 профилей было выявлено 138 кодов, в том числе непосредственное описание работы, выполняемой пользователем, его демографические и квалификационные характеристики, профессиональные и личные качества, условия труда и некоторые другие моменты, связанные с работой на платформе. На следующем этапе все нарративы были разделены на отдельные семантические элементы (токены), а затем закодированы алгоритмически.

Операционализация трех ключевых понятий — предприимчивости, профессионализма и мастерства — проведена с учетом представленных в литературе концепций. Первое из них детально рассмотрено Х. Понгратцем и Г. Фоссом [23] при описании «работника-предпринимателя», однако мы решили воспользоваться концептуализацией У. Брёклинга из-за того, что она позволяет отразить предпринимательскую субъектность в повседневной жизни, а не только в трудовых отношениях, и лучше подходит для группы самозанятых работников. У. Брёклинг выделяет четыре основные функции предпринимателя, которые характеризуют его как спекулянта, новатора, носителя риска и координатора [14].

Воспользовавшись этими характеристиками и сопоставив их с нашими данными, мы предлагаем собственную операционализацию, в которой предпринимательское «я» основано на пяти составляющих: стандарты качества, надежность, ответственность и упорство, клиентоориентированность и индивидуальный подход к клиенту (см. табл. 1). Мы определили стандарты качества через стремление исполнителя выполнять работу максимально качественно, доводить все до идеала, до совершенства. Надежность отражает умение работать аккуратно, четко и без задержек, владение навыками тайм-менеджмента, подчеркивает пунктуальность и дисциплинированность человека. Ответственность и упорство фиксировались в тех случаях, когда гиг-работники подчеркивали свое трудолюбие, целеустремленность и заинтересованность в выполнении трудной работы, умение добиваться желаемого результата и доводить дело до конца. Клиентоориентированность связана с умением поддерживать хорошие отношения с заказчиком, быть доброжелательным, вежливым и отзывчивым человеком. Наконец, индивидуальный подход отражает способность работника гибко подстроиться под особые запросы и пожелания клиента.

Для концептуализации профессионализма и мастерства нашей отправной точкой стала работа Х. Понгратца [22]. Противопоставляя

обе эти концепции, Х. Понгратц определяет мастерство как наличие у работника основных навыков и умений для самостоятельного выполнения задачи, не обязательно подтвержденных документально или полученных в ходе профессионального образования. Акцент делается в первую очередь на удовлетворении заказчика, а не на соблюдении установленных в профессиональном сообществе алгоритмов, правил и норм. Исходя из этого мы операционализировали профессионализм через такие характеристики, как наличие образования, профессиональных разрядов, сертификатов и категорий; экспертность (представление себя как эксперта, мастера или профессионала); опыт работы в сфере строительства и ремонта и наличие необходимого оборудования. Последнее подразумевает обладание профессиональными знаниями для работы со сложным оборудованием и инструментами.

Понятие мастерства раскрывается через такие категории, как наличие универсальных навыков, описание финансовых и организационных условий работы, предоставление дополнительных услуг, наличие слаженной команды и незапятнанная репутация. Универсализм подразумевает готовность человека выполнить любые работы, связанные с ремонтом в доме (мастер-универсал, проекты под ключ, «муж на час»), и противопоставляется экспертности в одной или паре конкретных областей (электрик, сантехник, маляр). Функции, не связанные напрямую с выполнением ремонтных работ, такие как умение составить смету и договор, помочь с подбором и доставкой материалов, предложить гарантию на определенный срок, мы также относим к мастерству. Важными оказываются наличие слаженной команды и умение координировать ее работу. Наконец, репутация подчеркивает удовлетворенность бывших заказчиков и выражается в наличии хороших оценок, отзывов, рекомендаций, примеров выполненной работы, что также свидетельствует о мастерстве исполнителя.

Следует подчеркнуть, что все три рассматриваемых понятия содержательно связаны между собой. В процессе операционализации мы попытались аналитически разделить их, но, конечно, это решение дискуссионно, поскольку есть категории, которые могут одновременно характеризовать сразу несколько понятий. Например, хорошие отзывы клиентов могут говорить не только о положительной репутации работника, но и о его клиентоориентированности, умении ладить с заказчиками. А упоминание гарантий не только отражает условия работы, но и дает представление о надежности и соблюдении стандартов качества при выполнении работ.

Таблица 1

Операционализация основных понятий и категорий

Понятие	Категория	Определение	Основные индикаторы
Предприимчивость	Стандарты качества	Стремление выполнять работу максимально качественно, доводить до идеала, до совершенства	Качественно, на совесть, как для себя, идеально, с душой
	Надежность	Умение выполнять работу аккуратно и точно в срок	Надежный, аккуратный, пунктуальный, чистоплотный, без вредных привычек
	Ответственность и упорство	Трудолюбие, целеустремленность, умение добиваться результата, доводить дело до конца	Трудолюбивый, ответственный, исполнительный, добросовестный, честный, порядочный
	Клиенто-ориентированность	Умение поддерживать хорошие отношения с заказчиком, владение «мягкими навыками» (soft skills)	Вежливый, внимательный, тактичный, контактный, коммуникабельный, неконфликтный, доброжелательный, дружелюбный, отзывчивый, адекватный
Профессионализм	Индивидуальный подход	Способность гибко подстроится под запросы клиента	Творческий, креативный, оригинальный, уникальный, эксклюзивный
	Образование	Уровень образования, название колледжа или университета, полученная специальность	Образование, институт, университет, колледж, диплом, инженер
	Сертификация	Профессиональные сертификаты, разряды, категории	Разряд, класс, сертификат, группа допуска, квалификация, специализация
	Экспертность	Владение уникальными профессиональными навыками	Профессионал, мастер, эксперт
	Опытность	Опыт работы	Опыт, стаж, должность
	Наличие оборудования	Умение работать со сложным оборудованием	Специальный, необходимый, оборудование, инструменты, техника

Понятие	Категория	Определение	Основные индикаторы
Мастерство	Универсальные навыки	Возможность выполнения любых работ, связанных с ремонтом дома	Любые работы, любой сложности, универсальный мастер, «муж на час», проекты под ключ
	Условия работы	Уточнение финансовых условий, заключение договора, гарантии	Цена, смета, бюджет, скидка, экономия, наличные, предоплата, расчет, договор, гарантия
	Дополнительные услуги	Помощь в подборе и доставке качественных материалов, ингредиентов	Консультирование, материал, подбор, покупка, доставка, автомобиль
	Наличие слаженной команды	Наличие команды, партнеров для выполнения всех видов работ	Бригада, команда, коллектив, помощник, напарник, слаженный
	Репутация	Хорошие отзывы, рекомендации, показ примеров предыдущих проектов	Рекомендация, отзыв, портфолио, критика, жалоба, репутация, фото, пример

Анализ данных показывает, что работники YouDo чаще делают акцент на своем профессионализме: 76% из них называют хотя бы одну категорию из этой группы. Для сравнения: только 62% работников апеллируют к мастерству и 52% — к предприимчивости (см. табл. 2).

Таблица 2

Распространенность понятий и категорий в профилях работников на платформе YouDo, %

	Предприимчивость	Профессионализм	Мастерство		
	<i>Доля упомянувших понятие</i>				
	52,2	75,8	61,5		
	<i>Доля упомянувших категорию понятия</i>				
Стандарты качества	27,7	Образование	22,1	Универсальные навыки	36,9
Надежность	32,4	Сертификация	12,7	Условия работы	26,5
Ответственность и упорство	21,8	Экспертность	25,4	Дополнительные услуги	24,0
Клиенто-ориентированность	10,5	Опытность	57,0	Наличие слаженной команды	20,6
Индивидуальный подход	7,4	Наличие оборудования	21,5	Репутация	8,2

Примечание. Приведена доля от числа тех, кто заполнил раздел «Обо мне» в своем профиле, N = 1723. Ничего из перечисленного не упомянули 140 человек (8,1%).

Среди отдельных компонент профессионализма наиболее часто упоминается опыт работы (57%), за ним следуют экспертность (25%), уровень образования и наличие профессионального оборудования (по 22%). Процесс регистрации на YouDo прост, на платформе нет системы проверки профессиональных качеств работников, поэтому внешние подтверждающие признаки выходят на первый план. Акцент на образовании можно объяснить тем, что среди россиян, относящихся в рамках международного классификатора профессий ISCO 2008 к категории 7 «квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом», куда попадают в том числе люди, занятые в сфере строительства и ремонта, только 13% имеют высшее образование и еще 27% — среднее специальное⁸. Поэтому те специалисты, которые подчеркивают свое образование (особенно высшее), разряд или квалификацию, как правило, выделяются на общем фоне.

Среди пяти компонент мастерства гиг-работники чаще всего упоминают универсализм (37%). В стремлении получить заказ любой ценой они заявляют, что могут делать абсолютно любые ремонтные работы: красить стены, класть плитку, монтировать сантехнику или электропроводку. Примерно каждый четвертый говорит об условиях работы (27%) и предлагает дополнительные услуги «в комплекте» (24%). Пятая часть отмечают наличие у них напарников или слаженной команды помощников (21%).

Характеристики предприимчивости упоминаются в профилях более чем половины рабочих на YouDo. При этом каждый третий говорит о безопасности, пунктуальности и аккуратности, пытаясь убедить потенциальных клиентов, что они «в надежных руках», и им нечего бояться (32%). Достаточно часто мы видим обещания рабочих выполнить работу максимально качественно (28%) и рассказы о том, какие они трудолюбивые, ответственные и порядочные (22%). Это демонстрирует убежденность работников в том, что такие личные качества важны в глазах заказчиков. Ремонтные работы выполняются на дому у клиента, этим они отличаются от многих других видов услуг на платформе. И здесь доверие между сторонами становится более важным, а личные качества работников — основой этого доверия.

В условиях высокой конкуренции ориентация на клиента, эффективное управление временем и акцент на качество приобретают такую же важность, как профессионализм или мастерство. Для рабочих уже недостаточно просто выполнять необходимую работу. Они осознают необходимость привлечь к себе внимание, выделиться на общем фоне, подчеркнуть свою исключительность, показать, чем они отличаются от других. По сути, речь идет о создании своего индивидуального бренда.

⁸ Расчеты выполнены автором на данных исследования RLMS HSE за 2021 г. (<https://www.hse.ru/rlms/spss>).

Высокая конкуренция стимулирует и развитие навыков тайм-менеджмента. На каждый запрос откликаются обычно несколько гиг-работников, и здесь важно постоянно мониторить ленту, чтобы сделать это раньше остальных, приглянуться заказчику и попасть в список выбора. Как показали исследования фрилансеров, более половины конкурсов, размещенных на платформе FL.ru, получили первый отклик от потенциальных исполнителей в течение 10 минут после публикации объявления. Соответственно, люди, работающие удаленно через платформы, адаптируют свой график к потребностям клиентов, поэтому часто вынуждены активно трудиться не только в дневное, но также в вечернее, ночное время и в выходные дни [24].

Факторы успеха работников на онлайн-платформе

Чтобы определить факторы успеха работников на онлайн-платформе и понять, как самопрезентация может помочь им получить больше заказов, используем регрессионный анализ. Построение регрессионной модели позволяет оценить направление и силу влияния независимых переменных при прочих равных, то есть исключив из рассмотрения воздействие тех факторов, которые мы относим к контрольным переменным [3].

Успешность работника может быть измерена несколькими способами. Самый простой из них — определение количества полученных заказов в категории «ремонт и строительство». Эта переменная распределена крайне неравномерно: 78% пользователей не смогли получить за все время ни одного задания, 10% — только одно задание, 6% — от 2 до 5 заданий, еще 6% — более пяти заданий (при этом максимальное число составляет 1314 заданий). При построении моделей мы использовали данную порядковую переменную с четырьмя указанными категориями⁹.

В качестве независимых переменных мы выбрали те характеристики, на которые пользователь может сам непосредственно повлиять, чтобы повысить свои шансы на успех и получить больше заказов через платформу. В частности, это содержание раздела «Обо мне» в профиле пользователя (упоминание отдельных категорий предприимчивости, профессионализма и мастерства) и его размер, а также количество приложенных фотографий в разделе «Портфолио» (примеры предыдущих работ). На основе того, сколько именно категорий было упомянуто рабочим в ходе самопрезентации на платформе, нами были построены

⁹ Дополнительно расчеты проводились для дихотомической переменной «выполнение хотя бы одного задания за все время» (логистическая регрессия) и логарифма исходной интервальной переменной «количество выполненных заданий» (линейная регрессия). Результаты принципиально не отличаются от тех, что представлены в таблице 3, и могут быть предоставлены по запросу.

три индекса для предприимчивости, профессионализма и мастерства, каждый из которых может принимать значения от 0 до 5¹⁰.

В число контрольных переменных мы включаем:

- пол: в основном ремонтом занимаются мужчины (94%), женщины специализируются преимущественно на отделочных работах;
- возраст: на момент регистрации среднее значение составляет 34 года, стандартное отклонение — 8,5 года;
- место жительства: Москва и Московская область — 60%, Санкт-Петербург и Ленинградская область — 15%, другие российские регионы — 25%;
- этничность: рабочие со славянскими именами и фамилиями составляют 79% выборки, примерно пятая часть — это рабочие, которые с большой вероятностью будут восприниматься потенциальными заказчиками как «нерусские» (например, Мухсин, Садриддин, Сардор, Уктамбек и т. п.);
- наличие бизнес-аккаунта: 6% пользователей зарегистрированы не как частные лица, а как организации;
- клиентский опыт: 25% гиг-работников сами выступали в качестве заказчиков различных услуг на YouDo (например, доставка, ремонт техники, помощь по хозяйству и т. п.);
- количество заявленных специализаций: 65% пользователей зарегистрировались только в категории «ремонт и строительство», 29% готовы оказывать еще 1–2 вида услуг, а 6% отметили в профиле более трех специализаций, то есть они готовы браться фактически за любую работу — от уборки до дизайна;
- виды ремонтных работ: рабочие могли указать, на чем конкретно они специализируются, выбрать несколько пунктов из 19 возможных, при этом 38% отметили только 1–2 пункта, еще 38% — от 3 до 9, и 24% — 10 пунктов и более.

Стаж регистрации на платформе важен, поскольку чем дольше человек работает, тем больше заказов он потенциально может получить¹¹. Показатель рассчитывался как время в годах с момента регистрации до

¹⁰ Альфа Кронбаха составляет 0,561 для предприимчивости, 0,390 для профессионализма и 0,568 для мастерства и уменьшается при исключении любой категории из индекса. Консистентность внутренней структуры понятий также была проверена с помощью метода главных компонент и многомерного шкалирования. $N = 1723$.

¹¹ Здесь возможна и обратная зависимость: человек, который некоторое время пытается, но не может получить заказ, постепенно разочаровывается и уходит с платформы.

даты последнего посещения. Среднее значение по выборке составляет 1,4 года, стандартное отклонение — 1,9, медиана — 0,5 года.

В таблице 3 представлены результаты порядковой пробит-регрессии. В первую модель включены три агрегированные переменные: предприимчивость, профессионализм и мастерство, а во вторую — их отдельные компоненты. Видно, что акцент на профессионализме и предприимчивости в самопрезентации имеет статистически значимую положительную связь с количеством выполненных заданий. При этом среди отдельных компонент профессионализма выделяются наличие специального оборудования, опыт работы и экспертность. А среди характеристик предприимчивости с успехом работника на рынке сильнее всего связаны ответственность и упорство, стандарты качества.

А вот акцент на своем мастерстве следует признать неудачной стратегией для гиг-работников. Здесь значимой связи в модели 1 не обнаружено, и, более того, в модели 2 для нескольких компонент эта связь отрицательная, в том числе статистически значимая для «условий работы». То есть потенциальные заказчики, видя упоминание в профиле исполнителя стоимости работы или условий заключения договора, остерегаются с ним сотрудничать. Возможно, предложенные финансовые условия их не устраивают — кажутся слишком завышенными или заниженными.

Кроме того, стоит отметить, что клиенты не особенно ценят способность работника справиться с широким спектром ремонтных работ. В то время как пользователи часто подчеркивают на платформе свой универсализм, этот акцент остается без внимания со стороны клиентов. Это показывает, что клиенты чаще заинтересованы в более профессиональных и узкоспециализированных мастерах, нежели в разнорабочих.

Таблица 3

Детерминанты количества выполненных работ в категории «ремонт и строительство»: результаты порядковой пробит-регрессии

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
Предприимчивость	0,10	0,03***		
Стандарты качества			0,20	0,08*
Надежность			0,10	0,08
Ответственность и упорство			0,22	0,09*
Клиентоориентированность			0,03	0,11
Индивидуальный подход			-0,27	0,14

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
Профессионализм	0,19	0,03***		
Образование			0,06	0,08
Сертификация			0,10	0,11
Экспертность			0,16	0,08*
Опытность			0,22	0,07***
Наличие оборудования			0,36	0,08***
Мастерство	-0,02	0,03		
Универсальные навыки			0,11	0,07
Условия работы			-0,21	0,09*
Дополнительные услуги			-0,06	0,09
Наличие слаженной команды			0,02	0,09
Репутация			-0,19	0,13
Длина информации «Обо мне» (тысяч знаков, логарифм)	-0,40	0,25	-0,31	0,25
Размер портфолио (количество фото, логарифм)	0,19	0,02***	0,19	0,02***
Пол (мужчины — реф. группа)	-0,12	0,13	-0,11	0,13
Возраст	0,05	0,02*	0,05	0,02*
Квадрат возраста	-0,05	0,03	-0,05	0,03
Место жительства (другие регионы — реф. группа)				
Москва и Московская область	0,47	0,08***	0,46	0,08***
Санкт-Петербург и Ленинградская область	0,37	0,10***	0,37	0,10***
Славяне	0,18	0,08*	0,20	0,08*
Наличие личного фото	0,71	0,29***	0,73	0,29***
Наличие бизнес-аккаунта	0,37	0,10***	0,38	0,10***
Наличие клиентского опыта	0,37	0,07***	0,38	0,07***
Количество заявленных специализаций (от 1 до 16)	0,22	0,02***	0,22	0,02***
Виды ремонтных работ (от 1 до 19)	0,02	0,01*	0,02	0,01*
Стаж регистрации на платформе (лет)	0,16	0,02***	0,16	0,02***
L.R. X ² (df)	998 (17) ***		1025 (29) ***	

Примечание. N = 2900. B — значения регрессионных коэффициентов, SE — стандартное отклонение, уровень значимости: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001. L.R. X² — хи-квадрат отношения правдоподобия; df — число степеней свободы.

Важными для потенциальных заказчиков являются наличие и объем портфолио: чем больше примеров предыдущих работ там представлено, тем с большей вероятностью гиг-работник получит новый заказ. Среди контрольных переменных стоит отметить место жительства: рабочие, проживающие в столичных городах или неподалеку от них, выполняют заказы чаще, нежели жители других регионов. Значимо повышают шансы на успех открытость исполнителя в виде наличия личной фотографии в профиле, использование бизнес-аккаунта, опыт пользования платформой в качестве заказчика, продолжительный стаж работы на платформе. Ожидаемо, чем больше видов ремонтных работ предлагает исполнитель, тем больше заказов он может получить при прочих равных. А вот положительная связь с предложением других услуг на платформе является, скорее, контринтуитивной. Можно заключить, что практически любая конвенциональная активность пользователя на сайте позволяет ему более эффективно конкурировать с другими претендентами на получение задания.

Выводы

По результатам проведенного нами исследования можно утверждать, что важным фактором успеха на российских онлайн-платформах рабочих, занятых ремонтом и строительством, является акцент при заполнении ими профиля на профессионализме (наличие большого опыта и необходимого оборудования) и предприимчивости (гарантии качества, ответственность и упорство исполнителя). Заметную роль также играют размер портфолио (чем больше примеров предыдущих работ, тем лучше), наличие личного фото, бизнес-аккаунта и опыта в качестве заказчика услуг на платформе.

В то же время, исходя из результатов нашего анализа, существует очевидный разрыв между навыками, на которые работники обращают внимание в своих профилях на онлайн-платформе, и навыками, на которые, в свою очередь, рассчитывают клиенты. Примером такого разрыва является ситуация с универсализмом. В то время как работники часто подчеркивают свои универсальные навыки и возможность выполнять любую работу, связанную со строительством и ремонтом, клиенты не стремятся найти таких мастеров «на все руки».

Акцент на профессионализме в целом оправдывает себя: упоминание опыта работы действительно позволяет работнику получать при прочих равных больше заказов. В то время как предприимчивость оказывается важнее мастерства: хотя рабочие, рассказывая о себе на платформе, чаще уделяют внимание мастерству, нежели демонстрируют свое «предпринимательское я», для заказчиков именно последнее оказывается более важным. Именно акцент на личных качествах дает исполнителям преимущество в конкурентной борьбе. Таким образом, представления гиг-работников о том, чего именно хотят от них клиен-

ты и какими они хотят их видеть, не всегда соответствуют реальности. Тот факт, что заказчики отдают предпочтение предпринимательским и личным качествам при выборе работников, указывает на необходимость уделять больше внимания механизмам установления доверия между контрагентами на платформах.

Прежде всего результаты исследования предоставляют контраргумент относительно того, что платформы играют большую роль в эрозии профессиональных ценностей и замене их на умение и мастерство, как утверждает Х. Понгратц [22]. Однако можно предположить, что характер работы имеет здесь решающее значение. В нашем случае, когда работа выполняется непосредственно в доме заказчика, больше ценятся личные и предпринимательские способности исполнителя. Будущие эмпирические исследования стороны как спроса, так и предложения помогут лучше объяснить это несоответствие навыков и понять влияние платформ на поведение и установки работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилюк Т.В.* Рабочий класс в сервисной сфере: постановка проблемы и актуальный социологический дискурс // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8425 EDN: ONKCQI
2. *Жучкова С.В., Ротмистров А.Н.* Автоматическое извлечение текстовых и числовых веб-данных для целей социальных наук // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2020. № 50–51. С. 141–183. EDN: ХУТЮУ
3. *Крыштановский А.О.* Модели регрессионного анализа // Анализ социологических данных. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 115–190.
4. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: Аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022 [электронный ресурс]. — 30 С. Электрон. текст. дан. (0,635 МБ). DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 EDN: FILRJK
5. *Радаев В.В.* Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28. DOI: 10.31857/S013216250022667-6 EDN: WVZOOQ
6. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. Вып. 3. — 128 с.
7. *Старк Д., Паус И.* Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 3. С. 71–103. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-71-103 EDN: SKZVNK
8. *Стребков Д.О. и др.* Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных» // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 25–65. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-25-65 EDN: QENAEB

9. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 EDN: GYGZLX
10. *Стребков Д.* Строительство и ремонт в советской карикатуре // ЭС Форум. 2008. № 5 (11). С. 5–11 [электронный ресурс]. Дата обращения 13.04.2023. URL: [https://www.hse.ru/mag/newsletter/2008—5%20\(11\).html](https://www.hse.ru/mag/newsletter/2008—5%20(11).html)
11. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018. — 350 с. EDN: VKRCMM
12. *Шевчук А.В.* Труд и власть в российской модели платформенного капитализма // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3–4. С. 128–155. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-128-155 EDN: KVDDTX
13. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110. EDN: VGFMFUZ
14. *Bröckling U.* The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject. London: SAGE Publications Ltd, 2016. — 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
15. *Dunn M., Munoz I., Jarrahi M.H.* Dynamics of flexible work and digital platforms: Task and spatial flexibility in the platform economy // Digital Business. 2023. Vol. 3. No. 1. Article 100052 [online]. Accessed 15.08.2023. DOI: 10.1016/j.digbus.2022.100052
16. *Fleming P.* The Human Capital Hoax: Work, Debt and Insecurity in the Era of Uberization // Organization Studies. 2017. Vol. 38. No. 5. P. 691–709. DOI: 10.1177/0170840616686129
17. *Franke M., Pulignano V.* Connecting at the edge: Cycles of commodification and labour control within food delivery platform work in Belgium // New Technology, Work and Employment. 2021. No. 38 (3). P. 1–20. DOI: 10.1111/ntwe.12218
18. *Friedman G.* Workers without employers: shadow corporations and the rise of the gig economy // Review of Keynesian Economics. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 171–188. DOI: 10.4337/roke.2014.02.03
19. *Jarrahi M.H., et al.* Platformic Management, Boundary Resources for Gig Work, and Worker Autonomy // Computer-Supported Cooperative Work. 2020. Vol. 29. No. 1–2. P. 153–189. DOI: 10.1007/s10606-019-09368-7 EDN: LQPOUM
20. *Kennedy M., Bearson D., Zysman J.* The platform economy matures: measuring pervasiveness and exploring power // Socio-Economic Review. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1451–1483. DOI: 10.1093/ser/mwab014
21. *Malin B.J., Chandler C.* Free to Work Anxiously: Splintering Precarity Among Drivers for Uber and Lyft // Communication, Culture & Critique. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 382–400. DOI: 10.1111/cccr.12157
22. *Pongratz H.J.* Of crowds and talents: discursive constructions of global online labour // New Technology, Work and Employment. 2018. Vol. 33. No. 1. P. 58–73. DOI: 10.1111/ntwe.12104
23. *Pongratz H.J., Voß G.G.* From employee to “entreplooyee”: Towards a “self-entrepreneurial” work force? // Concepts and Transformation. 2003. Vol. 8. No. 3. P. 239–254. DOI: 10.1075/cat.8.3.04pon

24. *Shevchuk A., Strebkov D., Tyulyupo A.* Always on across time zones: Invisible schedules in the online gig economy // *New Technology, Work and Employment*. 2021. Vol. 36. No. 1. P. 94–113. DOI: 10.1111/ntwe.12191 EDN: SSIAWR
25. The role of digital labour platforms in transforming the world of work. Geneva: ILO, 2021. Accessed 13.04.2023. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749
26. *Tirapani A.N., Willmott H.* Revisiting conflict: Neoliberalism at work in the gig economy // *Human Relations*. 2023. Vol. 76. No. 1. P. 53–86. DOI: 10.1177/00187267211064596
27. *Vallas S., Schor J.B.* What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy // *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857
28. *Wexler M.N.* Reconfiguring the sociology of the crowd: exploring crowd-sourcing // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2011. Vol. 31. No. 1/2. P. 6–20. DOI: 10.1108/01443331111104779
29. *Wood A.J., Lehdonvirta V.* Antagonism beyond employment: how the “subordinated agency” of labour platforms generates conflict in the remote gig economy // *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1369–1396. DOI: 10.1093/ser/mwab016 EDN: QUIIJL

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стребков Денис Олегович — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 # 12447. **Электронная почта:** strebkov@hse.ru

Дата поступления: 19.04.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 3. P. 70–92. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.4

Research Article

DENIS O. STREBKOV¹

¹HSE University.

11, Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

SELF-PRESENTATION AND SUCCESS ON DIGITAL PLATFORMS BY THE EXAMPLE OF CONSTRUCTION AND REPAIR WORKERS

Abstract. Digital platforms form a highly competitive online environment where workers have to actively compete for projects and clients, using not only their professional knowledge and skills, but also special soft skills of self-presentation and self-organization in order to increase their chances of success. Our goal is to show how construction and repair workers present themselves on such platforms and how this self-presentation affects their success. Data were collected by web scraping on the Russian platform YouDo in 2023. The regression analysis results show that the focus

of repairmen on professionalism and entrepreneurship is positively associated with the number of jobs they've completed. At the same time, we do not find evidence that platforms contribute to eroding the value of professionalism and replacing it with job proficiency, as H. Pongratz argues. People who focus on their proficiency do not get significant advantages compared to other workers.

Keywords: gig economy; online platforms; self-employment; self-presentation; professionalism; job proficiency; entrepreneurial self.

For citation: Strebkov, D.O. Self-presentation and Success on Digital Platforms by the Example of Construction and Repair Workers. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 70–92. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.4

Acknowledgments. The study was carried out as part of the HSE Program for Fundamental Research in 2023.

The author is grateful to K. Uysal, postgraduate student of the National Research University Higher School of Economics, for valuable advice and recommendations, which made it possible to significantly improve the theoretical framework and conceptual scheme of the study.

REFERENCES

1. Gavriluyuk T.V. The Working Class in the Service Sector: Outlining the Issue and Reviewing Current Sociological Discourse. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.84252 (In Russ.)
2. Zhuchkova S.V., Rotmistrov A.N. Automatic extraction of textual and numerical web data for the purposes of social sciences. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 2020. No. 50–51. P. 141–183. (In Russ.)
3. Kryshtanovskii A.O. Models of regression analysis. *Analiz sotsiologicheskikh dannykh*. [Analysis of sociological data.] Moscow: ID GU VShE publ., 2006. P. 115–190. (In Russ.)
4. *Platformennaya zanyatost' v Rossii: masshtaby, motivy i bar'ery uchastiya: Analiticheskii doklad*. [Platform employment in Russia: scope, motives and barriers to participation: Analytical report.] O.V. Sinyavskaya, S.S. Biryukova, E.S. Gorvat, D.E. Kareva, D.A. Stuzhuk, K.O. Chertenkov. Moscow: NIU VShE publ., 2022. 30 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 (In Russ.)
5. Radaev V.V. The expansion of platforms as a challenge to sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 12. P. 15–28. DOI: 10.31857/S013216250022667-6
6. Srnichek N. Platform capitalism. [Russ. ed.: *Kapitalizm platform*. Transl. from Eng.; Ed. by M. Dobryakova. Iss. 3. Moscow: Izd. dom VShE publ., 2021. 128 p.]
7. Stark D., Pais I. Algorithmic control in the platform economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 71–103. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-71-103 (In Russ.)
8. Strebkov D.O., et al. Social factors in the choice of counterparties on the exchange of remote work: a study of competitions with the help of “big data”. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2019. Vol. 20. No. 3. P. 25–65. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-25-65 (In Russ.)
9. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti*. [What do we know about freelancers? Sociology of free employment.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

10. Strebkov D. Construction and repair in the Soviet caricature. *ES Forum*. 2008. No. 5 (11). P. 5–11. Accessed 13.04.2023. URL: [https://www.hse.ru/mag/newsletter/2008—5%20\(11\).html](https://www.hse.ru/mag/newsletter/2008—5%20(11).html) (In Russ.)
11. Toshchenko Zh.T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografiya. [Precariat: from protoclass to new class. Monograph.] Moscow: Nauka publ., 2018. 350 p. (In Russ.)
12. Shevchuk A.V. Labor and power in the Russian model of platform capitalism. *Sotsiologiya vlasti*. 2022. Vol. 34. No. 3–4. P. 128–155. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-128-155 (In Russ.)
13. Shkaratan O.I., Karacharovskii V.V., Gasyukova E.N. Precariat: theory and empirical analysis (based on polls in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 12. P. 99–110. (In Russ.)
14. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
15. Dunn M., Munoz I., Jarrahi M.H. Dynamics of flexible work and digital platforms: Task and spatial flexibility in the platform economy. *Digital Business*. 2023. Vol. 3. No. 1. Article 100052. Accessed 15.08.2023. DOI: 10.1016/j.digbus.2022.100052
16. Fleming P. The Human Capital Hoax: Work, Debt and Insecurity in the Era of Uberization. *Organization Studies*. 2017. Vol. 38. No. 5. P. 691–709. DOI: 10.1177/0170840616686129
17. Franke M., Pulignano V. Connecting at the edge: Cycles of commodification and labour control within food delivery platform work in Belgium. *New Technology, Work and Employment*. 2021. No. 38 (3). P. 1–20. DOI:10.1111/ntwe.12218
18. Friedman G. Workers without employers: shadow corporations and the rise of the gig economy. *Review of Keynesian Economics*. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 171–188. DOI: 10.4337/roke.2014.02.03
19. Jarrahi M. H., et al. Platformic Management, Boundary Resources for Gig Work, and Worker Autonomy. *Computer-Supported Cooperative Work*. 2020. Vol. 29. No. 1–2. P. 153–189. DOI: 10.1007/s10606-019-09368-7
20. Kenney M., Bearson D., Zysman J. The platform economy matures: measuring pervasiveness and exploring power. *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1451–1483. DOI: 10.1093/ser/mwab014
21. Malin B.J., Chandler C. Free to Work Anxiously: Splintering Precarity Among Drivers for Uber and Lyft. *Communication, Culture & Critique*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 382–400. DOI: 10.1111/cccr.12157
22. Pongratz H.J. Of crowds and talents: discursive constructions of global online labour. *New Technology, Work and Employment*. 2018. Vol. 33. No. 1. P. 58–73. DOI: 10.1111/ntwe.12104
23. Pongratz H.J., Voß G.G. From employee to “entreplooyee”: Towards a “self-entrepreneurial” work force? *Concepts and Transformation*. 2003. Vol. 8. No. 3. P. 239–254. DOI: 10.1075/cat.8.3.04pon
24. Shevchuk A., Strebkov D., Tyulyupo A. Always on across time zones: Invisible schedules in the online gig economy. *New Technology, Work and Employment*. 2021. Vol. 36. No. 1. P. 94–113. DOI: 10.1111/ntwe.12191
25. *The role of digital labour platforms in transforming the world of work*. Geneva: ILO, 2021. Accessed 13.04.2023. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749
26. Tirapani A.N., Willmott H. Revisiting conflict: Neoliberalism at work in the gig economy. *Human Relations*. 2023. Vol. 76. No. 1. P. 53–86. DOI: 10.1177/00187267211064596
27. Vallas S., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

28. Wexler M.N. Reconfiguring the sociology of the crowd: exploring crowdsourcing. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2011. Vol. 31. No. 1/2. P. 6–20. DOI: 10.1108/01443331111104779
29. Wood A.J., Lehdonvirta V. Antagonism beyond employment: how the “subordinated agency” of labour plat-forms generates conflict in the remote gig economy. *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1369–1396. DOI: 10.1093/ser/mwab016

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis O. Strebkov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 # 12447. **Email:** strebkov@hse.ru

Received: 19.04.2023.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5

EDN: LFMBVF

*А. Н. МАЛИНКИН*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

С.Л. ФРАНК НА ПУТИ К СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА: Г. ЗИММЕЛЬ, Э. ГУССЕРЛЬ, М. ШЕЛЕР

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов С.Л. Франка (1877–1950) на общество и культуру до создания им в 1929 г. завершенной социально-философской доктрины. Проводится сравнительный текстологически обоснованный анализ его воззрений со взглядами Г. Зиммеля, Э. Гуссерля, М. Шелера. Автор показывает, что Франк, придерживавшийся в методологии до 1915 г. психологизма, делает выбор в пользу неоплатонизма, новейшую форму которого находит в «трансцендентальной феноменологии» Гуссерля. Автор считает, что концепция социальной философии Франка складывалась в том числе под влиянием «философско-социологических» установок Г. Зиммеля, трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, а его философия социального познания удивительно близка феноменологической социологии М. Шелера.

Ключевые слова: С.Л. Франк; теория ценности К. Маркса; социология; методология; Г. Зиммель; Э. Гуссерль; М. Шелер; социальная философия; «живое знание»; человек.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* С.Л. Франк на пути к социальной философии. Опыт сравнительного анализа: Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 93–108. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5 EDN: LFMBVF

С 1900 г. до начала 1930-х гг. взгляды Семена Людвиговича Франка (1877–1950) на общество и культуру претерпели эволюцию под влиянием прежде всего русской и немецкой философии. В эти годы обе находились в самом тесном взаимодействии. Молодой Франк был в Германии в начале XX в., написал там книгу «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» (1900) [1], слушал лек-

ции по политической экономии и философии в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. В 1913–1914 гг. он был в Германии в академической командировке, где написал книгу «Предмет знания» [5], которую защитил в 1915 г. как диссертацию. В числе прочих Франка выслали из России на «философском пароходе», и с 1922 по 1938 г. он жил и работал в Берлине, сотрудничая с созданной Н.А. Бердяевым Религиозно-философской академией. Свой главный социально-философский труд «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1929) [4] он написал в Берлине.

Ввиду указанных выше обстоятельств жизни и творчества Франка мы считаем, что анализ эволюции его взглядов на общество и культуру не может не быть сравнительным. Это позволит учесть влияние идей не только российских мыслителей (прежде всего Вл.С. Соловьева, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева) — оно лучше изучено и здесь специально нами не рассматривается, — но и представителей немецкой социальной философии, а именно Г. Зиммеля, Э. Гуссерля, М. Шелера. В этой статье мы попытаемся представить социальные идеи Франка до 1929 г. в хронологическом порядке и по возможности сопоставим его тексты с текстами указанных немецких философов. Рамки статьи не позволяют претендовать на полноту охвата материала, поэтому схематизм был неизбежен.

Наша исследовательская методология базируется на общенаучных принципах и не нуждается в обосновании. Гуманитарное исследование должно основываться прежде всего на фактах — фактами же в сравнительно-аналитическом историко-философском исследовании могут быть только фрагменты текстов изучаемых философов, причем таких, где их мысли представлены не в урезанном, а в развернутом полноценном виде. Отсюда сознательный выбор автора в пользу обильного цитирования. Не подкрепленные цитатами аналитические утверждения показывают уровень компетентности аналитика, но историко-философскими фактами не являются.

Социально-философские взгляды сложились у Франка в общих чертах после защиты диссертации во время курса лекций по обществоведению, прочитанного им в Саратовском университете и Московском институте народного хозяйства. «Сжатый конспект» этого курса лекций был опубликован им в 1922 г. под названием «Очерк методологии общественных наук» [3].

Первые шаги к социальной философии

Социально-философские взгляды Франка формировались в то время, когда социология утверждалась в академической сфере Западной Европы как самостоятельная дисциплина. В «социологии» он видел прежде всего инициированный О. Контом проект «положительной науки», претендующей на выработку «обобщающего со-

циального знания». В конце 1920-х мнение Франка о социологии сложилось окончательно: проект он считал неудавшимся [4, с. 19–21]. Но в начале XX в. его отношение к социологии как дисциплине было не столь однозначным.

Как многие русские мыслители, жившие на рубеже XIX–XX вв., Франк прошел через увлечение позитивизмом и марксизмом. Сциентистская (естественнонаучная) ориентация Конта и Маркса в методологии общественнознания позволяла ему квалифицировать их доктрины как «социологические», несмотря на существенные различия между ними. В книге «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» (1900) он анализирует теорию трудовой стоимости (в терминологии Франка «трудовой ценности»¹) и надеется на «действительно научное разрешение проблемы меновой ценности» [1, с. 360] (курсив наш. — А. М.). Франк делает для себя важный вывод: «...у Маркса... мы находим... блестящие и притом *единственные* в политической экономии попытки к ее разрешению, основанные на гениальном прозревании ее сущности. Попытки эти содержатся в его учении о формах ценности и связанной с ним теории фетишизма товарного хозяйства» [1, с. 356].

В истолковании товарного фетишизма Франк отталкивается от идей Г. Зиммеля в работе «О социальной дифференциации» (1898) и Э. Дюркгейма в «Методологии социологии» (1899). В центре его внимания — констатируемый этими социологами надындивидуальный характер социальных явлений, позволявший судить об их самостоятельности в онтологическом смысле, то есть об их бытии, относительно независимом от индивидуальных потребностей, воли, умов. Франк же пытается объяснить этот феномен в контексте проблемы возникновения меновой ценности. Сторонники «теории субъективной ценности» были в двух шагах от истины, полагает он, но, так как придерживались в своей методологии индивидуализма, «проглядели одну важнейшую часть задачи: проблему образования коллективных оценок из индивидуальных» [1, с. 355].

Там, где меновые отношения людей, рассуждает Франк, остаются в рамках изолированных отношений между индивидами, то есть не приобрели социального характера, в них не может быть никакого постоянства и не может наблюдаться никакой закономерности. «Если же мы в действительности замечаем относительную прочность и постоянство меновых законов, их кажущуюся независимость от воли и потребностей отдельных лиц, то это явление есть лишь отражение прочности и постоянства коллективных оценок, которые хотя и суть результат взаимодействия оценок индивидуальных, *но вместе с тем*

¹ Немецкое слово “*der Wert*” переводится и как «ценность» (первое значение) и как «стоимость».

дифференцируются от них и приобретают как бы самостоятельное объективное существование. Постигнуть законы этой дифференциации и объективизации можно только при помощи *новых социологических и психологических исследований*, а не путем схематических арифметических расчетов» [1, с. 355] (курсив наш. — А. М.).

Франк рассматривает теорию товарного фетишизма Маркса, в которой индивидуальные меновые отношения людей, приобретая социальный характер, превращаются в «объективное свойство товара» и фетишизируются в денежном выражении, как «начало объяснения коллективной и потому объективной — стоящей вне отдельных людей — ценности из индивидуальных субъективных оценок» [1, с. 356]. Он приходит к заключению, что гениально подмеченный Марксом «процесс объективизации при образовании коллективных оценок есть только частный случай общего закона социально-психологической объективизации представлений и волевых актов. Явления права, этики, общественных верований, принципов и идей, вообще все явления социальной культуры представляются нам как нечто существующее объективно, стоящее вне желаний, взглядов и суждений отдельных людей и управляющее ими. И между тем все эти явления суть только продукт психического взаимодействия отдельных людей» [1, с. 357]. Франк убежден, что «этот своеобразный социологический процесс» составляет «самую характерную и важнейшую черту социальных явлений вообще или, скорее, даже единственный конститутивный признак их» [1, с. 357] (курсив наш. — А. М.).

Работа «**Сущность социологии**» (1909) стала следующим шагом Франка на пути к социальной философии — шагом, означавшим одновременно увеличение скепсиса по отношению к социологии как дисциплине. В этой рецензии он анализирует капитальный труд Г. Зиммеля «Социология» (1908). В лучших немецких традициях он сначала добросовестно излагает своими словами взгляды автора, а затем подвергает их основательной критике. Уже первое предложение свидетельствует об изменении его установки: «Появление “Социологии” Георга Зиммеля — плода многолетних размышлений пронизательного и глубокомысленного берлинского философа — снова ставит на очередь вопрос о сущности и задачах этой спорной — можно сказать, загадочной — дисциплины, имя которой уже имеет почти столетнюю давность, но которую и доселе вряд ли можно признать существующей» [2, с. 38] (курсив наш. — А. М.).

Во-первых, Франк доказывает, что отграничение Зиммелем своей «априорной» социологии² от предмета других общественных наук на том основании, что первая изучает только форму социальных явлений, а последние — только содержание, не вполне корректно и не выдер-

² Как известно, Зиммель делил социологию на общую, априорную и философскую.

живает серьезной критики (в первую очередь применительно к правоведению) [2, с. 45–47]. Во-вторых, он утверждает, что «априорная» социология Зиммеля, ставящая своей задачей выявлять и исследовать «чистые формы общения», на самом деле есть не что иное как «*феноменология социальных отношений*» [2, с. 47] и как таковая, по существу, ничем не отличается от социальной психологии в трактовке Г. Тарда, Дж. Болдуина и др. Для более адекватного понимания социологии мы должны, пишет Франк, «поставить вверх ногами определение, которое дает ей Зиммель»: «...не психологические указания суть второстепенные дополнения к основной задаче социологии — чистой феноменологии социальных форм, — а... наоборот, феноменологическое уяснение объективного содержания социальных явлений есть лишь подготовительный прием для *существенного дела социологии — психологического исследования реальных причинных взаимозависимостей между этими явлениями*» [2, с. 47–48] (курсив наш. — А. М.). «Я не вижу, — писал Франк, — иного пути к превращению социологии в точную и методологически ясную науку, кроме слияния ее с социальной или “интерментальной” психологией³» [2, с. 50].

Наконец, в-третьих, Франк со всей категоричностью отвергает доводы Зиммеля против «философской» социологии, которые, как он замечает, исходят из слишком узкого понимания человеческого общения лишь как «*формы*» социальной жизни». Человек — существо общественное, подчеркивает он, поэтому общение для него не только форма, но и содержание, не только средство, но и самоцель. Изучение процесса общения «не есть единственная мыслимая задача обобщающей социальной науки»; «...необходима иная, высшая дисциплина, для которой это исследование может служить лишь подготовкой и которая должна уяснить смысл и значение общественного бытия в общем комплексе явлений человеческой (а тем самым и космической) жизни. Эта дисциплина, которую, в отличие от социологии, можно назвать *социальной философией*, должна брать явления общения в их единстве и реальной связи с общей психической и биологической природой человека и давать обобщающий ответ на неотвязный вопрос о природе общества как целого» [2, с. 50–51].

Нет никаких оснований, считает Франк, обозначать такую дисциплину социальной «*метафизикой*» в хулительном смысле слова и ссылаться на неудачи предшествующих попыток ее построения. Причину последних следует видеть, по его мнению, в несостоятельно-

³ Чтобы избежать двусмысленного термина «общественная психология», Г. Тард именовал проторенное им направление гуманитарного поиска, лежащее на стыке психологии и социологии, по-разному: «социологическая психология», «интерментальная психология» (“*psychologie intermentale*”), «интерпсихология». — А. М.

сти мировоззренческих предпосылок — атомистических, механистических, биологических [2, с. 52]. Необходимо возвратиться к «реализму», утверждает он. Надо преодолеть «методологический формализм» и вернуться к «критически очищенному реалистическому объективизму» [2, с. 52].

Чтобы было ясно, о чем идет речь, приведем те места из «Социологии» Зиммеля, на которые столь решительно критически отреагировал Франк.

Социальная наука, писал Зиммель, «как и все другие точные науки, направленные на непосредственное понимание данного, граничит с двумя философскими областями. Первая охватывает условия, основные понятия, предпосылки отдельного исследования, которые внутри него самого решить невозможно, так как они уже лежат в его фундаменте; во второй это отдельное исследование доводится до завершений и взаимосвязей, соотносится с вопросами и понятиями, которым нет места в опыте и непосредственном предметном знании. Одна — теория познания, другая — метафизика соответствующих областей» [10, S. 39–40]. Метафизический аспект философской социологии, продолжает Зиммель, включает стремление решить две разные проблемы, остающиеся обычно неразделенными в живом размышлении.

Стремление решить первую проблему мотивируется «неудовлетворенностью фрагментарным характером отдельных познаний, ранним окончанием предметных констатаций и доказательных рядов» и направлено на «восполнение этих несовершенств средствами умозрения», на удовлетворение потребности «довести до единства совокупной картины» фактическое отсутствие взаимосвязей между чуждыми друг другу частями познаний. Стремление решить вторую проблему поднимает социально-метафизическое познание на более высокий уровень. Оно соотносится поэтому с другим измерением бытия. Зиммель квалифицирует его «как смысл или цель, как абсолютную субстанцию в относительных проявлениях, а также как ценность или религиозное значение» [10, S. 40].

Зиммель считал специфичными для «социальной метафизики», в отличие от социологии как науки, следующие вопросы. «Является ли общество целью человеческого существования либо только средством для индивидуума? Или оно для него даже не средство, а, скорее, наоборот, препона? Заключена ли его ценность только в функциональной жизни или в создании объективного духа, или в нравственных качествах, которые оно пробуждает в каждом? Просматривается ли в типических стадиях развития обществ какая-то космическая аналогия — так что социальные отношения людей следовало бы встроить в какие-то всеобщие, сами по себе не проявляющиеся, но фундирующие все явления, формы или ритмы, которые направляют также и коренные силы материальных фактов? Может ли вообще существо-

вать религиозно-метафизическое значение совокупностей, или иметь его — удел индивидуальных душ?» [10, S. 40].

Все эти вопросы, по мнению Зиммеля, не легитимируют социологию как новую науку, ибо это философские вопросы, которые философия в модусе «философской социологии» просто переносит на новую предметную область, сохраняя свойственную ей познавательную специфику. Речь не идет здесь об исторических или антропологических условиях возникновения общества, например, о каких-то конкретных человеческих влечениях, благодаря которым люди, взаимодействуя друг с другом, порождают общество. Зиммель исходит из допущения о существовании абстрактного человеческого «субъекта» и задает вопрос о «предпосылках его сознания как существа общественного». «Каковы те внутренние и принципиальные условия, на основании которых индивиды, наделенные такими влечениями, вообще приходят к общественному состоянию, каково то а priori, которое делает возможным и формирует эмпирическую структуру отдельного человека, поскольку он общественное существо? ...Что вообще есть общество как объективная форма субъективных душ?» [10, S. 41].

Против «методологического формализма» Зиммеля, ограничивающего естественное стремление человека давать ответы на «последние» вопросы своего общественного бытия, как раз и выступает Франк, призывая вернуться к «реализму» и «критически очищенному реалистическому объективизму». Фактически это призыв вернуться от «отвлеченных начал» к полноценному познанию и к целостному знанию, центром и носителем которых является человек, его духовная личность. Невозможность социальной философии, считает он, «относительно не ясна а priori и не доказывается соображением Зиммеля, что она сведется к бессистемной энциклопедии всей совокупности уже существующих общественных знаний; *это соображение неубедительно, так как исходит из предвзятого отрицания той общей и новой закономерности, которая может открыться в социальном бытии как целом*; и, во всяком случае, логическая правомерность искания такого обобщающего знания не может быть отрицаема. Другое соображение Зиммеля, что такая социальная философия есть лишь часть общей философии и потому не может претендовать на значение самостоятельной науки, до известной степени, разумеется, верно, но сводится в конечном счете к несущественному и неизбежно произвольному терминологическому указанию» [2, с. 52] (курсив наш. — А. М.).

Между тем, ратуя за социальную философию, ориентированную на «общую и новую закономерность, которая может открыться в социальном бытии как целом», Франк фактически присоединяется к так называемой «психологической школе в социологии». В «Теории ценности К. Маркса...» он опирается на идеи Зиммеля, в «Сущности социологии» уже полемизирует с ним, но в обоих случаях — несмотря

на завершающий призыв к «реализму» и «критически очищенному реалистическому объективизму» — на методологическом уровне остается сторонником «социальной», или «интерментальной», психологии, истолковывая таким же образом и «априорную» социологию Зиммеля.

Да, это уже не индивидуалистическая психология: феноменам общественной жизни (ценностям, социальным единствам, группам и т. д.) приписывается самостоятельный онтологический статус. Их нельзя свести к психическим процессам, переживаемым отдельными индивидами, личностями. И все же самостоятельность их статуса лишь относительна, поскольку генетически они связаны с индивидуально-психическими процессами: групповые, социальные ценности и феномены складываются из них, а потому из них и «выводятся», сохраняя свой психологический характер.

Проблема методологии общественных наук

Эта логическая несообразность снимается на следующем этапе эволюции социальной мысли Франка. В работе **«Очерк методологии общественных наук»** (1922) он признает свою непоследовательность, указывая, что его собственные более ранние статьи, в частности «Сущность социологии», «основаны на психологическом направлении и потому в своей основной тенденции ныне им [то есть Франком. — А. М.] более не разделяются» [3, с. 121]. Мы предполагаем, что взгляды Франка на общество претерпели значительную эволюцию после академической командировки в Германию. Ее плодом стали диссертация «Предмет знания» (1915) и последовавшая за ней книга «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917) [6]. Глубокое погружение в немецкую философию имело одним из своих следствий усвоение русским мыслителем трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, чрезвычайно влиятельной в те годы, а также огромного массива разнообразной философской литературы, инициированной ею. Но главное, как нам представляется, было осознание Франком необходимости выработать собственную методологию социального познания, которая соединяла бы лучшее в мировой философской мысли.

Этим лучшим Франк, упоминая, в частности, Гуссерля, считает философские системы Плотина и Николая Кузанского, правда, делает оговорку, очень важную с точки зрения сравнительного анализа. «Для нас, — пишет он, — эти две системы — лишь самые яркие и богатые выражения единого великого, истинно вселенского течения философской мысли. И если нужно непременно приписаться к определенной философской “секте”, то мы признаем себя принадлежащими к старой, но еще не устаревшей секте платоников. *С этой точки зрения для нас даже вся “трансцендентальная философия” есть лишь этап в истории платонизма*» [5, с. 40] (курсив наш. — А. М.).

Франк начинает свой очерк с того, что философскую методологию общественных наук отождествляет с «философией общества, или социальной философией» [3, с. 7], что, конечно, является слишком радикальным шагом. В заключение он обосновывает свою классификацию общественных наук и представляет ее как систему «философии общественной жизни (социальной философии)», в том числе в табличной форме [3, с. 113–118]. Невольно напрашивается предположение, что тем самым Франк опровергал упомянутое выше суждение Зиммеля, будто социальная философия сведется к «бессистемной энциклопедии всей совокупности уже существующих общественных знаний». Социологию же он рассматривает как «попытку замещения методологии общественных наук» и в трех пунктах показывает ее несостоятельность в этом отношении [3, с. 8–10]. Вывод его категоричен: «Из всех этих особенностей социологии совершенно очевидно, что она не может обосновывать методологию общественных наук или совпадать с нею. Скорее, она сама и весь ее замысел есть типичный образец игнорирования систематической методологии, пример методологической спутанности и предвзятости; и неплодотворность, которую фактически обнаружило социологическое знание, в значительной мере определена этим ее недостатком» [3, с. 9]. В другом месте он пишет о социологии так: «Практика серьезного обществоведения сознательно или бессознательно, руководимая научным чутьем, чуждается этого направления и относится к нему недоверчиво или отрицательно» [3, с. 99].

На наш взгляд, влияние на Франка трансцендентальной феноменологии Гуссерля сказалось в том, что он преодолел методологический психологизм и начал исходить из платонического понимания общественной жизни как реально существующей *целостности*. «Реальность общего есть истина, твердо установленная современной логикой, уяснившей принципиальную правильность платонизма (платонова учения об идеях как реально-общем); и речь идет здесь, конечно, не о мистическом гипостазировании общего, т. е. не об утверждении его конкретного и обособленного от единичных вещей существования, а об его реальности как подлинного (а не субъективно созданного) *единства*, присущего многообразию единичных элементов» [3, с. 59]. Свою методологию в понимании общества он именует «*универсализмом*», или «органическим воззрением»⁴. Универсализм он противопоставляет «индивидуализму», или «атомизму», или «сингуляризму». «Универсализм, — пишет он, — ...исходит из понятия общества как целого или как подлинного единства, несводимого к сумме или совокуп-

⁴ Не путать с так называемой «органической теорией общества» в социологии, основанной на аналогии общества и живого организма. По мнению Франка, она ошибочна по сути своей, но полезна для уяснения концепции общества как единства целого.

ности отдельных людей и имеющего свою самобытную природу, которая как таковая и есть предмет изучения обществоведения» [3, с. 49]. С позиций универсализма Франк критикует социологию Зиммеля, представляя ее как наиболее рафинированную сингуляристскую методологию объяснения феноменов общественной жизни [3, с. 61–63].

«Мы должны в противовес этому сказать: никакое целое невыводимо из своих частей, ничто сложное не есть простой итог сложения простого. Напротив, до подлинного понимания частей или “простого” мы доходим лишь путем разложения целого или сложного, так что понятия “простое” и “часть” или “элемент” образуются путем абстрагирования от некоторых сторон реальности, путем упрощения реальности, т. е. оставления в стороне, вне поля внимания, той конкретной полноты и сложности, в составе которых реально и мыслимо только все простое и элементарное. *Современная теория знания и онтология в силу этих логических соображений признает несостоятельность эволюционно-механического или атомистического мировоззрения и заменяет его мировоззрением “органическим”, имеющим свои корни в платоновском объективном идеализме и в производном от него новоплатонизме, для которого все низшее и беднейшее есть последний осадок или остаток первичной полноты и целостности бытия (теория эманации)*» [3, с. 116–117] (курсив наш. — А. М.).

Исходя из «платонистической тенденции усмотрения реальности общего как подлинного и исконного единства» [3, с. 73–74], Франк делает ряд фундаментальных выводов.

Во-первых, он утверждает принцип генетического приоритета общества как единства целого над множеством индивидов, доказывая, что «общество есть первичное, исконное, а не производное или сложившееся единство». «Единство общества есть не отвлеченное единство, противоположное множественности, а единство *системы*, т. е. *конкретное единство единства и множественности*. Общество... есть первичное единство, но не в том смысле, что в нем нет никакой множественности элементов, а в том смысле, что реальной множественности противостоит столь же реальное единство, на почве которого развивается множественность и которое его, так сказать, насквозь пропитывает. <...> Следовательно, логический анализ имеет не значение отыскивания первичных частей в их обособленном бытии и определения результатов их производного сложения, а значение именно анализа, т. е. расчленения объективного целого и *усмотрения* частей и их соотношений на фоне целого» [3, с. 72].

Во-вторых, он утверждает, что «универсализм, логически правильно проверенный, единство общественного бытия усматривает не в *субстанциональном* единстве, а в единстве *связи* или *отношения*. <...> Опасно и ложно смешивать это реальное и первичное единство системы (единство как исконность связи) с воображаемым и чаемым

абсолютным единством солидарности, слитности, гармонии и т. п. Единство общества фактически совместимо с анархией, с хаотическим столкновением частей, с множеством дисгармоний и неупорядоченностей (конечно, в известных пределах, за которыми прекращается само бытие общества), вообще, со стихийностью и неорганизованностью его процессов. Более того, можно сказать, что существо общества в его конкретной реальности отчасти прямо предполагает стихийную неорганизованность его жизни, т. е. что полная рациональная *организованность*, абсолютная и сознательная слитность его частей, противоречит самому существованию общества именно как *органического* явления. Ибо *органичность* хотя и предполагает организацию, но есть не то, что организованность: она предполагает именно первичное, никем сознательно не установленное, т. е. как раз стихийное, единство неорганизованных сил» [3, с. 73].

Исходя из общеизвестных фактов социальной истории, Франк постулирует *фундаментальный принцип социальности, за которым признает онтологический статус, — принцип единства человеческих сознаний на основе их частичного или полного слияния*. Последнее возможно потому, что сознание одного человека дано другому человеку напрямую, непосредственно. Этот важнейший основополагающий тезис заслуживает более подробного рассмотрения.

Прежде Франк, интерпретируя концепцию товарного фетишизма, усматривал ключ к пониманию человеческой социальности в феномене надындивидуальности социального, когда одно и то же общественное явление существует сразу для многих участников. Он констатировал тогда поразительный факт: индивидуальные сознания, будучи, с одной стороны, множеством отдельных сознаний, имеют, с другой стороны, часть или область, в которой они сливаются воедино. Теперь он снова к нему возвращается и спрашивает: как возможно, что «в отношениях дружбы, любви — в сущности, в любом, даже самом поверхностном и даже враждебном, антагонистическом отношении — два сознания, конечно, не сливаются целиком в одно, но и не пребывают в абсолютной раздельности, а частично сливаются в единство, имеют стороны, в которых они реально совпадают?» [3, с. 67]. Теперь, как он полагает, ключ к пониманию человеческой социальности наконец найден.

Если мы будем исходить из абсолютной раздельности индивидуальных сознаний, сам факт общения будет для нас необъясним, убежден Франк. Он отвергает как ложную и логически несостоятельную попытку объяснения этого феномена в ассоциативной эмпирической психологии, известную как «вывод по аналогии». Согласно последнему, замкнутое в себе индивидуальное сознание догадывается о смысле содержания чужого «я» на основании внешних и телесных симптомов (звуков речи, мимики, жестов) по аналогии с известным ему по собственному опыту отношением между этими телесными сим-

птомами и соответствующими им душевными движениями. «Она ложна, — заявляет Франк, — ибо непредвзятое наблюдение показывает, что восприятие чужой душевной жизни совершается непосредственно, а не есть умозаключение по аналогии. Она логически противоречива, ибо никакое умозаключение не может открыть нам реальность, само понятие которой для нас невозможно. Если мне было бы дано только мое сознание, то понятия “сознание” и “мое сознание” были бы для меня равнозначны и само понятие “чужое сознание” было бы чем-то вроде “черной белизны” или “четырёхугольного чувства”; и потому никакое умозаключение по аналогии не могло бы меня довести до него. <...> Чужое сознание либо дано мне непосредственно и первичным образом, либо вообще не может быть доступно» [3, с. 67–68].

Здесь мы подходим к окончательному разъяснению первичного единства общества, продолжает Франк. «Общение не есть вторичный факт, который, так сказать, прибавляется к индивидуальному обособленному сознанию и дополняет его: общение есть, напротив, первичное свойство, конститутивная черта всякого сознания. Точнее говоря, как общность, так и раздельность сознаний соотносительны друг другу и суть производные дифференциации первичного единства сознания вообще. Первое, что мне дано, есть не “мое сознание”, а сознание вообще, хаотическое единство “духовного бытия” без всяких разграничений. В сознании новорожденного ребенка без точных отграничений слиты воедино и впечатления внешнего мира, и внутренние состояния, и впечатления чужого “я” (например, матери). Из этого хаотического состояния выделяется, с одной стороны, общая противоположность между “я” и “не-я”, между “моим” и “внешним мне” и, с другой стороны, специальная противоположность между “я” и “ты”, т. е. между своим сознанием и “не-моим”, чужим, сознанием; “я” соотносительно “ты” или “они” и немыслимо иначе, как в связи с ними. Общение сознательное уже есть вторичный факт связи разъединившихся частей» [3, с. 68].

Отметим важный факт: Франк, не называя то, что он делает, феноменологическим исследованием, фактически развивает такую же *интуитивистскую феноменологию социального познания* — местами идентичную дословно, — которую Шелер окончательно сформулирует лишь через год в третьем разделе «О чужом Я» второго издания книги «Формы и сущность симпатии...» (1923) [9] и которая составит его «высшие аксиомы социологии знания» в «Проблемах социологии знания» (1926) [8, с. 50–58]. По всей вероятности, сказалось влияние на Франка интуитивистской философии Н.О. Лосского, что косвенно подтверждал сам Франк [7, с. 270].

«Индивид в подлинном и самом глубоком смысле слова произведен от общества как целого, — утверждает Франк. — Существует недифференцированное единство сознания, единство, из которого

черпается вообще многообразие индивидуальных сознаний, которое сохраняется в факте необходимой связи сознания и в общем духовном фонде общественного бытия и которое в его первичном виде мы имеем во всех случаях стихийного слияния многих сознаний в одном чувстве, настроении, порыве (в фактах психологии толпы или общественного мнения). Общество никогда не создается и не составляется людьми (всякое производное образование общества есть лишь ответвление нового общества от старого...); оно сразу есть как первичный факт единства духовного бытия человечества, единства, вне которого было бы немислимо самое бытие индивидуальной личности» [3, с. 69].

Органическое целое требует целостного же познания своей природы как единства, ибо лишь через познание целого можно прийти до познания его частей. Подобное познается подобным. Вот почему «основной формой знания в обществоведении» Франк объявляет «живое знание». Обоснование концепции «живого знания» дано им ранее в третьей главе «Предмета знания». (Историки русской философии отмечают близость онтологической концепции знания Франка идеям Н.А. Бердяева, выраженным в первой главе его «Философии свободного духа».) Только оно способно обнаружить «момент *надиндивидуальной объектной духовности*, или *живой объективной идеи*», реально присутствующий как общее свойство самого общественного бытия в качестве признака, отличающего его от других областей бытия.

«Обществоведение, — пишет Франк, — имеет дело, с одной стороны, с объективным миром, который окружает человека, как извне данная ему среда или объективные условия его существования; с другой стороны, эта среда не материальна, а духовно-идеальна; ее существо есть духовность, или идея, проявляющаяся в живой смене исторических событий и процессов. Этому своеобразию предмета соответствует своеобразие *основной формы знания* в обществоведении, которая сохраняет свое единство при всем многообразии методов и целей отдельных общественных наук. <...> Под именем живого знания мы разумеем форму знания, в которой знание достигается не в форме одной лишь направленности субъекта на чуждый ему и лишь извне предстоящий объект и осмысления объекта через посредство отвлеченных понятий, не в форме чисто умственного созерцания, а в форме такого созерцания, которое связано с живым погружением субъекта в объект и с сочувственным переживанием объекта. Живое знание, очевидно, возможно лишь при внутреннем средстве объекта с субъектом и в меру этого средства» [3, с. 102].

Франк предупреждает: «живое постижение» должно быть совершенно свободно от всякого привкуса субъективизма в смысле замены объективного знания субъективно-произвольными оценками или чувствами по поводу него. Здесь не объект должен приспособляться к субъекту, то есть к психологическим и духовным свойствам и задат-

кам исследователя (что часто и происходит), а субъект — к объекту. «Исследователь, отрешаясь от всех своих личных, односторонних, субъективных вкусов, симпатий, привычек, чувств, должен стремиться расширить мир своего идеального переживания настолько, чтобы он охватил и воспринял живую духовную природу изучаемого общественного явления или вопроса в ее подлинной, объективной сущности и во всей ее полноте. Абсолютная полнота есть здесь, конечно, недостижимый идеал, но тем не менее есть конечная цель исследователя» [3, с. 104]. В этом отношении, замечает Франк, дело обстоит здесь так же, как во всех других формах и областях знания, где абсолютная объективность — это и недостижимый идеал, и руководящий принцип исследования.

Многое из того, что было сказано Франком в «Очерке методологии общественных наук», сохранило для него значимость до конца жизни. Тем не менее важно учитывать, что целью очерка было обоснование методологии социального познания посредством «критики некоторых господствующих методологических построений», а не изложение в развернутом виде своих взглядов на общество, историю, культуру, на место в них человека и личности. Зрелую концепцию социальной философии Франка мы находим в книге «Духовные основы общества». Анализ основных идей этой работы мы представим в нашей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб.: Типография и литография В.А. Тихонова, 1900. — 371 с.
2. Франк С.Л. Сущность социологии // Русская мысль. М., 1909. Кн. IX. С. 38–53.
3. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Книгоиздательство «Берег», 1922. — 124 с.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества / [С.Л. Франк; Сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев]. М.: Республика, 1992. — 511 с.
5. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк; [Вступ. ст. И.И. Евлампиева]. СПб.: Наука, 1995. С. 36–416.
6. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк; [Примеч. Р.К. Медведевой]. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 4–206.
7. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк; [Примеч. Р.К. Медведевой]. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 208–431.
8. Шелер М. Проблемы социологии знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2011. — 320 с.

9. Шелер М. О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ // Шелер М. О сущности философии. Работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 195–254.
10. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 11. 1. Hrsg. v. O. Rammstedt. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S. 7–863.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Дата поступления: 15.05.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 3. P. 93–108. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

S.L. FRANK ON THE PATH TO SOCIAL PHILOSOPHY: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS:

G. SIMMEL, E. HUSSERL, M. SCHELER

Abstract. The article discusses the evolution of the views of S.L. Frank (1877–1950) on society and culture up until he created a completed socio-philosophical doctrine in 1929. A comparative textologically substantiated analysis of his views with the views of G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler is carried out. The author shows that Frank, who adhered to psychologism in his methodology until 1915, makes a choice in favor of Neoplatonism, the latest form of which he finds in Husserl's transcendental philosophy. The author believes that the concepts of Frank's social philosophy were formed, among other things, under the influence of G. Simmel's principles of "philosophical sociology", E. Husserl's transcendental phenomenology, and his philosophy of social cognition is surprisingly close to M. Scheler's phenomenological sociology.

Keywords: S.L. Frank; K. Marx's theory of value; sociology; methodology; G. Simmel; E. Husserl; M. Scheler; social philosophy; "living knowledge"; man.

For citation: Malinkin, A.N. S.L. Frank on the Path to Social Philosophy: Experience of Comparative Analysis: G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 93–108. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5

REFERENCES

1. Frank S.L. *Teoriya tsennosti Marksa i yeyo znacheniye. Kriticheskiy etyud.* [Marx's Theory of Value and its Significance. Critical Study.] St Petersburg: Tipografiya i litografiya V.A. Tikhonova publ., 1900. 371 p. (In Russ.)
2. Frank S.L. Essence of Sociology. *Russkaya mysl'*. Book IX. Moscow, 1909. P. 38–53. (In Russ.)
3. Frank S.L. *Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk.* [Essay on the Methodology of Social Sciences.] Moscow: Knigoizdatel'stvo Bereg publ., 1922. 124 p. (In Russ.)
4. Frank S.L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva.* [Spiritual Foundations of Society.] Comp. and intro. by P.V. Alekseev. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
5. Frank S.L. The Subject of Knowledge. On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka.* [The Subject of Knowledge. The Soul of Man.] Intro. by I.I. Evlampiev. St Petersburg: Nauka publ., 1995. P. 36–416. (In Russ.)
6. Frank S.L. The soul of man. Experience of Introduction to Philosophical Psychology. Frank S.L. *Real'nost' i chelovek.* [Reality and man.] Note by R.K. Medvedeva. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1997. P. 4–206. (In Russ.)
7. Frank S.L. Reality and Man. Metaphysics of Human Existence. Frank S.L. *Real'nost' i chelovek.* [Reality and Man.] Note by R.K. Medvedeva. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1997. P. 208–431. (In Russ.)
8. Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens = Problems of the Sociology of Knowledge. [Russ. ed.: *Problemy sotsiologii znaniya.* Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy publ., 2011. 320 p.]
9. Sheler M. About the Alien Self. Experience of Eidology, Theory of Knowledge and Metaphysics of Experimental Cognition and Real Positioning of the Alien Self and Living Beings. *O sushchnosti filosofii. Raboty raznykh let.* [On the Essence of Philosophy. Works of Different Years.] Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2020. P. 195–254. (In Russ.)
10. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel. *Gesamtausgabe.* Bd. 11. 1. Hrsg. v. O. Rammstedt. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S. 7–863. (In German)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

Received: 15.05.2023.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

В этой рубрике мы продолжаем публиковать воспоминания и другие материалы, посвященные Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — основателю и бессменному главному редактору «Социологического журнала», видному методологу и историку социологии. Они позволят узнать о малоизвестных фактах профессиональной жизни Г.С. Батыгина, круге его научного общения, влиянии его личности на тех, кто оказывался рядом.

Публикуются воспоминания кандидата социологических наук Тартаковской Ирины Наумовны, аспирантки Г.С. Батыгина на рубеже 1980–1990-х гг.

Интервью подготовил кандидат социологических наук Д.М. Рогозин, ученик и коллега Геннадия Семеновича.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6

EDN: MXBRQQ

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ¹, Д.М. РОГОЗИН^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

«НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПУТИ СО МНОЙ ОСТАЛСЯ УРОК БАТЫГИНА — ВСЕГДА ПРОВЕРЯТЬ СЕБЯ НА ОБОСНОВАННОСТЬ ВЫВОДОВ»

Аннотация. Интервью посвящено воспоминаниям о профессиональной и педагогической деятельности выдающегося российского социолога Г.С. Батыгина (1951–2003). Делается акцент на особенностях его научного метода, связанного с интенсивной критической рефлексией по поводу разных методологических подходов в социальной теории и эмпирических исследованиях, анализируется его позиция по отношению предметным сферам социологии. Описывается стиль работы Г.С. Батыгина как педагога и научного руководителя.

Ключевые слова: Г.С. Батыгин; Институт социологии; социология чтения; качественная и количественная методология; гендерные исследования; сообщество социологов.

Для цитирования: *Тартаковская И.Н.* «На профессиональном пути со мной остался урок Батыгина — всегда проверять себя на обоснованность выводов» / Интервью подготовил *Д.М. Рогозин* // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 109–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6 EDN: MXBRQQ

Ирина, расскажи, пожалуйста, когда ты познакомилась с Батыгиным, при каких обстоятельствах. Какое первое впечатление он на тебя произвел?

С Геннадием Семеновичем я познакомилась в мае 1989 г. в песочнице около станции метро «Кропоткинская».

Такое начало требует, конечно, объяснения контекста... Дело было так. В феврале 1989 г. я приехала из своей родной Самары в Звенигород на Школу молодых социологов. Это было довольно масштабное и амбициозное мероприятие, проходившее, как это было тогда модно, в формате деловой игры. Я года два как закончила университет в Самаре — исторический факультет, но диплом писала по социологии, у меня было такое желание и была возможность, поскольку я работала параллельно в социологической лаборатории университета и там на практике постигала азы профессии, которой еще толком почти нигде в СССР не учили. К этому моменту я уже сделала маленькую карьеру — руководила целым «отделом социологии» в странной организации, которая называлась Научно-методический центр народного творчества, это было побочное подразделение областного управления культуры. Отдел состоял из меня и еще одного симпатичного юноши, моего подчиненного. Мы в соответствии с духом перестроечного времени изучали культурные потребности сельских жителей. Это было по-своему увлекательное занятие, но мне хотелось более академической карьеры, и я была в исканиях. Мне показалось, что Школа молодых социологов была для этих исканий очень правильным местом.

Впечатления от этого мероприятия у меня в итоге остались довольно смешанные, но это отдельный сюжет из истории перестроечной социологии. Школа проходила очень сумбурно, амбициозные игротехники не особо справлялись с интеллектуальным запросом молодых и тоже весьма амбициозных социологов из разных городов и весей. Она была довольно длинной, и день на четвертый я, несколько разочарованная, решила сбежать на вечер в Москву, развлекаться. И вот, в процессе этого прогуливания на автобусной остановке я познакомилась с Семеном Абрамовичем Клигером, который тоже, видимо, разочаровался в мероприятии и возвращался в Москву (там, на школе, была и «старшая группа», из социологов вполне уже состоявшихся).

Из беседы я выяснила, что Семен Абрамович работает в месте с замечательным названием НИИ книги¹, и от одного этого названия

¹ Полное название института в то время — Институт книги НПО «Всесоюзная книжная палата» Госкомиздата СССР. — *Прим. ред.*

у меня дрогнуло сердце, потому что читать книги я любила все-таки больше всего на свете, даже больше социологии. И я с трепетом спросила, нет ли у них там для меня какой-нибудь аспирантуры, чтобы два главных интереса в моей жизни можно было слить воедино. Семен Абрамович мне объяснил, что аспирантура там, в принципе, есть, но не социологическая — кажется, что-то связанное с экономикой. Но есть и другие возможности изучать книги социологически, и пусть я ему через пару недель (или месяц, точно не помню, — кажется, он куда-то уезжал), скажем, позвоню, а он за это время подумает.

Наступила весна, было несколько звонков, и в итоге Клигер мне сказал, что придумал для меня вариант и я могу приехать в Москву, а он меня познакомит с правильными людьми насчет аспирантуры. И я, конечно, приехала. Встречу он мне почему-то назначил не в каком-либо учреждении, а возле метро «Кропоткинская» — это меня, помнится, смутило, и по пути я измяла на нервной почве в комок номер журнала «Век XX и мир», который читала в метро, — тогдашний продукт деятельности Глеба Олеговича Павловского, чья звезда в то время только восходила.

Но никаких нескромных предложений, к счастью, не последовало — Семен Абрамович приветливо встретил меня у выхода из метро, и с ним было еще два человека: одним из них был Александр Крыштановский, с которым я уже была немного знакома — он приезжал в Самару и рассказывал там социологическому сообществу про SPSS, второго же я не знала. Это и был Геннадий Семенович Батыгин. Надо было найти какое-то место поговорить — «Кропоткинская», видимо, была удобна им логистически, потому что они все работали в разных местах, а в кафе тогда вот так просто ходить, ни с того ни с сего, было еще не принято, да и мало было кафе. И именно Геннадий Семенович, деловито оглядевшись, решил: «Пойдемте на детскую площадку». Это тоже была не такая прекрасная и благоустроенная площадка, которую мы можем ныне наблюдать в Москве, но там можно было технически присесть на бортик песочницы — ну, как это говорилось у классика, «потом в скверу, где детские грибочки»...

Выбор Клигера был связан с тем, что Геннадий Семенович тогда недолго работал заместителем директора НИИ книги² и много общался с коллегами из НИИ культурологии, где была социологическая аспирантура, подходящая для культурно ориентированных юных дев (в самом НИИ книги такой аспирантуры не было). К тому же я технически была работником культуры и вполне могла претендовать на направление, а это было важно, потому что в те времена кто угодно с улицы никак не мог поступать в какую угодно аспирантуру.

² Г.С. Батыгин работал здесь в течение всего 9 месяцев в 1988–1989 гг. — *Прим. ред.*

Мы пообщались в этой песочнице, наверное, минут 40 и обсудили все эти организационные моменты. Почему-то Геннадий Семенович не возражал взять меня в аспирантки, и у меня в жизни появилась большая цель. Я слышала раньше его фамилию, но толком не знала, чем он занимается. Однако его харизма в сочетании с демократичностью и доброжелательностью произвели на меня самое воодушевляющее впечатление.

Я вернулась в Самару и стала готовиться к поступлению...

Невероятная история, почти невозможно поверить, настолько она кинематографична — прямо представил вас троих в песочнице и улыбнулся. Такое начало, что дух захватывает. Я очень мало знаю о том коротком периоде, когда Геннадий Семенович работал в Институте книги. Расскажи подробнее, как все там было организовано. Как складывалась твоя жизнь и работа в Институте? Насколько интенсивным было общение с научным руководителем?

Я об этом периоде тоже, к сожалению, практически ничего не могу сказать, потому что он, видимо, был совсем коротким. После исторической встречи в песочнице я вернулась домой в Самару и стала готовиться поступать в аспирантуру осенью. Мы в итоге остановились на НИИ культурологии, но к тому моменту, когда я приехала сдавать экзамены через полгода, Геннадий Семенович уже вернулся в Институт социологии. Что стояло за этой вариацией его карьеры — какой-то конфликт или поиск новых горизонтов, я так и не узнала, мы никогда про это не говорили³.

Таким образом, работал он в Институте социологии, а поступила я в Институт культурологии, но там можно было иметь внешних научных руководителей, это было оговорено заранее, когда я подавала документы. И поступала я сразу на заочное — архитектура моей жизни в то время, в канун 1990-х, совсем не предполагала, что я могу уехать в Москву и там жить и учиться. В моей конторе, которая дала мне направление, тоже такой вариант не предусматривался. До поступления я с Геннадием Семеновичем общалась мало и в основном по организационным вопросам — в конце концов, я вовсе не была уверена, что поступлю, так зачем отвлекать занятого человека?

Но я поступила, сдала все вступительные на «отлично» и явилась к нему в Институт социологии за дальнейшими распоряжениями (кстати, я никогда не была там до этого и достаточно долго плутала, хотя он нарисовал мне очень четкую и понятную схему). И он меня спросил, о чем я, собственно говоря, диссертацию писать собираюсь.

³ Причиной стало то, что работа в Институте книги оказалась не соответствующей научным интересам Г.С. Батыгина. Кроме того, вернуться в Институт социологии Батыгина пригласил В.А. Ядов, к тому времени назначенный его директором-организатором. — *Прим. ред.*

И тут я стала хлопать глазами: образ диссертационной темы у меня в голове был более чем смутный, на фоне экзаменов и прочих текущих проблем просто не было времени об этом подумать.

Наверное, это все производило странное впечатление, но Геннадий Семенович как педагог был не только терпелив, но, не побоюсь этих слов, совершенно гениален. Поэтому он терпеливо вздохнул и стал мне задавать наводящие вопросы. И в итоге на листке бумаги была зафиксирована тема: «Влияние социокультурной дифференциации на читательские предпочтения». С этим листочком наперевес я и отправилась в Библиотеку имени Ленина, навстречу новому периоду своей профессиональной жизни.

Следующий вопрос напрашивается сам собой. Как проходила работа над диссертацией? И как такое возможно, чтобы тема, написанная на листке практически спонтанно, не претерпела каких-либо значимых изменений за годы учебы в аспирантуре?

Отвечу сначала на вторую часть вопроса. Это было связано с тем, что я в предыдущем фрагменте интервью определила как «педагогическую гениальность» Геннадия Семеновича: с помощью правильных вопросов, которые навели меня на мои же собственные мысли, мы с ним вместе нашли ту формулировку, которая наиболее соответствовала моим исследовательским устремлениям [7]. Потом, через много лет, я поняла, что своими силами пыталась нащупать что-то вроде «габитуса»: не имея никакого представления о работах Бурдьё, я чувствовала острую необходимость в каком-то интегральном понятии вроде «структуры, структурирующей практики», и литература в нашей логоцентричной стране (ну, так я тогда думала) должна была быть частью этой «структурирующей структуры», важной составляющей жизни людей, определять культурный репертуар, с помощью которого они думают о самих себе...

Тут стоит сделать важное уточнение: я ведь принадлежу к тому поколению социологов, у которого практически не было возможностей получить профильное образование: социологические факультеты и отделения стали более или менее открываться в России, когда я уже закончила университет, соответственно, по образованию я была историком, а избранной профессии училась отчасти в ходе практической работы, отчасти читая все, что попадалось под руку. Кстати, во время работы над диссертацией я обнаружила в Ленинке работы и того же Бурдьё, и Фуко — их имена мне совершенно ни о чем не говорили, но тексты показались занятными, я их выписала себе на карточки, намередаясь как-нибудь в будущем разобраться.

Но реальный фокус моей работы был тогда гораздо более узким: я читала все, что могла найти, по социологии чтения, социологии литературы, и даже психологические и философские труды про восприятие текстов. По ходу открыла для себя философскую герменевтику, была

одно время ею совершенно очарована, но Геннадий Семенович очень мягко посоветовал мне не ходить в эту сторону, предупредив, что так можно «попасть в герменевтический круг» и никогда уже оттуда не выбраться... И это был очень ценный совет.

Я продолжала жить и работать в Самаре, но в Москву наезжала часто, сидела в библиотеках, бродила между Ленинкой, ИНИОМом и Библиотекой иностранной литературы. Необъятной Ленинкой меня, кстати, тоже научил пользоваться Геннадий Семенович — я с такими объемами доступной информации еще в жизни не сталкивалась. В Москве делала бесконечные выписки и конспекты (о фотокопиях библиотечных текстов мы тогда и не мечтали, приходилось много писать ручкой). В Самаре я размышляла над найденным, складывала в какие-то куски текстов, которые привозила Геннадию Семеновичу показать.

Самый первый план диссертации он, помнится, забраковал, честно сказал: «плохо». Потом дело пошло лучше, и он обычно был, скорее, мною доволен. Мне невероятно важна была его поддержка, потому что я не только была не уверена в себе, это само собой, но достаточно плохо вообще себе представляла конвенции диссертационного текста по социологии.

Тем временем гремела перестройка, которой я очень сопереживала, распался Советский Союз и происходили прочие увлекательные события. Помню, что я приехала в Москву как раз в тот момент, когда депутаты РСФСР выбирали между Ельциным и Полозковым, и решающий тур совпал с моим визитом в Ленинку, где мы обычно встречались с Геннадием Семеновичем — он проводил там очень много времени. Какие-то энтузиасты вывесили рукописную листовку, извещающую о победе Ельцина, прямо на двери профессорского зала, где занимался Геннадий Семенович, и он был очень недоволен таким вторжением политики в научную среду, проворчав что-то про «страну вечнозеленых помидоров». Я-то была как раз в энтузиазме, но его реакцию хорошо запомнила, и в ней был очень важный для меня урок — о том, что эти сферы жизни, пожалуй, не надо смешивать...

В моей жизни тоже происходили соответствующие текущему моменту перемены: мою позицию в управлении культуры очень предсказуемо сократили, и какое-то время я была безработной. Если говорить точнее, то с точки зрения формальной занятости начался вообще очень длинный период моей жизни, когда у меня ее толком не было, я перекладывала свою трудовую книжку из одной дружественной мне коммерческой структуры в другую, но отнюдь не сидела при этом дома: примерно в это же время началось мое сотрудничество с коллегами из самарской части проекта Саймона Кларка, второго после Геннадия Семеновича профессора, который сыграл в моей профессиональной жизни решающую роль.

Это были невероятно увлекательный проект и команда коллег, с которой я была абсолютно счастлива. Обратной стороной этой азартной и прекрасной жизни было то обстоятельство, что работала я невероятно много, была поглощена нашими исследованиями радикальных изменений, которые происходили на наших глазах на самарских индустриальных предприятиях. Но все эти сюжеты были никак не связаны с темой моей диссертации! В какой-то момент мне показалось, что я не вытяну две такие разные проблематики, видимо, надо бросать работу над диссертацией по чтению и писать что-то по материалам тех исследований, которыми я так интенсивно занималась. С этой мыслью я предприняла очередную поездку в Москву, по сути, собираясь бросить аспирантуру. Но в этот момент Геннадий Семенович снова сказал какие-то невероятно правильные, необходимые слова... Он совсем не стал меня ругать, но вместо этого сказал, что ведь большая часть работы сделана, надо просто сконцентрироваться и закончить. И я поняла: если брошу сейчас, мне перед ним будет настолько невыносимо стыдно, что я просто не могу такого допустить.

Вернувшись, подумала, где я могу найти какие-то источники времени, потому что загруженность моя тогда действительно была близкой к биологическому максимуму. И я нашла решение: совершенно исключила из своей жизни все медиа (тогда это были всего лишь газеты и телевидение, но и события происходили чрезвычайно значительные, и я чувствовала себя вовлеченной в судьбы Родины). Но тут я приняла решение, что судьбы Родины, пожалуй, подождут, а лучше я максимально сосредоточусь на диссертации и посвящу ей все время, не занятое основной работой.

И это сработало: я представила текст не то чтобы совсем вовремя, но на излете срока аспирантуры, потом еще около года ушло на его шлифовку и всякие организационные процедуры (тем временем я стала выезжать за границу и выступать на международных конференциях, но работу над завершением диссертации уже из рук не выпускала). В самом конце 1994 г. я вышла на защиту.

Два важных для твоей профессиональной жизни человека — Кларк и Батыгин — сосуществовали в параллельных мирах или как-то пересекались? Как в целом Геннадий Семенович относился к развитию твоего интереса к проблемам занятости, неравенства, производственных отношений и т. п.?

Ох, это непростая тема. Геннадий Семенович и Саймон были знакомы, но относились друг к другу неважно. Все дело было в программе TEMPUS, в которую включился Институт социологии. Я не могу точно сказать, как это было оформлено, но Уорвикский университет, где работал Саймон Кларк, стал в рамках этой программы партнерским университетом для Института социологии, а Саймон стал руководителем этого проекта с уорвикской стороны. Геннадий

Семенович должен был стать куратором проекта со стороны нашего Института, но они не нашли с Саймоном общий язык. Я не знаю точно, что там пошло не так, но они были оба классные — и совершенно разные по стилю, взглядам, темпераменту, при этом оба, что называется, сильные лидеры, ну и имели, видимо, разные взгляды на развитие проекта.

Роль Саймона в этом раскладе была более важной, в конце концов, Уорвикский университет должен был стать ресурсным для переподготовки социологических кадров, которые предлагал Институт социологии, а не наоборот, да и деньги были европейские. Поэтому, раз симфонии не получилось, поменяли в итоге куратора именно с российской стороны, за этот проект стал отвечать лично Владимир Александрович Ядов.

С тех пор Саймон и Геннадий Семенович, насколько я знаю, не пересекались, но остались не лучшего мнения друг о друге. О том, что я неожиданно являюсь связующим их звеном, я узнала случайно, когда на третьем уже, кажется, году обучения Саймон рассеянно спросил, какая у меня, собственно говоря, аспирантура и кто научный руководитель, — и сделал большие глаза...

А с Геннадием Семеновичем я содержание своих проектов долго не обсуждала — просто не находила уместным тратить его время на рассказы о своей жизни в тех ее частях, которые не были связаны непосредственно с диссертацией. Он знал, что я работаю, что эта работа связана с индустриальной социологией и трудовыми отношениями, ну и этого хватало для формата профессионального общения.

Когда вся эта ситуация открылась, никто из них совершенно не стал относиться ко мне хуже. TEMPUS развивался своим путем, Геннадий Семенович потом съездил на стажировку, но не в Уорвик, а во второй партнерский университет этого проекта — Манчестер. Я тогда стажировалась в Ланкастерском университете, уже не в рамках TEMPUS'а, у меня был свой проект, и приезжала оттуда к нему в гости. Ко всей этой ситуации с Саймоном он относился с юмором и говорил, что они с Кларком — как булгаковские Иешуа и Понтий Пилат: «помянут одного — помянут и другого».

Когда возникла гендерная повестка? Статья «Карьера женщины в индустрии» [8] писалась автономно от Батыгина? Консультировалась ли ты с ним, делилась находками в полях? Обиходно считается (даже не скажу с ходу кем), что Батыгин сторонился гендерной проблематики, считал ее незначимой, неуместной. Но, по мне, это вовсе не так. Интересно было бы услышать аргументы в подтверждение или опровержение моего убеждения.

С гендерной повесткой получилось интересно. С одной стороны, она выросла из моих занятий социологией трудовых отношений, и тут решающую роль сыграл как раз Саймон. Он очень хотел, чтобы кто-ни-

будь из нашей исследовательской сети, которая к этому времени уже превратилась в межрегиональный независимый научный «Институт сравнительных исследований трудовых отношений» — ИСИТО, стал заниматься гендерной проблематикой. Она тогда казалась нам малопонятной по своему предмету: мысль, что гендерные отношения как-то переплетаются с трудовыми, даже на уровне микропрактик, была для нас, российских социологов, совершенно экзотической. Но вот почему именно я стала тем человеком, который откликнулся на этот призыв Саймона: в ходе работы над диссертацией — а я шерстила всю библиографию, до которой только могла добраться, — я наткнулась и на несколько феминистских работ, из которых выяснила, что даже восприятие одних и тех же текстов мужчинами и женщинами часто различается, ну, кто бы мог подумать!

Эти работы были написаны непривычным языком, были ангажированы и не скрывали этого, не то чтобы они мне понравились — но они меня, что называется, зацепили. Мой поворот к гендерным исследованиям и феминизму был, таким образом, следствием не осознания своего неравноправного положения, а интеллектуального любопытства. Этим любопытством я поделилась с Геннадием Семеновичем, и он честно ответил, что эта тема ему совсем не нравится. Я его услышала, но в любом случае не собиралась эту тему особо развивать в рамках диссертации, которая была о другом и уже на три четверти написана.

Но все же я думала об этих сюжетах и, когда представилась возможность, стала заниматься ими с большим интересом. С Геннадием Семеновичем я эту часть моей научной деятельности не обсуждала, но и не скрывала, конечно. Впоследствии в созданном им «Социологическом журнале» вышло несколько моих статей, касающихся гендерной тематики, сам он предложил мне написать для журнала рецензию на “Transformations of Intimacy” Гиденса, еще не переведенную тогда на русский [5]. А еще через несколько лет под его научным руководством успешно защитилась моя подруга Ирина Аристархова, чья диссертация была полностью посвящена психоаналитическому феминизму [1].

Таким образом, хотя эта тема была явно «не его», он никак ее изучению не препятствовал, более того, всячески поддерживал серьезные изыскания в том числе и в этом направлении.

Я в круг Батыгина вошел в нулевые. И тогда меня поразило его стремление создать общее пространство, соединить между собой людей, которые приходили изначально исключительно к нему. Он буквально связывал нас в некоторую единую сеть, пусть разных, себе на уме, но, как потом оказывалось, во многом близких, разделяющих общие ценности. Этому способствовали личные встречи, методологический семинар, продолжительные разговоры за чаем, в которые

включался любой, заходивший изначально по своим делам. В нулевых я жил в батыгинском коммуникативном пространстве. В свою очередь, в рассказах людей, знавших его задолго до того (в частности, в интервью с Геворком Погосяном), упоминалось о его удивительной способности дружить, приглашать к себе в гости, вникать во все заботы собеседника, поддерживать, находить решения. Да, этого было в избытке и у нас, но если в целом различать 1980-е и, скажем, 2000-е, то в 1980-е это были личные связи и кухонные застолья, а у нас в 2000-е реализовывался какой-то особенный институциональный проект, непохожий ни на что виденное мной ранее. А как обстояли дела в 1990-е, какая форма общения преобладала — кухонная или секторальная? А может, было что-то иное?

Наверное, это было что-то промежуточное. Я была у Геннадия Семеновича дома на проспекте Вернадского, но нам обоим гораздо удобнее было встречаться в Институте. Сектор потихоньку эволюционировал в базу для редакции замечательного «Социологического журнала» (и я очень горжусь тем, что моя статья про феномен бестселлеров была опубликована в самом первом его номере [6]), но на всех фазах и стадиях я приходила туда как в очень теплое, родное место — и одновременно «место силы». И действительно, именно в секторе, а потом в редакции я познакомилась с такими яркими, блестящими и совершенно разными учеными, как Инна Девятко, Александр Филиппов, Михаил Черныш, написавший мне отзыв на автореферат, и многими другими — долго перечислять. Марина Пугачева и Олег Оберемко стали в результате моими близкими друзьями на долгие годы, у Марины я потом уже останавливалась иногда, когда приезжала в Москву.

Постепенно, уже после защиты, моя жизнь стала все больше связана с Институтом социологии — я жила еще преимущественно в Самаре, но уже приезжала каждый год преподавать на знаменитых институтских Курсах социологического образования, которые администрировал Сергей Кухтерин. В перерывах между лекциями я почти всегда бежала на четвертый этаж, в сектор/редакцию — отдохнуть морально, получить поддержку: преподавание мне, как интроверту, давалось нелегко. (Я, конечно, ничего такого не обсуждала там, на четвертом, но от самой атмосферы мне становилось легче.) Там же я пила чай, подкармливалась — Геннадий Семенович иногда радостно объявлял: «Сегодня у нас торт, будем жрать!»

Помню один эпизод. В одной из групп моего курса был очень яркий слушатель — Артем Рыкун, молодой доцент из Томска. Предметом его основных интересов была социологическая теория, и как-то, поднявшись, я встретила его в секторе. Они с Геннадием Семеновичем придумывали ему тему докторской диссертации, очень вдохновенно перебрасываясь идеями, и уже у меня на глазах родился практически план работы, осталось сесть и написать. Я пила чай и с удовольстви-

ем за ними наблюдала, потом перерыв закончился, и мы с Артемом Рыкуном вместе пошли на первый этаж, на занятия. Я уверена была, что он докторант Геннадия Семеновича, и спросила его, когда они познакомились. Он смущенно ответил, что вот прямо сейчас: он просто зашел, представился и попросил совета. На меня это, помнится, произвело большое впечатление.

Геннадий Семенович многими воспринимался как последовательный постпозитивист, сторонник строгой количественной процедуры. В таком ракурсе виделась его знаменитая статья с Инной Девятко [3]. Или отчетливо помню почти скандал, разразившийся на защите докторской Викторией Семеновой [4], когда Батыгин оппонировал в своей иронично-критичной, академически безупречной манере. А как ты воспринимала и воспринимаешь сейчас методологические установки Батыгина? Что критикуешь, а что принимаешь из его исследовательской программы? Изменилось ли твое отношение к его наследию за эти годы?

Это очень сложный и интересный вопрос. Действительно, многими Геннадий Семенович воспринимался как такой «хранитель устоев» классических количественных методов, и сам он, я бы сказала, подыгрывал этой репутации. Помню, как Паша Романов как-то пригласил его на свое занятие по курсу социологии менеджмента, который он читал в Центре социологического образования, — видимо, речь на нем шла о методах. На самом занятии я не была, но как раз пила чай в секторе в перерыве между своими собственными лекциями и видела, что Геннадий Семенович отправился на это занятие с огромной линейкой, которая должна была олицетворять точность и внеконтекстуальность социологического измерения... Он вообще был, говоря современным языком, мастером троллинга.

Но если рассмотреть его позицию более глубоко и серьезно, то я всегда была уверена, что он не был просто жестким сторонником каких-то методов и ниспровергателем других. Кто читал его старую работу — докторскую монографию «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» [2], — хорошо знает, что и к количественным методам он относился очень критически. Собственно, его научным интересом и, можно сказать, предметом озабоченности было само производство социологического знания, которое столь легко может быть искусственно сконструировано и тем самым профанировано. Это огромная уязвимость всех социальных наук, но социологии особенно. Что мы изучаем, какие шкалы применяем, что стоит за методическими решениями? Все мы, кто имеет опыт работы в профессии, знаем, насколько это все сложные, уязвимые процедуры, как легко впасть в самообман.

Когда была опубликована его знаменитая (позволю себе еще раз вторжение современного сленга) «хайповая» статья, написанная в со-

авторстве с И. Девятко, качественные методы только начали приживаться в российской социологии, их, что называется, пробовали на вкус. Это было очень сложное, непривычное занятие — делать эти исследования на достойном уровне, не теряя методологической обоснованности, соотнося свои шаги с совсем новой для нас теорией. (Я прекрасно знаю, о чем говорю, потому что команда ИСИТО, где я тогда работала, была одним из первых исследовательских центров в России, который начал широко практиковать качественные методы.)

И вот в этой ситуации существовал большой риск произвольного их применения, нерелевантного смешения с устной историей, да и просто с чем-то вроде журналистики, когда публиковались обширные отрывки какого-то яркого интервью (а бывают невероятно яркие) с притянутыми за уши комментариями, которые призваны были продемонстрировать знакомство автора с какой-то модной теорией. Мне казалось тогда и кажется теперь, что беспокойство Геннадия Семеновича, скорее, было связано с тем, что эту, на самом деле очень сложную, методологию исследования достаточно легко имитировать, и именно против этого он боролся. Хотя не могу сказать, что я всегда была согласна с направленностью его критики на конкретных авторов, и упомянутая тобой защита — это как раз тот случай, когда я согласиться не могу.

Но что осталось со мной на всем моем профессиональном пути: всегда стараться проверять себя на обоснованность выводов, не увлекаться, не допускать произвольных толкований и натяжек. Так что в каком-то смысле та самая большая линейка всегда внутри меня, только не в смысле выбора количественных стратегий исследования, а в смысле соотнесения своих соображений с эмпирической реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристархова И.Л.* Концепция женской идентичности в современном французском психоанализе: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. — 145 с.
2. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с. EDN: YTNMKT
3. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: TZKHOJ
4. *Семенова В.В.* Эвристический потенциал качественной методологии в современной российской социологии: дис. ... д. социол. наук: 22.00.01. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. — 272 с. EDN: QDIHZZ
5. *Тартаковская И.Н.* [Рец.] Э. Гидденс. Трансформация интимности // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 214–219. EDN: UANBER
6. *Тартаковская И.Н.* Феномен бестселлеров и массовая культура, обзор исследований по социологии чтения // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 176–181. EDN: TYSQTD

7. *Тартаковская И.Н.* Влияние социокультурной дифференциации на читательские предпочтения: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. М.: Российский ин-т культурологии, 1994. — 169 с.
8. *Тартаковская И.Н.* Карьера женщины в индустрии // *Человеческие ресурсы*. 1998. № 2. С. 37–39. EDN: MNWRDA

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, сектор исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 128-86-18. **Электронная почта:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; директор, Научно-исследовательский центр полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Дата поступления: 02.07.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 3. P. 109–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6

Research Article

IRINA N. TARTAKOVSKAYA¹, DMITRY M. ROGOZIN^{1,2}

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA).

82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

“BATYGIN’S LESSON STUCK WITH ME ON MY PROFESSIONAL PATH — ALWAYS CHECK YOURSELF TO MAKE SURE YOUR CONCLUSIONS CAN BE SUBSTANTIATED”

Abstract. The interview is dedicated to the memories about the professional and pedagogical activities of the outstanding Russian sociologist G.S. Batygin (1951–2003). Emphasis is placed on the specifics of his scientific method, associated with intensive critical reflection on various methodological approaches in social theory and empirical research, and his position in relation to certain areas of sociology is analyzed. The interview describes the professional style of G.S. Batygin as a teacher and supervisor.

Keywords: G.S. Batygin; Institute of Sociology; sociology of reading; qualitative and quantitative methodology; gender studies; community of sociologists.

For citation: Tartakovskaya, I.N. “Batygin’s Lesson Stuck with me on my Professional Path — Always Check Yourself to Make Sure your Conclusions can be Substantiated”. Interview prepared by D.M. Rogozin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 109–122. 10.19181/socjour.2023.29.3.6

REFERENCES

1. Aristarkhova I.L. *Kontseptsiya zhenskoi identichnosti v sovremennom frantsuzskom psikhologii: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.01.* [The concept of female identity in modern French psychoanalysis: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.01.] Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 1998. 145 p. (In Russ.)
2. Batygin G.S. *Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoi sotsiologii.* [Substantiation of scientific conclusion in applied sociology.] Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1986. 272 p. (In Russ.)
3. Batygin G.S., Devyatko I.F. The myth of “qualitative sociology”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
4. Semenova V.V. *Evristsicheskii potentsial kachestvennoi metodologii v sovremennoi rossiiskoi sotsiologii: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.01.* [Heuristic potential of qualitative methodology in modern Russian sociology: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.01.] Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 2000. 272 p. (In Russ.)
5. Tartakovskaya I.N. [Rev.] A. Giddens. Transformation of intimacy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1995. No. 4. P. 214–219. (In Russ.)
6. Tartakovskaya I.N. The Phenomenon of Bestsellers and Mass Culture, a Review of Research in the Sociology of Reading. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1994. No. 1. P. 176–181. (In Russ.)
7. Tartakovskaya I.N. *Vliyanie sotsiokul'turnoi differentsiatsii na chitatel'skie predpochteniya: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.06.* [Influence of sociocultural differentiation on reader's preferences: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.06.] Moscow: Rossiiskii in-t kul'turologii publ., 1994. 169 p. (In Russ.)
8. Tartakovskaya I.N. Woman's career in the industry. *Chelovecheskie resursy.* 1998. No. 2. P. 37–39. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Tartakovskaya — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (499) 128-86-18. **Email:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Field Research Center, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

Phone: +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Received: 02.07.2023.

К 85-летию Г.Е. Зборовского

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» поздравляют известного российского социолога, нашего многолетнего автора, профессора Гарольда Ефимовича Зборовского с 85-летием, желают ему здоровья и успехов в научной и образовательной деятельности.

Б.З. ДОКТОРОВ¹

¹ Независимый исследователь.
Foster-City, USA.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЧУВСТВУЕТ, ЦЕНИТ И ИЗУЧАЕТ ВРЕМЯ. ПРОФЕССОРУ Г.Е. ЗБОРОВСКОМУ — 85 ЛЕТ

Аннотация. В связи с 85-летием профессора Уральского федерального университета Г.Е. Зборовского предпринимается попытка подытожить сделанное им за долгие годы работы во многих областях советской/российской социологии. Но юбилей — не единственный повод для поздравления Зборовского; второй повод — выход в свет его 750-страничной книги «Избранное: 1972–2022». Этот труд интересен не только тем, что позволяет понять — и удивиться — сделанное юбиляром за полвека. Одновременно эта книга служит введением в историю становления и развития нашей науки и своеобразной автобиографией человека, чувствующего, ценящего и изучающего Время.

Ключевые слова: Г.Е. Зборовский; «Избранное»; социология; время; образование; история социологии.

Для цитирования: Докторов Б.З. Человек, который чувствует, ценит и изучает Время. Профессору Г.Е. Зборовскому — 85 лет // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 123–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.7 EDN: QNSKKI

Профессор Уральского федерального университета Гарольд Ефимович Зборовский обладает широким набором ученых степеней, научных и почетных званий, существующих в российской науке. Он — автор учебников и монографий по различным направлениям социологии и член редколлегии ведущих профессиональных журналов. За шесть десятилетий работы в социологии под его руководством выполнены сотни дипломных проектов по всем аспектам и разделам нашей науки, десятки его учеников стали кандидатами и докторами наук, возглавляют социологические кафедры и факультеты ряда отечественных университетов. Можно смело утверждать существование научной школы профессора Зборовского, характерными чертами которой являются спокойное, академическое рассмотрение исследуемого феномена и стремление к выработке практико-ориентированных предложений. Нашу беседу с ним, состоявшуюся десять лет назад, Г.Е. Зборовский озаглавил: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором», — добавлю: целенаправленно и скрупулезно разрабатывающим историко-методологическую, теоретическую и методико-эмпирическую проблематику социологии. Все это, а также его желание найти ответы на вызовы науки трансформируется в живой урок многочисленным ученикам: «Делай как я». Зная некоторых из учеников Зборовского, давно ставших известными профессионалами, могу утверждать, что они стараются следовать этому призыву.

Мои заметки носят личный характер, но знание сделанного Зборовским и уже десятилетний опыт общения с ним дают мне право написать о нем, поздравить с юбилеем и пожелать ему всего доброго.

Наши отношения со Зборовским имеют давнюю историю и необычную траекторию. В начале 1968 г. А.Г. Здравомыслов пригласил меня, математика, в свою социологическую группу при кафедре марксистско-ленинской социологии Ленинградской Высшей партийной школы. Моя задача заключалась в обеспечении математической обработки самофотографии рабочего и свободного времени партийных работников. Мне думается, что это исследование бюджета времени — одно из крупнейших в СССР и, наверное, самое закрытое и малоизвестное. Достаточно сказать, что в 1969 г. Здравомыслов издал книгу «Методология и процедура социологических исследований», в которой была небольшая таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Оказалось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в 1930-е гг. Здравомыслову предложили сдать все материалы социологической группы ЛВПШ, и он был отстранен от этого исследования. Поскольку все его участники давали расписку о неразглашении информации, я не участвовал ни в каких сборниках по анализу времени и соответствующих научных конференциях. С начала 1970-х до се-

редины 1980-х под руководством Б.М. Фирсова была проведена серия масс-коммуникационных исследований, в том числе международных (Венгрия, Финляндия). Моим направлением работы было измерение затрат времени на потребление телевизионной информации.

Естественно, занимаясь новой для меня темой — социологическими исследованиями времени, я активно знакомился с работами советских социологов по этой проблематике. Так уже на рубеже 1960-х — 1970-х я встретился с публикациями Г.Е. Зборовского, который еще в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по социологии досуга. Позже я идентифицировал себя как исследователя массовой коммуникации и потому читал публикации Зборовского по анализу свободного времени.

Наше личное знакомство состоялось лишь в 2008 г. в Москве на III Конгрессе российских социологов. Свидетелем той встречи является книга «Л.Н. Коган: Феномен многогранной творческой личности», подаренная мне Зборовским. В то время неспешно начинался процесс моего интервьюирования российских социологов, я уже знал, что Зборовский — не только аналитик социальных аспектов времени, но и историк социологии, однако никакого разговора в шумно-возбужденной обстановке форума между нами не было. В основном я продолжал беседы с давно знакомыми мне социологами Ленинграда и Москвы и не был уверен в том, что процесс интервьюирования продолжится еще много лет и охватит социологов разных поколений и нескольких регионов.

Наконец в начале 2013 г., узнав, что тюменский профессор социологии Юлия Беспалова вскоре будет на какой-то конференции в Екатеринбурге, я попросил ее передать Зборовскому мое письмо с предложением «поговорить» и немного рассказать ему о процедуре интервью. К сожалению, я не нашел этого письма в своем архиве, но сохранился ответ Зборовского на него (21 марта 2013 г.):

«Дорогой Борис Зусманович, с удовольствием отвечаю на Ваше письмо, охотно готов вступить с Вами в переписку и дать Вам интервью. Я внимательно слежу за Вашими работами, читаю какие-то из них (к сожалению, не все — из-за нехватки времени и самих работ, о которых узнаю из Интернета). Конечно же, знаю и читал Ваш анализ многих интервью. Осмелюсь посоветовать Вам посмотреть (хотя, возможно, Вы и видели его) интервью со мной В. Козловского в “Журнале социологии и соц. антропологии” (2003, № 4) в рамках рубрики “Социология: профессия и призвание” (по-моему, номер выложен в Интернете). Там я довольно подробно говорю о своей жизни и работе. Это — как бы для “затравки”, чтобы Вы обо мне предварительно что-то узнали...» Я не торопился смотреть интервью Козловскому, чтобы чувствовать себя свободнее в начале беседы со

Зборовским, вскоре мы перешли к «американской» (без отчества) практике общения и к «ты» вместо «Вы». Это сделало проведение интервью более комфортным, и уже 30 апреля я писал, обращаясь к Зборовскому: «Гарольд, наши энергетика и включенность в дело очень близки... работа идет...» В итоге мы не только провели два интервью — для питерского журнала «Телескоп» и сборника, выпущенного в Екатеринбурге к 75-летию Зборовского, но наши беседы через океан дали толчок — редкий случай — стремительно возникшей поздней дружбе, не зная друг друга, мы как бы шли к ней. В конце октября все того же года я по приглашению Зборовского провел неделю в Екатеринбурге, в котором ранее не был. К встрече со студентами была опубликована под редакцией и с предисловием Г.Е. Зборовского моя книга «Лекции по истории изучения общественного мнения».

Потом еще были совместные научные акции, но сейчас назову лишь две. Во-первых, совместно подготовленная и вышедшая в Екатеринбурге книга «Социология на Урале. Второе рождение и путь в XXI век» (2015 г.) и, во-вторых, книга-интервью Зборовского, озаглавленная им «Роман с социологией длиной более полувека» (2018 г.) [1]. Это результат нашей длительной и откровенной беседы о прожитом и сделанном, абсолютно законный жанр повествования в преддверии 80-летия Зборовского.

Окончился разговор, и, завершая послесловие книги, я отметил, что это роман — о жизни его главного героя в социологии и о месте социологии в его жизни. Такой баланс внешнего и внутреннего случается нечасто — это счастье профессионала и радость человека. И следовательно, более чем полувековой роман Гарольда Зборовского с социологией — счастливый роман.

Напомню, мое вхождение в социологию начиналось с анализа временных затрат, и тогда я познакомился с работами неизвестного мне свердловского ученого Г.Е. Зборовского по проблемам изучения поведения человека во времени. И хотя позже я узнал, что предметная область его научных поисков значительно шире, в памяти всегда существовала связка «Зборовский — это Время». В рамках историко-социологических поисков я почти два десятилетия исхожу из положения о биографичности социологического творчества. Эта концепция не универсальна, многое детерминирует деятельность социолога, но учет принципа «биографичности» помогает многое узнать и понять в его профессиональном движении, возможно, даже в судьбе. Какова же была моя исследовательская радость, когда уже в самом начале рассказа Зборовского о его романе с социологией он сообщил: «Мои школы — общеобразовательная и музыкальная, а потом и музучилище — как правило, находились далеко друг от друга, что усложняло и без того непростую жизнь. А ведь, помимо уроков в них, нужно было

дома играть на скрипке часа по 2—3 в день и еще выполнять школьные домашние задания. Пишу обо всем этом, вспоминаю и думаю: неужели сейчас я выдержал бы такой напряженный ритм? Была же еще масса и других интересов: книги (которые я безумно любил и поглощал их залпом), баскетбол (за который мне изрядно доставалось от родителей и от педагогов по скрипке, руки-то грубели от мяча), шахматные турниры, из которых я не вылезал (в десятом классе у меня был первый разряд, что по тем временам встречалось нечасто)...» [1, с. 15].

Через несколько страниц «романа» Зборовский вспоминает свой первый разговор с заведующим кафедрой социологии Г.П. Орловым, который состоялся в начале ноября 1963 г. Орлов вернулся из Москвы, где встречался с М.Т. Иовчуком, и тот просил его найти «парня», знающего языки, чтобы разобраться с построениями «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье» в области социологии досуга. И далее процитирую Зборовского: «По существу, я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно». Другими словами, Зборовский — с его знаниями и установками — оказался нужным парнем в нужном месте и в нужное время [1, с. 45].

Трудно собрать рассыпанные внутри романа замечания, рассуждения и воспоминания «романиста» о его отношении ко времени и его погруженности в изучение времени. Но все же ряд небольших фрагментов текста приведу в качестве иллюстрации сказанного: «Проблема времени никогда не оставляла меня в покое», «Я не мог рассматривать время как нечто “холодное” и абстрактное <... > Я сам жил не просто во времени, а временем», «...мог практически безошибочно, не глядя на часы, определять время днем с точностью до 10, иногда даже 5 минут», «С этим биолого-физиологическим свойством оказалась тесно связана социокультурная характеристика моего отношения ко времени — стремление к его максимально рациональному использованию», «Когда я начал серьезно изучать проблемы времени в истории социальной мысли, а затем и в современной статистике, экономической и социологической науке, я стал регулярно заниматься самофотографией недельного бюджета времени, подвергать его аналитическому разбору...», «...после некоторого перерыва произошел возврат к проблемам времени. Я не могу этот период определить как особый этап исследования проблемы времени. Скорее это было “межэтапье”, если можно ввести такой термин...», «Сейчас у меня складывается такое ощущение, что я как будто предвидел приближение, а затем и наступление этого нового этапа исследования времени, которое действительно произошло после 2010 г.»

Все сказанное объясняет справедливость утверждения, вынесенного в заголовок этого текста. Действительно, Г.Е. Зборовский — человек, остро чувствующий физическое течение времени, понимающий

его общественную и личную ценность, уже многие десятилетия изучающий темпоральную тематику во многих ее проявлениях.

Наиболее полно и ярко сделанное Зборовским в этой и других областях социологии представлено на сегодняшний день в его итоговом 750-страничном труде с выразительным названием «Избранное» [2]. Я с радостью откликнулся на предложение автора написать краткое предисловие к этой книге и сейчас воспользуюсь проделанной работой.

Прежде всего, «Избранное» — это интереснейший рассказ человека не только о своей жизни в науке, но это книга по истории советской/российской социологии, которую (историю) он изучал и вместе со многими формировал. Сейчас им завершена большая и весьма непростая работа. Он вспомнил и перечитал опубликованное, отобрал для включения в «Избранное» самое, с его точки зрения, серьезное, заслуживающее внимания российских исследователей. Еще не видя книгу, но зная из регулярной переписки с Гарольдом Зборовским ее структуру, я понял, что это собрание опубликованных за годы и годы работ никак не может быть формальным протоколом, отчетом о сделанном. Здесь представлены статьи и фрагменты монографий — от тех, что увидели свет в начале 1970-х, до публикаций 2022 г. Но это не просто коллекция работ одного автора, это социологические свидетельства разных социальных эпох и своего рода автопортреты, выполненные в разные периоды жизни.

Стартовые работы Зборовского отражают этап активного становления в послевоенной советской социологии, время поисков молодыми философами, историками, экономистами, новым поколением партийных работников места социологии в комплексе обществоведческих наук. Сегодняшние 2020-е — откат от направлений развития страны, заданных перестройкой и рядом ельцинских реформ, свертывание либеральных поисков в экономике, философии и культуре, ослабление разных форм научного сотрудничества с зарубежными коллегами. Здесь же — такие пока неотрефлексированные характеристики макрофона, как глобальная коронавирусная пандемия и приобретающая глобальное значение специальная военная операция на Украине.

Представленные в «Избранном» работы сгруппированы в девять тематических, предметных разделов, которые, несмотря на их высокую специфичность, крепко связаны между собой во временном и содержательном отношениях. И в этом просматривается одна из главнейших черт научного творчества Зборовского — не отход от старых исследовательских ниш и переход в новые, а расширение уже освоенных областей и поиск их единства.

Путеводителем по книге является раздел «Предметное поле и взаимосвязь отраслей социологии», рассматривающий общую проблему единства, целостности пространства социологических поисков сквозь

призму многолетних исследований Зборовским досуга и культуры, образования и знания, а также изучения откликов социологии управления на новые общественные вызовы.

Логический центр «Избранного» — три кластера публикаций Зборовского по темпоральной тематике: «Социология времени», «Высшее образование и его нелинейная модель» и «Время и социальные общности в социологии». Здесь есть все: философия и социология времени, теория и история, анализ поведения различных социальных общностей во времени и попытки увидеть будущее.

Есть блок публикаций, которые условно можно назвать социолого-публицистическими, это академические статьи по тематике, в известной мере относящейся к социологии власти. В них видна острая озабоченность автора, вызванная характером развития ряда социальных процессов в регионах России и в стране в целом.

В начале мая 2023 г., зная, что к своему 85-летию Зборовский завершает работу над «Избранным», я написал ему: «В октябре 2013 г. В.А. Ядов прислал мне очень личное письмо, в котором подытожил прожитое и сделанное. Он понимал, что я опубликую его. Это и было сделано в книге о нем. Приведу один из итогов ядовских размышлений: «Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно, счастлив с друзьями-единомышленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами, счастлив с коллегами по работе...» В начале 2001 г. в одном из интервью давно известной ему журналистке Б.А. Грушин говорил об ощущении невосребованности и ненужности им сделанного и заметил, что его жизнь была бурной, но несостоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась». И я попросил Гарольда Ефимовича определить свое место на этой шкале «оптимизма — пессимизма».

Приведу в несколько сокращенной форме его ответ: «Дело непростое — прежде всего в силу его многоаспектности. Отсюда трудность, даже невозможность (для меня лично) однозначно определить свое место на предложенной шкале. Самоощущение и самооценка включают в себя много составных элементов, главными среди которых у Ядова выступает ощущение счастья, у Грушина — удовлетворенности результатами деятельности. Скорее всего, я был бы близок к оценке Льва Наумовича Когана, который на схожий с поставленным вопрос (отмечалось его 70-летие) дал очень лаконичный, но вместе с тем очень емкий ответ: “Я жил”. И в нем — все богатство того феномена, который содержательно определяется как “жизнь человека”, человека творческого». И далее: «...через всю свою жизнь в социологии (а это 60 лет с осени 1963 г., когда я начал в ней работать, до сегодняшнего апрельского дня 2023 г., когда отвечаю на вопрос интервьюера) пронес интерес, а в моем широком понимании — и любовь к ней. Внутренне

я очень горжусь тем, что никогда не изменял ей ни в мыслях, ни на деле. Даже в самые тяжелые моменты жизни».

Дорогой Гарольд, пожелаю тебе, чтобы и в дальнейшем твоя любовь с социологией была взаимной и продуктивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зборовский Г.Е.* Роман с социологией длиной более полувека. Беседы Бориса Доктора с Гарольдом Зборовским. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. — 333 с. EDN: XZVBUL
2. *Зборовский Г.Е.* Избранное: 1972–2022. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2023. — 749 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Дата поступления: 15.08.2023.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 3. P. 123–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.7

Personality

BORIS Z. DOKTOROV¹

¹ Independent researcher.

Foster City, California, USA.

A PERSON THAT FEELS, VALUES AND STUDIES TIME.

PROFESSOR GAROLD E. ZBOROVSKY IS 85 YEARS OLD

Abstract. In light of the 85th birthday of Professor of the Ural Federal University Garold E. Zborovsky, I attempt to summarize what he has done over many years of work in various fields of Soviet/Russian sociology. But this birthday is not the only reason for congratulating Zborovsky; the second reason is the publication of his 750-page book “Selected works: 1972–2022”. This work is interesting not only because it allows you to understand — and be surprised by — what Zborovsky has done in half a century. At the same time, this book serves as an introduction to the history of the formation and development of our scientific field and a sort of autobiography of a person who feels, values and studies time.

Keyword: Garold E. Zborovsky; “Selected works”; sociology; time; education; history of sociology.

For citation: Doktorov, B.Z. A Person that Feels, Values, and Studies Time. Professor Garold E. Zborovsky is 85 years old. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 123–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.7

REFERENCES

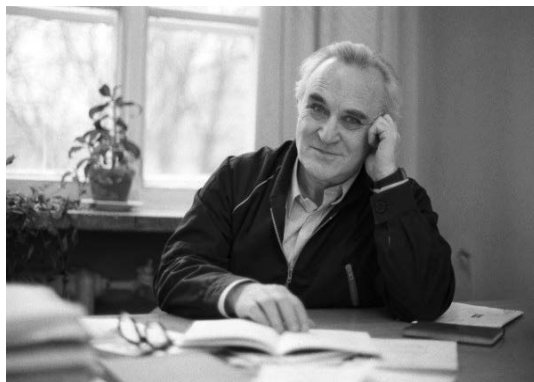
1. Zborovsky G.E. *Roman s sotsiologii dlinoyu bolee poluveka. Besedy Borisa Doktorova s Garol'dom Zborovskim.* [Romance with sociology for more than half a century. Conversations between Boris Doktorov and Harold Zborovsky.] Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet publ., 2018. 333 p. (In Russ.)
2. Zborovsky G.E. *Izbrannoe: 1972–2022.* [Selected: 1972–2022.] Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet publ., 2023. 749 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

Received: 15.08.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8
EDN: RUMBPA

*Я.У. АСТАФЬЕВ¹, Е.Д. ВОЗНЕСЕНСКАЯ²,
О.Ф. ФИРСОВА³*

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 1.

² Независимый исследователь.
Москва.

³ Независимый исследователь.
Хеерлен. Нидерланды.

ВСПОМИНАЯ СЕГОДНЯ ВЛАДИМИРА ШУБКИНА

Аннотация. Публикуются воспоминания сотрудников и учеников одного из основоположников советской социологии В.Н. Шубкина (1923–2010), инициировавшего в 1960-х гг. лонгитюдные исследования процессов перехода молодежи от образования к труду. Обсуждаются взгляды ученого на социологическую теорию, методологию социального знания. Рассказывается о взаимоотношениях исследователя с учениками, коллегами, представителями власти.

Ключевые слова: В.Н. Шубкин; советская социология; социологическая теория; молодежь; образование; трудоустройство.

Для цитирования: Астафьев Я.У., Вознесенская Е.Д., Фирсова О.Ф. Вспоминая сегодня Владимира Шубкина // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8 EDN: RUMBPA

Янис Астафьев, кандидат социологических наук.

Вообще говоря, интересное было поколение, к которому принадлежал Владимир Николаевич Шубкин. Эти люди нам многое недого-

варивали — и про сталинский ГУЛАГ, и про то, как в советское время строились отношения с заказчиками исследований, они же власти предрешающие. Но по сравнению с поколением тех, кто родился еще до революции, это были свободные, полностью дееспособные и целиком раскрепощенные люди. По контрасту, хорошо помню своего деда 1899 года рождения. Его отца (моего прадеда) расстреляли в 1918-м как полковника Царской армии. Родным даже не сообщили место захоронения, выдали только его портсигар. (Все-таки даже среди чекистов попадались совестливые люди!) Так вот, мой дед всю свою жизнь ставил выключатели верхнего света не возле дверей, как все обычные люди, а в глубине комнаты, чтобы вошедшие с обыском не смогли тут же осветить помещение. Мой дед всю свою жизнь молчал, ничего не рассказывал и ничему не верил. Ни хрущевским, ни горбачевским реформам. Он всего навидался и внутренне, полагаю, был всегда готов к самому худшему.

Поколение Шубкина, конечно, тоже испытало на себе «советский каток», но было куда свободнее. Помню его разговоры о репрессированном отце, рассказы о стычках с советскими функционерами, вмешавшимися в проведение исследований, публикации текстов. Но в то же время у них не было ощущения тупика, свойственного нашему поколению в те годы. Они были, что называется, «на коне», умели управлять ситуацией, знали, к кому можно обратиться, чтобы провести опрос, опубликовать статью, «продать» монографию. Характерна позиция властей того времени в изложении Владимира Николаевича: при всей прочности марксистской доктрины и главенстве КПСС многие их представители понимали, что есть иная, полная правда о жизни советского народа, не укладывающаяся в схемы.

В этом плане Шубкин был одним из апологетов этой правды. Он всегда настаивал на том, что главным в науке является факт, добытый в полевом исследовании, а не теоретические рассуждения, пусть даже в их основе лежит самая верная, все объясняющая доктрина.

Я, собственно, пришел к Шубкину, чтобы сделать диссертацию. До этого успел поработать в секторе социологических исследований Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) под руководством Алексея Левинсона. К нему я попал сразу же после окончания института, получив специальность инженер-экономист дорожного строительства (!). Конечно, ни о какой социологии — как большой сложившейся науке, а не части марксистско-ленинской доктрины — я не имел ни малейшего понятия. Познакомила меня с Левинсоном моя теща — Мариэтта Чудакова, которая его знала благодаря своим коллегам и соратникам Льву Гудкову и Борису Дубину. Левинсон был учеником и сотрудником по ИКСИ Юрия Левады, а тот, в свою очередь, — старинным близким другом Владимира Николаевича. Так через «несколько рукопожатий» я «вы-

шел» на Шубкина. В то время главным при поиске работы в наших кругах были не столько дипломы, справки и формальные характеристики, сколько личное знакомство с надлежащими людьми и их ручательство.

Левинсон обучил меня азам полевых исследований, механизмам построения выборки, создания анкеты, учета и подсчета данных. Лев Гудков (нынешний руководитель Левада-Центра), имея философское образование, привил вкус к теории, неокантианскому сомнению в «правде факта». Именно на этой почве у нас возникали некоторые эпистемологические расхождения с Владимиром Николаевичем, который в общении со мной предпочитал настаивать на фундаментальном первенстве эмпирики.

Впрочем, эти расхождения не были, как тогда говорили, ортодоксальными. Думаю, указывая в наших разговорах на первоочередную значимость эмпирических данных в сравнении с теоретическими построениями, он, как мудрый руководитель, хотел лишь скорректировать новичка, слишком зарвавшегося в своей вере в принципы и методы работы в социологической науке, привитые главным образом Гудковым. Сам Шубкин был не чужд теории, о чем свидетельствовала написанная им еще в 1960-е гг. книга «Социологические опыты» с характерным подзаголовком «Методологические вопросы социальных исследований» [1]. Он также обоснованно сомневался и в самой «правде факта», утверждая в нашумевшей в свое время новомирской статье «Пределы» (1978) [2], что социолог изучает среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. Вызвано это было тем, писал автор, что социология возрождалась в нашей стране как наука исключительно дискурсивная, то есть широко использующая статистические и математические методы, что, отметим в скобках, было вполне понятно и обосновано в условиях партийно-идеологического диктата. В результате советские социологи имели предметом изучения не реального субъекта, а его модель, «вагранку». Понять же человека более объемно науке могла бы помочь художественная литература методом интуитивного познания, постижения.

В связи с этим вспоминается один из любимых Шубкиным афоризмов Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя».

Эти его идеи, а также мои штудии как неокантианцев, так и некоторых западных социологов — апологетов качественных методов, а также философов-постмодернистов легли в основу моей попытки создать нечто вроде доктрины «постмодернистской социологии», в которой Владимир Николаевич тут же обнаружил свой «след» и остроумно ее раскритиковал, предложив отделять «котлеты» от «мух» и не смешивать их. Но это было уже после моего прохождения очной аспирантуры, когда я стал полноценным его сотрудником.

В аспирантуру я поступил в 1988 г., тогда еще в Институт международного рабочего движения, который в то время был одним из передовых научных заведений гуманитарного профиля СССР. В нем находили свое пристанище многие из ученых, предпочитавших мыслить и работать вне марксистско-ленинской доктрины, не «жевать идеологическую жвачку», а познавать реальный мир, описывать его адекватными методами. Здесь в разное время работали такие далекие от рабочего движения люди, как Мераб Мамардашвили, Пиама Гайденок, Александр Ахиезер, Юрий Карякин, Леонид Володарский, Виталий Вульф. Здесь же после разгона ИКСИ осел в свое время Шубкин. Формально он продолжил заниматься своим «фирменным» делом — исследованием перехода молодежи от образования к труду. Содержательно же — всем тем, что было с ним связано по принципу смежности. В частности, я начал писать диссертацию по модной тогда теме — неформальным молодежным объединениям. Владимир Николаевич совершенно не препятствовал мне в выборе тематики. Собственно, свои рекомендации он выразил одним предложением: «Имейте в виду, Янис, главное: диссертация должна состоять из трех глав, а каждая глава — из трех параграфов».

Но время шло, и к моменту окончания моей учебы в аспирантуре в 1991 г. тема, что называется, «протухла». В стране стремительно нарождались и развивались новые реалии. То, что еще вчера казалось живым и актуальным, сегодня уходило в небытие. На этом фоне Шубкин предложил мне заняться более фундаментальными вопросами — воспроизводством социального знания, к чему я имел тогда выраженную склонность. В результате мы сформулировали новую тему диссертации: «Современные тенденции развития социологии знания». Ее я написал уже будучи сотрудником Института социологии РАН и защитил в диссертационном совете В.А. Ядова в 1995 г. Надо сказать, что насколько толерантным был Владимир Николаевич в общении со своими сотрудниками, в выборе ими направлений исследования и т. д., настолько яростен и нетерпим он был в защите их штудий. Подозреваю, что он со многим был не согласен в моей диссертации, но на защите проявил себя как лев, сражающийся за свою добычу. Понятно, что даже в то время в диссертационный совет Ядова входили не только сторонники и соратники Шубкина, но и люди, которым были откровенно чужды как его взгляды, так и исследования — и самого Шубкина, и его сотрудников. Возможно, именно поэтому на защите мне кинули в корзину два черных шара (хотя не могу утверждать достоверно — диссертация была все-таки ученическая и, в отличие от исследований самого Владимира Николаевича, страдала отсутствием эмпирического материала). Но тем не менее защита состоялась, в числе официальных оппонентов у меня был Ю.А. Левада, дополнительный отзыв написал замечательный ученый Алексей Салмин. В общем, наша взяла!

Но надо сказать, что этим, к сожалению, и закончилось мое первое общение с Владимиром Николаевичем. В Институте социологии тогда платили мало (слишком мало!), мне подвернулась работа в отделе маркетинга коммерческой фирмы, и я, не без взаимного сожаления, покинул Шубкина и его сотрудников.

Владимир Николаевич очень трепетно относился к подбору сотрудников. В его подразделении случайных людей не было. Интересно отметить, что всю жизнь в его окружении преобладали женщины. Он даже повесил у себя в кабинете репродукцию картины Гойи «Марионетка» (которая до сих пор висит в комнате № 505 Института социологии на Кржижановского, 24/35, корп. 5), где изображено, как несколько женщин, держась за края покрывала, подбрасывают вверх молодого человека в парике. Шубкин говорил, что она очень хорошо характеризует его группу. Это, конечно, шутка, но в ней есть большая доля правды.

Владимир Николаевич был очень сильной личностью. Он мог нуждаться прежде всего в последователях, но не в соратниках. Его всегда сопровождали люди, которые преданно реализовывали его планы, идеи, продвигали и оформляли его проекты, постепенно обретая уверенный, самостоятельный почерк. Таков, например, путь в социологии Галины Чередниченко, верного единомышленника и соавтора Шубкина. Помню, какое впечатление на меня произвела их совместная книга «Молодежь вступает в жизнь» [3].

На моей памяти такой была и Ольга Фирсова — молодой, способный ученый, в совершенстве знавшая английский язык и переводившая для Шубкина любые тексты. Она написала диссертацию у Шубкина и вскоре уехала в Нидерланды, оставив Владимира Николаевича на меня как (якобы) знатока английского языка. Последовавшая в 1991 г. на территории одной гостиницы в московском районе Ясенево международная конференция по вопросам перехода молодежи от образования к труду, где мне пришлось излагать идеи шефа на языке международного общения, показала практически полную мою несостоятельность в этом плане. К счастью, Шубкин не только не раскритиковал меня, но и поддержал, всячески способствуя донесению его мыслей до аудитории при помощи моего английского «воляпюка».

Другой сотрудницей, помогавшей Владимиру Николаевичу в реализации его замыслов и бравшей на себя многочисленные функции по оформлению отчетов, запросов, писем, обработке результатов исследований, стала на моей памяти Вероника Иванова. Это было уже начало 2000-х гг., когда я вернулся в Институт социологии, чтобы принять участие в последнем крупном проекте Шубкина — исследовании катастрофического сознания.

Надо сказать, что сама эта тема возникла не случайно, а в связи с другим старинным другом Владимира Николаевича — Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. С ним Шубкин был знаком еще по работе в Новосибирске. Дружба у них сложилась тесная, Владимир Николаевич даже называл его в шутку «Шляп». Из Новосибирска Шляпентох перебрался вместе с Шубкиным в ИКСИ, а затем, после разгрома института, спустя какое-то время эмигрировал в США.

В середине 1990-х Владимир Эммануилович совместно с Владимиром Николаевичем инициировали международный проект изучения катастрофического сознания. Друзья поделили между собой задачи: Шляпентох с сотрудниками университета Ист-Лэнсинг (США) сосредоточился на теоретической разработке, а Шубкин занялся методической частью. В конце 1990-х по анкете Владимира Николаевича было проведено исследование по репрезентативной выборке в нескольких регионах России, затем они были повторены в Литве, Болгарии и на Украине.

Когда я вернулся в институт, Центр изучения катастрофического сознания, которым руководил Шубкин, располагал уже внушительным массивом данных. Надо сказать, что важнейшим моментом, на котором настаивали руководители исследования, была необходимость периодического их повторения с целью установления динамики изменения структуры и интенсивности страхов и тревог населения. Поскольку Вероника Иванова имела тесные связи и контакты с Фондом «Общественное мнение», было принято решение провести повторное исследование на базе последнего, что и было сделано в 2003 г. По существу, оно явилось последним проектом Шубкина. Его результаты, а также их изучение в сопоставлении с данными предыдущих опросов были главным образом изложены в коллективной монографии «Страхи и тревоги россиян» (2004) [4], в которой я также принял деятельное участие. Подробно о проекте можно прочитать в августовском номере «Социологических исследований».

И конечно, нельзя не упомянуть многолетнего соратника, соавтора и идейного преемника Шубкина — Давида Константиновского. Его Владимир Николаевич шутливо именовал «Дод», что говорило о его особенном расположении, так как прозвища Шубкин давал только самым близким людям. С Константиновским я познакомился, уже работая в Институте социологии, он присутствовал на защите моей диссертации и потом, в кулуарах, сказал мне много теплых и проникновенных слов...

Елена Вознесенская, кандидат исторических наук.

Собирал Владимир Николаевич Шубкин свою команду, мне кажется, в первую очередь из людей порядочных. Приглашал к сотрудничеству только если доверял их человеческим качествам, быть может,

даже более, чем профессиональным. Если приходила к нему еще неопытная молодежь, то вел ее в работе очень последовательно и осторожно, начиная со служебных, подсобных заданий. Часто это были только переводы иностранных трудов. Сам он иностранными языками не владел, но всегда следил за мировой социологической мыслью и был открыт к контактам с зарубежным социологическим сообществом, о чем свидетельствует весь его опыт международного сотрудничества.

Мне, тогда м.н.с., всегда приходилось подрабатывать. Давала частные уроки французского языка, реферировала польские книги для ИНИОНа или печатала на машинке — так, по-любительски. И когда Шубкин попросил меня расшифровать рукопись его отца, я взялась. Помню, Владимир Николаевич говорил, что он обязан это сделать, что это его долг. Расшифровка — очень кропотливая, но и вдохновляющая работа. Пока ты набираешь слово за словом (конечно, если не печатать профессионально, «вслепую»), вчитываешься в текст так глубоко, как никогда не получится при простом прочтении. Из рукописи я очень многое поняла про своего профессора. Он был верным сыном своего отца — русского интеллигента, высокого профессионала в своем педагогическом деле, порядочного и до безрассудства совестливого человека. Отец Владимира Николаевича был репрессирован и расстрелян. Книга вышла, она «висит» в Интернете: «Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии» [5]. Кстати, предисловие Владимира Николаевича к книге, вышедшей в 1998 г., посвященное болезненным проблемам образования в нашей стране, читается так, будто написано сегодня.

Шеф подарил мне уже вышедшую книгу с автографом: «Леночке Вознесенской — все, что могу». За этим трогательно скромным «все, что могу» — весь Шубкин. На самом деле он дал мне невероятно много: учил профессии, социологическому мышлению, учил писать, отделять зерна от плевел, поддерживал, покровительствовал.

Смелость, стойкость Шубкина и в житейском поведении, и в профессиональном во многом определяется для меня тремя его характеристиками: сибиряк; человек, прошедший всю войну через грязные окопы и тяжелые ранения; сын «врага народа». Как-то в ИМРД против него сплели интригу местные негодяи — будто он собирается эмигрировать, ведь у него жена еврейка. Услышав случайно эту чушь, я побежала к шефу — предупредить. «Я пролил за эту страну ведро крови, — был его ответ, — и никогда и никуда из нее не уеду». Этот образ — *ведро крови* — врезался мне в память.

В какой-то момент Шубкин настоял на том, чтобы я писала кандидатскую. Решили воспользоваться моим французским. И сюжеты перехода от образования к труду хорошо ложились на молодежь Франции. Во Франции я никогда не была и не могла быть — такие времена! Вся работа строилась на социологической и исторической

литературе, которую могла добыть. Работала не спеша, Владимир Николаевич не подгонял, время от времени требовал предоставить ему какой-нибудь текст по теме, статью, главу, в основном считал страницы! Критики его я не помню. Это было даже тяжело, я завидовала другим диссертантам, у которых научные руководители «зависали» над каждым абзацем. А здесь — вся ответственность на тебе! Но — на защите! Достаточно было в конференц-зале появиться Владимиру Николаевичу при полном параде, в костюме, при галстукe (может быть, даже при военных орденах, точно не помню), как Ученому совету и всем присутствующим немедленно становилось ясно: качество представляемой работы не вызывает никаких сомнений и безусловно заслуживает... Таков был авторитет этого человека, а также та невидимая нам его сложная политически-бюрократическая работа по обеспечению нужной расстановки сил на защите. Спасибо, Владимир Николаевич! Под его научным руководством мы писали и защищали свои диссертации, а нас защищал Шубкин. ОН был нашей защитой.

Не сказать, что Владимир Николаевич был человеком безупречным. Гневливость — качество, о котором он сам сокрушался вслух, при нас и всячески его искоренял в себе до последнего, однако случалось... Но поскольку мы были оповещены, то и реакция наша была адекватной, долго мы зла не держали, понимали.

Иногда, крайне редко, у него возникала потребность взяться за наведение дисциплины среди нас, видимо, в связи с какой-нибудь очередной кампанией, спущенной сверху. Однажды меня даже лишили какой-то копеечной премии. Было так обидно, что я бросилась в его кабинетик и стала выговаривать со слезами: «За что?! И так три копейки! Мы ведь так доверяем друг другу!». Оказалось, что я слишком часто пропускаю присутственные дни или слишком часто опаздываю, — сказал это шеф виновато, не глядя в глаза. Было ясно: с трудом играл роль строгого начальника. Как ему, бедолаге, было неловко, и как робко он вел себя во всей этой истории! То есть этот случай показывает, что при абсолютном неравенстве масштаба личности (где он, где я?), демократ Шубкин обеспечивал полную свободу и равноправие во взаимоотношениях — с ним можно было и «поцапаться»!

Хотелось бы также вспомнить и напомнить нам всем: Владимир Шубкин был на редкость красив! Мужской, рыцарской красотой!

Ольга Фирсова, кандидат исторических наук.

«Ближний свет — дальний свет». Так называлась повесть, опубликованная Владимиром Николаевичем Шубкиным в литературном журнале в годы, когда я работала в его команде («Алтай», 1988, № 1). Тогда меня немного удивил сам факт переключения с науки на литературу, она в моей жизни существовала отдельно и с работой пересекалась мало. Когда я села за руль автомобиля, название этой

повести наполнилось для меня новым смыслом, стало действием, отдельным от того, о чем рассказывал Шубкин, из литературы оно как бы перешло в жизнь, но авторство самого Шубкина сохранилось. Переключение с ближнего на дальний свет превратилось в привет от Владимира Николаевича, моего первого научного руководителя, одного из Больших Ученых в моей профессиональной жизни, о ком я сразу знала, что это Большой Ученый, создавший что-то важное и значительное, пусть я и не понимала тогда, что именно. Метафора из автодорожной стихии поможет описать, каким я помню Владимира Николаевича, кем он для меня был и остается.

Ближний свет. Моя работа у Шубкина и с Шубкиным началась с переводов с английского. Не помню, как оказывались в руках Шубкина тексты, которые надо было перевести, не помню, как шел сам процесс перевода и подготовки текста в докомпьютерные времена, не помню, чтобы мы подробно об этих текстах разговаривали, да и о качестве собственной работы или оценке этого качества ничего сказать не могу, но помню, что текстов, научных статей из журналов для перевода было много и что статьи эти были мне с моим только что законченным инязом интересны и сложны, они постоянно открывали мне что-то новое, на понятийном уровне до того неведанное, непробованное. Ощущение было, что эти переводы меня заполняли и переполняли, что я больше читала и училась, чем переводила и работала над текстом, хотя последнее тоже было очень непросто и существенно. Помню очень ясно, как иду Чистопрудным бульваром к Колпачному переулку от метро и напряженно думаю о системе материалистических и постматериалистических ценностей, о том, что я понимаю под тем, о чем писал Рональд Инглхарт, очередной текст которого Владимир Николаевич просил срочно перевести. Что срочно, тоже помню, сроки всегда висели, как дамклов меч, поручения Владимира Николаевича, без особых слов, требовали действия, действовать надо было четко, быстро, на размышления и разговоры времени не отводилось. Именно те переводы о протестантской этике, о постматериалистических ценностях и нравственных нормах стали важной частью моих собственных университетов, а те раздумья по дороге на работу о том, что входит в мою личную систему ценностей, о чем хорошо бы почитать и поговорить, — моими семинарами по философской этике.

Переключаю свою память на дальний свет, смотрю из сегодняшнего дня, чем, при всем их ученическом несовершенстве, могли быть полезны те переводы Владимиру Николаевичу. Нового мира, как это было со мной, они, разумеется, не открывали, но вполне могли быть полезны как свежая информация о новейших лонгитюдных исследованиях, отслеживающих изменения в системах ценностей и мировоззрении людей в глобальных масштабах. Пожалуй, и то, что они каким-то постоянным потоком изливались на меня и были при

этом так познавательны, совсем случайным не было. Так Владимир Николаевич учил учиться.

Снова включаю ближний свет. Пожалуй, еще буквальнее частью моей подготовки к дальнейшей профессиональной жизни было участие в поддержании обширных зарубежных контактов Владимира Николаевича. Бесконечные письма с отказом принять приглашение на международную конференцию, реакции на поздравления с Рождеством, собственные поздравления с Рождеством и новогодними праздниками огромному кругу людей на протяжении всего января, ответы на какие-то вопросы и предложения... Насколько я помню, письма сначала придумывались и конструировались с моим некоторым участием, а потом уже следовал перевод, который иногда дорабатывался вместе. Запомнилось, что это был интенсивный совместный процесс, в котором и адресат был важен, и стиль, и содержание, даже во вполне стандартных ситуациях. И мое участие в этом, по сути, незамысловатом и где-то канцелярском действе запомнилось как вполне содержательное. Так и осталась эта привычка конструировать любые тексты, думать об адресате, того же требовать от студентов.

С участия в качестве переводчика в переписке Владимира Николаевича с огромным, тогда еще только приоткрывающимся и для меня скорее теоретически существующим большим миром началась и полноценная совместная работа в международном проекте, ставшая для меня первым опытом.

«Оля, Мадрид стоит мессы» — именно так Владимир Николаевич решительно и строго объявил, что мы вместо того, чтобы сочинять очередной вежливый отказ в ответ на приглашение из европейского научного центра, будем оформлять документы. И мы действительно поехали вместе в Мадрид и участвовали в мероприятии, на котором не было формальных выступлений, а был открытый деловой общий разговор об исследовательских вопросах, на которые можно было бы совместно ответить в рамках общеевропейского проекта, о том, как это можно сделать, что конкретно мог каждый из присутствующих предложить, взять на себя и реально осуществить. Это был опыт нового для меня общения на равных с людьми разных стран и культур, с учеными, небольшая часть которых были давние коллеги и друзья Владимира Николаевича, а большинство — из менее знакомого зарубежного далека, хотя некоторые имена были известны по переводам и прочитанным публикациям. Как же внове было, что это оказались живые люди, с которыми ведешь разговор, споришь, договариваешься, потом начинается исследовательская работа, в ходе которой и выполняешь эти договоренности. А незнакомые люди становятся коллегами, с кем регулярно общаешься в разных странах, во время профессиональных встреч, за завтраком или ужином, с кем разговариваешь и о совместной работе, и о семье, жизни, переменах в этой жизни, о политике, и не

только. Владимира Николаевича слушали внимательно. Он охотно объяснял, что происходит в нашем мире, реагировал на вопросы, сам спрашивал. По-моему, он вызывал уважение, причем не статусное или возрастное, а именно благодаря этим разговорам на равных. Мне было интересно и ново участвовать в таких разговорах, и, по-моему, их содержательность была не совсем тривиальной и для Владимира Николаевича при всем его опыте общения в самых разных академических кругах, при дружбе с учеными и чиновниками от науки из разных стран. Кажется, мы даже говорили об этом, впрочем, может быть, это я дофантазировала задним числом.

Из той поездки и международной встречи действительно родился международный проект, мое первое самостоятельное «большое плавание». Владимир Николаевич именно так и говорил о своей задаче научного руководителя — бросить молодого сотрудника в воду на глубину и дать самостоятельно выплывать. Он повторял это достаточно часто, приводя чрезвычайно успешные примеры, что тогда меня несколько озадачивало и, наверное, пугало бы, если бы те самые успешные его ученики и коллеги не были рядом.

В той первой совместной поездке мне посчастливилось еще и прогулять с Владимиром Николаевичем по мадридским бульварам, послушать его рассказы и вместе с ним поудивляться особенностям западной жизни, где происходят всеобщие забастовки, как та, что не дала нам тогда улететь из Мадрида в запланированный срок и подарила еще один день прогулок и общения. Владимир Николаевич вспоминал свой опыт знакомства с Парижем 1968 года на фоне студенческих волнений. Тогда же, за покупкой подарков детям, приоткрылась мне немного и личная сторона Шубкина. Помню, с каким бесконечным уважением и восхищением Владимир Николаевич говорил о профессиональных успехах своей дочери. Мне сегодняшней это близко и понятно, возможно, значительно понятней, чем тогда, когда меня саму ждала дома трехлетняя дочка.

Личных и теплых моментов общения было не так много, но они и остаются в памяти. Помню гостеприимный стол в доме Ирины Павловны и Владимира Николаевича, служивший по совместительству и рабочим местом для них обоих. Помню рассказы о расстрелянном в Барнауле отце, о том, как чувство чести не позволило тому попробовать убежать, сохранить жизнь, когда угроза ареста перестала быть только угрозой.

Помню, как Владимир Николаевич резко открывал дверь и энергично входил в комнатушку, куда были втиснуты узкий диванчик и несколько рабочих столов, где за ними и между ними в делах и разговорах, за неспешным чаепитием под стук пишущей машинки, за чтением сидели и стояли члены его маленькой команды — сотрудники сектора молодежи. И вдруг все как-то взбадривались, подтягивались,

расправляли плечи, возникало какое-то движение, откуда-то «дуло», сразу что-то менялось. Что бы ни следовало потом — давалось ли конкретное поручение кому-то, звучало ли чье-то имя и приглашение зайти к нему в кабинет, такую же маленькую комнатенку по соседству, следовало ли обращение ко всем, или сам Владимир Николаевич присаживался выпить чаю, — спокойное, пусть и тесноватое пространство оживало, наполнялось движением и энергией.

И снова включаю дальний свет. Владимир Николаевич, каким я его помню, всегда излучал энергию и силу, причем силу умную и положительную. То, что он говорил и делал, было значимо, обдуманно, решительно, весомо. Как ни коротко было наше интенсивное общение, именно этим он запомнился больше всего. Храню в сердце благодарность Владимиру Николаевичу за то, что взял в свою команду, за то, что не опекал, а вел за собой, заваливал работой, позволил плавать сразу на глубине, не оставил времени и места для сомнений в результатах.

Потом была долгая, интересная, другая жизнь, в которой было много встреч, повезло общаться и работать с разными людьми, в том числе и с большими учеными, учиться у них, учить других тому, чему посчастливилось научиться. Попробую определить место, которое в этой жизни принадлежит Владимиру Николаевичу Шубкину, с помощью еще одной автомобильно-дорожной метафоры. Она приходит на ум не только из-за литературной публикации, скорее, потому, что Владимир Николаевич вообще был одним из первых знакомых мне лично опытных автомобилистов. Можно сказать, что с его легкой руки, заручившись его вниманием и поддержкой на старте, потихоньку отпустила сцепление, нажала на газ, перешла с первой на вторую, потом на четвертую скорость и отправилась в свой путь, храня в сердце благодарность и память, переключая по мере необходимости свет с ближнего на дальний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шубкин В.Н. Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970. — 288 с.
2. Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.
3. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. — 240 с.
4. Страхи и тревоги россиян: Сборник статей / Институт социологии РАН; [Составители: В.Н. Шубкин и др.; Предисл.: В.А. Иванова, Я.У. Астафьев]. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. — 216 с.
5. Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии: Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы / Публ., предисл. и послесл. В.Н. Шубкина. СПб.: РХГИ, 1998. — 665 с.

6. Шубкин В.Н. Пашкин подарок: повести. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. — 220 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафьев Янис Улдисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (926) 914-06-16. **Электронная почта:** ayanis@mail.ru

Вознесенская Елена Дмитриевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Телефон: +7 (916) 610-13-51. **Электронная почта:** maslovka3@mail.ru

Фирсова Ольга Фридриховна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Дата поступления: 30.08.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8

Personality

YANIS U. ASTAFIEV¹, ELENA D. VOZNESENSKAYA², OLGA F. FIRSOVA³

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² Independent researcher.

Moscow, Russian Federation.

³ Independent researcher.

Heerlen, Netherlands.

TODAY WE REMEMBER VLADIMIR SHUBKIN

Annotation. The memoirs of colleagues and students of V.N. Shubkin (1923–2010), one of the founders of Soviet sociology, who in the 1960's initiated longitudinal studies of the processes of young people transitioning from education to labor, are published. The article discusses the scientist's views on sociological theory and the methodology of social knowledge. The researcher's relations with students, colleagues, government officials are described.

Keywords: V.N. Shubkin; Soviet sociology; sociological theory; youth; education; employment.

For citation: Astafiev, Ya. U., Voznesenskaya, E. D., Firsova, O. F. Today we Remember Vladimir Shubkin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8

REFERENCES

1. Shubkin V.N. *Sotsiologicheskie opyty. (Metodologicheskie voprosy sotsial'nykh issledovaniy)*. [Sociological experiments. (Methodological issues of social research).] Moscow: Mysl' publ., 1970. 288 p. (In Russ.)
2. Shubkin V.N. Limits. *Novyi mir*. 1978. No. 2. P. 187–217. (In Russ.)
3. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. *Molodezh' vstupaet v zhizn' (sotsiologicheskie issledovaniya problem vybora professii i trudoustroistva)*. [Youth enters into life (sociological studies of the problems of choosing a profession and employment).] Moscow: Mysl' publ., 1985. 240 p. (In Russ.)
4. *Strakhi i trevogi rossiyan: Sbornik statei*. [Russians' fears and anxieties: Collection of articles.] Institute of Sociology RAS; [Comp.: V.N. Shubkin and others; Foreword: V.A. Ivanova, Ya.U. Astafiev]. St Petersburg: Izd-vo RKhGI publ., 2004. 216 p. (In Russ.)
5. Shubkin N.F. *Povsednevnyaya zhizn' staroi russkoi gimnazii: Iz dnevnika slovesnika N.F. Shubkina za 1911–1915 gody*. [Everyday life of an old Russian gymnasium: From the diary of a philologist N.F. Shubkin for 1911–1915.] Publ., foreword and after. by V.N. Shubkin. St Petersburg: RKhGI publ., 1998. 665 p. (In Russ.)
6. Shubkin V.N. *Pashkin podarok: Povesti*. [Pashkin's gift: Stories.] Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN publ., 1999. 220 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yanis U. Astafiev — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (926) 914-06-16. **Email:** ayanis@mail.ru

Elena D. Voznesenskaya — Candidate of Historical Sciences, Independent researcher. **Phone:** +7 (916) 610-13-51. **Email:** maslovka3@mail.ru

Olga F. Firsova — Candidate of Historical Sciences, Independent researcher.

Received: 30.08.2023.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

EDN: TFOVDT

А. В. ШИПИЛОВ¹

¹ Воронежский государственный педагогический университет.
394043, Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

ВОЗМОЖНО ЛИ СУЩЕСТВОВАНИЕ ОБЩЕСТВА БЕЗ РАЗВИТИЯ?

Аннотация. В статье проблематизировано социальное развитие как явление и понятие для настоящего времени и на перспективу применительно к обозначившимся в современном мире трендам. Понятие развития, интерпретируемого как увеличение, усложнение и улучшение, на данный момент является основным для мышления общества во времени и доминирует в словоупотреблении, тогда как в реальной действительности наметились тенденции к объединению общественного труда и снижению демографического и экономического роста. На протяжении уже полувека усилия международного сообщества направлены на достижение «устойчивого развития». В новом тысячелетии эта оксюморонная и эвфемистическая конструкция начинает уступать более однозначным понятиям «дероста» и «неразвития», выражающими установку общественного движения на самоограничение производства и потребления ради сохранения природной среды. В связи с этим автор задается вопросом: возможно ли существование общества без развития? И дает на него положительный ответ: в течение почти трех тысяч лет примером экологически детерминированного социального гомеостаза являлись номады. Вполне вероятно, что в недалеком по историческим меркам будущем реализация «зеленой повестки» приведет к замедлению или даже остановке общественного развития, и, прежде чем этому противодействовать или способствовать практически, желательно промыслить ситуацию теоретически.

Ключевые слова: развитие; эволюция; прогресс; рост; дерост; экология; гомеостаз; номадизм.

Для цитирования: Шипилов А. В. Возможно ли существование общества без развития? // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9 EDN: TFOVDT

О частотности и содержании

Уже практически два столетия мы интеллектуально и ментально пребываем в парадигме развития, которое не только выступает абсолютным ценностным императивом, но и является безраздельно господствующим способом мышления бытия-во-времени, в том числе и даже в первую очередь социального. Метафора развития настолько тотальна, что уже не воспринимается как таковая: «развитие» не только стало синонимом «бытия» и «существования», но и практически вытеснило последние. Ситуацию в обыденном словоупотреблении можно проиллюстрировать с помощью Google: при вводе слова «развитие» поисковая система выдает 267 млн результатов, «существование» — 20 млн, «бытие» — 5 млн, если же попробовать установить частотность таких былых императивов, как античное «благое бытие» или христианская «праведная жизнь», то на первое выдается 835 тыс. результатов, на второе — 165 тыс. Соответственно, в англоязычном варианте для development имеем 8480 млн результатов, для existence — 1430 млн. Аналогичная ситуация в словоупотреблении необыденном: так, в действующей Конституции РФ «развитие» встречается 13 раз, «существование» — 0 раз. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 «развитие» встречается 34 раза, «существование» в форме «сосуществование» — 2 раза. Подобные и еще более красноречивые соотношения характерны не только для России. Так, в Уставе ООН «существование» фигурирует 2 раза, «развитие» — 8 раз; в Декларации тысячелетия ООН (от 08.09.2000) «существование» читаем 0 раз, «развитие» — 25 раз; в Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг. (текст без ссылок, но со сносками) «существование» встречаем 5 раз, «развитие» — 201 раз.

О каком развитии идет речь? В Большом толковом словаре русского языка развитие, развитость и проч. определяются через крепость, зрелость, высокий уровень / высокую стадию, расширение, углубление, раскрытие, рост, видоизменение, совершенствование и т. п. [15, с. 1063–1064]. Это уровень повседневно-широкого словоупотребления; что касается уровня абстрактно-рефлексивного, то Новая философская энциклопедия трактует развитие как имманентный направленный необратимый переход от одного качества/состояния к другому в плане повышения степени структурности и совершенства [3]. В социальных науках в качестве синонима «развития» обычно используется «эволюция» в трактовке Г. Спенсера как движение от однородной бессвязной неопределенности к разнородной связной определенности, то есть понимание развития как взаимосвязанной совокупности процессов дифференциации и интеграции, разрабатывавшееся затем Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, Т. Парсонсом и др. В современном неозволюционизме спенсеровская эволюция отождествляется с развитием как частным случаем эволюции вообще,

предстающей в виде происходящего во времени процесса структурной реорганизации с возникновением качественно новых форм; последний может идти как от простого к сложному, так и наоборот. При этом отмечается, что в случае прогрессивного развития усложнение связано с ростом и представляет собой совершенствование не только в плане повышения степени адаптивности, но и в аксиологическом смысле [6, с. 7; 2, с. 17–19, 109–110]. Если попробовать это как-то суммировать, то развитие в самом первом приближении можно понимать как увеличение, усложнение и улучшение. Более глубокий анализ не соответствует формату статьи, так что далее я буду придерживаться именно такого понимания.

Что с развитием?

Исходя из этого попробуем взглянуть на то, насколько текущее и намечившееся в современном обществе соответствует понятию «развитие». Относительно ценностно нагруженного улучшения/прогресса есть позиция, что таковое наличествует. Например, М. Ридли доказывает, что сегодня лучше, чем вчера, и предсказывает, что завтра будет лучше, чем сегодня: «Темп прогресса вновь достиг пика. Будущее человеческих существ лучезарно, хотя многие из них об этом и не подозревают. <...> В этом смысле XXI век обещает быть прекрасным временем — временем, когда стоит жить» [16, с. 542, 554]. В то же время противоположная позиция, сводящаяся к тому, что все плохо и будет только хуже, представлена совершенно необозримым количеством авторов и текстов, критикующих нынешнее состояние и грядущие перспективы с консервативных, фундаменталистских, минималистских, марксистских, анархистских, энвайроменталистских и прочих позиций. В данной ситуации я, пожалуй, воздержусь от суждения, дабы иметь возможность проблематизировать феномен [социального] развития более или менее объективно. Правда, А.В. Коротаяев с соавторами считают, что прогресс следует понимать как «не просто развитие, а развитие от плохого к хорошему, то есть, в конечном счете, уменьшение зла и рост добра», при принципиальной неопределимости этих понятий, не боясь «введения в объективное научное исследование таких субъективных категорий, как “добро” и “зло”» [7, с. 27–28]. Это проблема безусловно интересная, но не наша, и в любом случае требующая отдельного исследования, так что от развития как улучшения обратимся к развитию как усложнению.

Надо сказать, что Э. Дюркгейм, исследуя общественное разделение труда, имел в виду главным образом его аксиологическое значение [4, с. 415]. Внеморальный аспект социальной и в первую очередь профессиональной дифференциации он считал общеизвестным, следующим образом характеризую роль разделения труда: «Поскольку

оно увеличивает одновременно производительную силу и умение работника, оно составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации» [4, с. 56]. Отталкиваясь от этого постулата структурно-функциональной традиции, связывавшей развитие общества с разделением труда, можно констатировать, что сегодня следует говорить о своего рода социальной инволюции, связанной с объединением труда. Речь идет как об обмене, где налицо вымывание институциональных посредников между производителем и потребителем, так и о производстве, которое в силу прогрессирующей цифровизации среди прочих демонстрирует тенденцию к превращению в нечто структурно подобное доиндустриальному ремеслу и домашнему промыслу. Более того, в силу прогрессирующей автоматизации, цифровизации и роботизации объем, значение и ценность труда все больше снижаются. Речь не только о прогнозируемом в среднесрочной перспективе исчезновении сотен профессий, но и об общем сокращении труда (процентном уменьшении его доли в ВВП) как в производственной, так и в сервисной и управленческой сферах. Дело идет к исчезновению массовой занятости и превращению современного мира в «мир без работы», что осмысливается с помощью концепций посткапиталистического, посттрудового, рентного общества. Кроме того, развитие телекоммуникационных технологий лишает необходимости массовое нахождение людей в одном месте в одно время, на чем основывались важнейшие учреждения индустриального общества — завод, школа, больница, тюрьма и т. п., в силу чего институциональная дифференциация сменяется диффузией [21]. Таким образом, вместо усложнения налицо упрощение, что ставит под вопрос понимание происходящего как развития.

Наконец, что касается развития в третьем — основном — значении как увеличения/роста (демографического (численности населения) и экономического (производства, потребления, ВВП); также принимается во внимание рост структур массового индустриального общества, повышение качества жизни и ее наполненности [5, с. 50–51]), то здесь отмечается интересная тенденция: тенденция к снижению. Экспоненциальный демографический рост заканчивается, а мировой демографический переход ускоряется. По прогнозу ООН 2022 г., стабилизация численности населения предполагается на уровне 10,4 млрд к 2100 г., при этом ежегодные темпы роста, определяемые для прошлого столетия в 0,8–1,4%, к 2030–2040-м гг. должны упасть ниже 0,4%, к 2070–2080-м гг. — снизиться до 0,1%, а в 2090-е гг. рост станет уже отрицательным. Существуют также прогнозы, согласно которым уже во второй половине XXI в. рост мирового народонаселения прекратится и начнется спад: 6 млрд к 2100 г. и 3,6 млрд к 2150 г. Некоторым консервационистски настроенным экологами это представляется недо-

статочным, так что выдвигается идея необходимости для стабилизации состояния биосферы депопуляции с сокращением населения планеты до 1,5–0,5 млрд¹ [11, с. 110–112, 122, 134; 14, с. 88, 93].

Одновременно и взаимосвязанно наблюдается и еще более прогнозируется снижение экономического роста — мирового производства и ВВП в абсолютных значениях и на душу населения. Как указывает Т. Пикетти, «в XXI веке, вероятно, происходит возвращение к уже имевшему место в истории режиму медленного роста» [14, с. 87]. Средние ежегодные темпы роста в период 1–1700 гг. определяются в 0,1% для производства, 0,1% для населения и 0,0% для производства на душу населения; для 1700–2012 гг. соответствующие показатели равняются 1,6; 0,8 и 0,8% (в том числе для 1700–1820 гг. — 0,5; 0,4 и 0,1%; для 1820–1913 гг. — 1,5; 0,6 и 0,9%; для 1913–2012 гг. — 3,0; 1,4 и 1,6%). Таким образом, с Античности до начала промышленной революции темпы экономического роста были менее 0,1% в год (0,06% для населения и 0,02% для производства на душу населения), и только в XIX в. и особенно в XX в. произошел резкий скачок. Теперь же начинается возвращение на круги своя и постиндустриальные темпы роста устремляются к показателям доиндустриальным: мировое производство, достигшее в 1950–1990 гг. роста 4% в год, за период 1990–2012 гг. росло на 3,5%, на 2030–2050 гг. рост прогнозируется на уровне 3%, на 2050–2070 гг. — 1,5%, к 2100 г. — 1,25%. Этот спуск с пика на плато с приближением к состоянию нулевого роста можно трактовать как замедление/сокращение не только экономического, но и собственно социального развития, ибо если «общество, где рост составляет 1% в год, как это было в наиболее развитых странах с начала XIX в., — это общество, которое переживает постоянное глубокое обновление», то «общество, где рост равняется 0,1% или 0,2% в год, воспроизводит себя практически в неизменном виде из поколения в поколение: структура профессий сохраняется, равно как и структура собственности», также уменьшаются «изменения в образе жизни и сфере занятости» [14, с. 88, 100, 108–109]. Иными словами, дело идет от динамики к статике и даже к стазису как состоянию, противоположному развитию.

От sustainable development до sustainable degrowth

Однако объективного, само собой происходящего движения от развития к неразвитию, видимо, недостаточно: в текущем году исполняется полвека с того момента, когда развитие в качестве роста начали сдерживать и ограничивать искусственно, целенаправленно и планомерно. Речь идет о вышедшем в 1972 г. докладе Римского клуба «Пределы роста» и состоявшейся в том же году Стокгольмской конференции ООН по вопросам охраны природы, на которой была создана

¹ World Population Prospects 2022. Summary of Results. New York: United Nations, 2022. P. 9, 27.

такая структура, как United Nations Environment Programme (UNEP) — Программа ООН по окружающей среде. С начала 1980-х гг. в качестве термина, обозначающего совокупность мер, признаваемых необходимыми для удовлетворения потребностей наличного народонаселения Земли без нанесения ущерба окружающей среде, чтобы не оставить без ресурсов будущие поколения, стало использоваться словосочетание *sustainable development* (устойчивое развитие). «Устойчивость» с тех пор стала словом/понятием чрезвычайно распространенным. Так, в уже упоминавшейся Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг., где «изменение» упоминается 119 раз, а «развитие» — 201 раз, «устойчивость»/«устойчивый» встречается 233 раза. Многочисленные авторы пишут не только об «устойчивом развитии», но и об «экологической устойчивости», «устойчивом потреблении», «устойчивой экономике», «устойчивом обществе» и т. д. вплоть до «парадигмы устойчивости». Лейтмотив всего этого разнообразия формулируется примерно так: «Концепция устойчивого развития... имеет конечной целью обуздать потребительские инстинкты человека. “*Homo ecologicus*”... — это идеал, который недостижим, но к которому необходимо максимально приблизиться» [11, с. 291].

О [настоятельной] необходимости перехода к устойчивому развитию, включая в содержание последнего широкий диапазон требований от ограничения роста до экологически мотивированной аскезы, говорится во многих исследовательских работах и официальных документах. Так, в Хартии Земли (2000 г.) провозглашается: «Необходимо объединить усилия, чтобы создать устойчивое сообщество». Следует «стремиться к... устойчивому развитию», для чего требуется «обеспечить соотнесение наших потребностей с возможностями планеты»². Г. Гарднер в докладе Института Worldwatch «Состояние мира 2001» указывает, что «люди, озабоченные созданием устойчивого общества», приняв на себя определенные обязательства, «могут начать процесс построения устойчивого мира независимо от того, что делают остальные», а если к ним присоединятся корпорации и правительства, «можно начать глобальные преобразования, равные по масштабам промышленной революции». Грядущий «устойчивый мир» будет «населен на устойчивом уровне»; «мы как сознательные агенты культурной эволюции можем создать устойчивую цивилизацию, которая действительно будет достойна назваться человеческой» [1, с. 282–283, 297–298]. Правда, возможность еще не стала действительностью: в Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг. констатируется, что «нерациональные модели потребления и производства» продолжают использоваться, и «сегодня мы не в состоянии

² Хартия Земли. — URL: http://www.earthcharter.ru/upload/File/Earth_Charter_Rus.pdf (дата обращения 23.08.2022).

обеспечить достижение целей в области устойчивого развития». Тем не менее «устойчивый образ жизни» остается ориентиром, движение к которому следует реализовывать посредством «зеленой экономики», требующей «изменения моделей потребления и производства в целях обеспечения устойчивости»³.

Встречая «устойчивое развитие» в разных контекстах, трудно избавиться от ощущения, что это, с одной стороны, оксюморон, а с другой — эвфемизм: вместо *sustainable development* логичнее было бы говорить о *sustainable undevelopment* — устойчивом неразвитии. Л.Г. Мельник отмечает, что в понятии «устойчивое развитие» объединены слова с внутренне противоположными значениями, так как устойчивость предусматривает равновесие, а развитие возможно только при выходе из него, так что «устойчивое развитие по своему внутреннему содержанию должно означать перманентное воспроизводство так называемого состояния *гомеостаза* (динамического равновесия)» [12, с. 413]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, речь фактически идет о гомеостазе, но утверждать желательность и даже необходимость достижения последнего мешает более чем двухвековой исключительно позитивный аксиологический статус «развития», сохраняющий свою императивность не только на категориальном, но и на ментальном уровне.

Впрочем, не для всех: в последнее время делаются попытки преодолеть общественно санкционированную благоречивость и сформулировать новый идеал более определенно и откровенно. В этом плане Г. Дэйли, сохраняя развитие как ценность, противопоставляет ему рост как антиценность. Он доказывает, что экономический рост — не панацея, сегодня поддерживать его в краткосрочной перспективе глупо, а в долгосрочной — невозможно. Переход к устойчивой экономике предполагает отказ от роста, в перспективе которого мир поджидает экологическая катастрофа. Следует взять за пример и модель саму биосферу, являющуюся конечной, нерастущей и закрытой системой, подчиненной законам термодинамики. Экономика как подсистема (можно добавить, что и общество в целом) должна стать устойчивой, то есть обрести динамическое равновесие: рождаемость должна равняться смертности, темпы производства товаров — темпам их амортизации. Устойчивая экономика — это не экономика роста, она должна продолжать развиваться, но не расти. Финансовый рынок при этом сократится, и полной занятости не будет. Но не в них счастье: людям

³ Стратегия Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде на 2022–2025 гг. для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения. С. 6, 42, 53. — URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/35875/K2100503-r.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения 23.08.2022).

важнее не получать все больше дохода, а получать больше других, с этим же проблем быть не должно [22; 23].

Еще дальше идут сторонники degrowth или sustainable degrowth — дероста (антироста), или устойчивого сокращения роста. Этим понятием обозначают проект добровольного общественного сокращения производства и потребления ради социальной и экологической устойчивости. Родившийся в начале XXI в. как лозунг против экономического роста, degrowth стал не только концепцией, но и общественным движением, объединяющим активистов разных стран и ориентаций. Сторонники дероста призывают к сокращению добычи ресурсов (“leave oil in the soil, coal in the hole”) и товарного производства, к замене рынка перераспределением, к поддержке глобального Юга за счет Севера и т. п. Новая концепция осуждает отождествление развития с фетишем экономического роста и хрематистикой ВВП (“tyranny of GDP growth” [27, p. 47]) и вводит небезынтересное понятие “post-development”, под которым подразумевается критика развития как западного социального конструкта, навязанного остальному миру [26, p. 1745–1746; 24, p. 209].

О степени релевантности и реализуемости подобных идей и призывов судить сложно. По крайней мере, некоторые экономисты разрабатывают модели, в соответствии с которыми капиталистическая экономика с ее кредитными/долговыми деньгами, в принципе, может отойти от growth imperative и достичь стационарного или квазистационарного состояния, то есть устойчивого отсутствия роста [25, p. 27–30]. Так или иначе популярность дероста ширится, о чем может свидетельствовать тот факт, что Папа Римский Франциск в энциклике 2015 г. “Laudato si’ ” подверг критике идею «о бесконечном и неограниченном росте» и отметил, что «необходимо замедлить темп», более того, «немного сдержать рост, установив некоторые разумные пределы и даже повернув назад, пока это не оказалось слишком поздно». «Просто необходимо переопределение прогресса», — подчеркнул понтифик [13, с. 83, 89, 146–147]. В том, что некоторые понятия, связанные с мышлением общества во времени, следует заново отрефлексировать и, возможно, пересмотреть, с Папой Римским Франциском вполне можно согласиться; но задача данной работы другая.

Номады: 3000 лет без развития

Вопрос стоит следующим образом: может ли существовать и существовало ли в обозримой исторической ретроспективе общество (общества) с производящей экономикой, пребывающее в гомеостазе, не развиваясь, но не приходя при этом в упадок, не прогрессируя, но и не деградируя?

Да, может; да, существовало. Это номады — скотоводы-кочевники. В свое время А. Тойнби заметил, что кочевники приходили в исто-

рию — историю оседлых цивилизаций — со стороны и снова уходили в сторону, движимые не столько социальными, сколько природными факторами — такими как климатические и вегетационные циклы. Он определял кочевников как одну из задержанных (arrested) цивилизаций, так как физические условия сделали их не хозяевами, а рабами степи; «наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром», а потому «общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [17, с. 186]. Не вдаваясь в рассуждения о том, есть у него история или нет, замечу, что к кочевническому социуму понятие социального развития фактически неприменимо (именно социального, так как в сфере материальной культуры линия развития присутствовала, примерами чего служат появление в тюркском мире в середине I тысячелетия н. э. жесткого седла со стремянами, разборной юрты и др.), так как условием, содержанием и мерой последнего является деномадизация. Сформировавшись в начале I тысячелетия до н. э., он продолжал свое существование практически в неизменном виде, пока не был разрушен становящимся индустриальным обществом к концу II тысячелетия н. э. Это устойчивое существование без развития имеет своей причиной то, что для кочевников социальное определяется не экономикой, а экологией. Изменения в степи есть, развития нет, и иначе быть не может, пока по ней продолжают двигаться кочевые скотоводы.

На протяжении последнего полувека, сколько потребовало формирование и продвижение концепции устойчивого развития, отечественные исследователи писали об устойчивом неразвитии общества кочевников. Точнее, они дискутировали о стадийно-типологической определенности кочевых обществ, но, обсуждая формационную принадлежность кочевничества, его хозяйственно-культурный тип, «кочевой феодализм», «номадный способ производства», «кочевую цивилизацию» и т. п., всегда отмечали гомеостатичность номадического социума, его неспособность к развитию. Так, С.Е. Толыбеков писал, что саки и казахи, арабские бедуины библейских времен и XIX в., тибетские, маньчжурские, монгольские и тюркские кочевники разных эпох, среднеазиатские кочевники X в. и жители Сырдарьинской области конца XIX в. почти не отличались друг от друга по образу жизни и характеру производственной деятельности; также нет существенных различий между хунну III–II вв. до н. э. и монголами XI–XII вв., между казаками XV и XVIII вв. Кочевое общество — это примитивный естественно-исторический организм, хозяйство кочевников полностью зависит от стихийных сил природы, к которой оно приспосабливается, а не изменяет ее. Жизнь кочевников крайне консервативна, их общество «способно веками сохранять, консервировать и даже реставрировать отсталые формы общественных отношений», пока не произойдет частичное или полное оседание на землю (седентеризация). Кочевое скотоводство исключает оседлость, стационарные населенные пун-

кты, частную собственность на землю; оно «препятствовало развитию общественного разделения труда среди кочевников» в отношении как отделения ремесла от скотоводства, так и отделения умственного труда от физического [18, с. 55, 62, 79, 220, 317–321, 601–602].

А. М. Хазанов указывал, что между ранними и поздними кочевниками, номадами древности, Средневековья и Нового времени нет существенных экономических, социальных, культурных различий, так как их хозяйство определяется конкретными условиями той или иной ландшафтно-климатической зоны. «Ограниченные возможности экстенсивного кочевого хозяйства ставили предел социальному развитию»: в номадических обществах присутствуют и стратификация, и эксплуатация, но процесс классовообразования никогда не достигает завершения, если только кочевники не осядут на землю и тем самым перестанут быть кочевниками [20, с. 12, 200, 250, 272]. Традиционное мобильное скотоводство неспособно к долговременному экономическому росту, расширенное воспроизводство здесь невозможно, это перманентно стагнирующее гомеостатическое хозяйство, а такая база ограничивает предельно возможную степень социально-политической эволюции ситуационным вождеством [19, с. 36, 160, 278–279].

Г. Е. Марков тоже считал, что при достаточно выраженной социальной и имущественной дифференциации у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы, ибо процесс классовообразования у них мог достичь завершения лишь при разложении номадизма и оседании на землю. Кочевое скотоводческое хозяйство устойчиво и застойно, его развитие происходило только в периоды сложения и разложения номадизма. «Сложившись, кочевничество далее характеризуется застойностью, которая в основном порождалась слабым развитием производительных сил и незначительным разделением труда. <...> Независимость кочевого скотоводческого хозяйства от уровня развития техники, скромные потребности в предметах быта, возможность купить или отнять их у соседей-земледельцев — все это приводило к тому, что разделение труда развивалось медленно. К тому же города, ремесленные центры возникали только при прочной оседлости, что противоречит самой сути кочевничества» [9, с. 282, 284–285].

Н. Э. Масанов обратил внимание на то, что четвероногую собственность копить и концентрировать сложно и даже невозможно. Первое ограничивают, с одной стороны, периодические падежи, а с другой — необходимость делить скот между отделяющимися сыновьями и платить калым за их невест. Второе ограничено экологически — низкой кормовой производительностью растительного покрова и лимитированными водными ресурсами евразийского степного пояса и соответствующих районов Африки, что исключает возможность долговременного нахождения скота и, соответственно, скотоводов

на одном месте. Общественное производство номадов пребывает в дисперсном состоянии, социально-сегментирующей функцией которого является препятствование поступательному развитию с окончательным оформлением классов и становлением государственности. Номадный способ производства рассматривается автором как оптимальная модель экологически детерминированного способа жизнедеятельности, динамично сбалансированного с природными ресурсами среды обитания кочевников. Как их хозяйство, так и социальная организация экологически детерминированы, так что номадизм следует понимать «как форму взаимодействия и динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических процессов» [10, с. 4–6, 16, 114–128].

Н.Н. Крадин замечает, что номады с трудом вписываются в общепринятые периодизации исторического процесса, будь то марксистские, эволюционистские или цивилизационные. Пределом эволюционной сложности кочевнических обществ являются «степные империи», но это не государства, а суперсложные вождества, возникающие как форма организации внешней эксплуатации оседлого земледельческого населения (экзополитарный/ксенократический способ производства). Дальнейшее их развитие всегда останавливалось перед непреодолимым барьером экологических условий аридной зоны Старого Света. Кроме того, государственность для кочевников не являлась внутренне необходимой, ибо экономическая деятельность осуществлялась в рамках отдельных домохозяйств, а социальные отношения регулировались традиционными (патриархальными, родо-племенными) институтами. Даже в случае возникновения «кочевых империй» о социальном развитии как таковом говорить не стоит, ибо «такие формальные показатели, как увеличение плотности населения, усложнение технологии, возрастание структурной дифференциации и функциональной специализации, остаются практически неизменными» [8, с. 25–29].

Подводя итог, можно сказать, что жизнь номадов тотально экологична и потому перманентно статична, они движутся в пространстве и покоятся во времени. Они кочуют, а не развиваются и могут начать развиваться тогда и в той мере, когда и в какой мере им придется перестать кочевать, чего кочевники больше всего боятся и меньше всего желают. Номадический социум с тех пор и до тех пор, пока он является таковым, фактически не развивается ни в значении сложности, ни в значении роста. Номадизм представляет собой высокоадаптивный способ приспособления к специфическим условиям окружающей среды, который в то же время и именно поэтому если не исключает общественное развитие полностью, то предельно минимизирует его потенциал.

* * *

К. Шваб не так давно высказал предположение, что “green trend will eventually prevail” и “future could be greener than we commonly assume” [27, p. 113]. Наверное, нет ничего невозможного в том, что зеленый тренд получит преобладание, и наше будущее станет густо-зеленым, но при этом стоит задуматься, каковы в таком случае перспективы общественного развития и как явления, и как понятия. Исторический опыт показывает, что без развития — можно, но не доказывает, что без развития — нужно. Что мне действительно представляется необходимым — это привлечь внимание к проблеме того, как помыслить существование общества во времени, не прибегая к привычному «развитию», если уж необходимость последнего во имя сохранения природы и человека ставится под вопрос. Думается, что такое теоретическое усилие будет бесполезным; осталось лишь его предпринять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарднер Г.* Ускорение перехода к устойчивости // Состояние мира 2001. Доклад Института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. — 397 с.
2. *Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В.* Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 249 с.
3. *Грушин Б.А.* Развитие // Новая философская энциклопедия: В четырех томах. Т. III / Ин-т философии РАН; Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2001. С. 397–398.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. — 432 с.
5. *Иванов Д.В.* Новый подход к оценке социального развития // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 50–61. DOI: 10.31857/S013216250010462-1 EDN: MWGJMR
6. *Классен Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации: Коллективная монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 6–23. EDN: ТМQYWC
7. *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 24–83. EDN: VMZVMD
8. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк Пресс, 2007. — 416 с.
9. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: КРАСАНД, 2010. — 318 с.
10. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. — 320 с. EDN: RPWCYJ

11. *Миркин Б.М., Наумова Л.Г.* Устойчивое развитие: Вводный курс. М.: Университетская книга, 2006. — 312 с. EDN: QKPKZD
12. *Основи стійкого розвитку: Навчальний посібник / За заг. ред. Л.Г. Мельника.* Суми: Університетська книга, 2005. — 654 с.
13. Папа Римский Франциск. Энциклика *Laudato si'*. О заботе об общем доме. М.: Изд-во Францисканцев, 2015. — 192 с.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с англ. А. Дунаев; Науч. ред. А. Володин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с. EDN: VGMFFF
15. *Развить // Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов.* СПб.: Норинт, 2000.
16. *Ридли М.* Рациональный оптимист / [Пер. с англ. В. Дудникова]. М.: Эксмо, 2015. — 560 с.
17. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории / Пер. с англ.; Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
18. *Тольбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. — 636 с.
19. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
20. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. — 336 с.
21. *Шупилов А.В.* До и после современности. М.: Прогресс-Традиция, 2022. — 240 с.
22. *Daly H.* A Steady State Economy. Paper presented to the UK Sustainable Development Commission. 24 April 2008. Accessed 23.08.2022. URL: https://web.archive.org/web/20170827232023/http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/Herman_Daly_thinkpiece.pdf
23. *Daly H.* Economics in a Full World // *Scientific American*. 2005. No. 9. P. 100–107. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-100
24. *Demaria F., Schneider F., Sekulova F., Martinez-Alier J.* What is degrowth? From an activist slogan to a social movement // *Environmental Values*. 2013. No. 22 (2). P. 191–215. DOI: 10.3197/096327113X13581561725194
25. *Jackson T., Victor P.* Credit creation and the 'growth imperative'. A quasi-stationary economy with debt-based money // *PASSAGE. Working Paper Series 15/01.* Guildford: University of Surrey. 2015. P. 1–32 [online]. Accessed 15.07.2023. URL: www.prosperitas.org.uk/publications.html
26. *Martínez-Alier J., Pascual U., Vivien F., Zaccai E.* Sustainable de-growth: Mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm // *Ecological Economics*. 2010. No. 69 (9). P. 1741–1747. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2010.04.017
27. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. World Economic Forum. 2020. — 212 p. [online]. Accessed 15.07.2023. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, профессор; кафедра философии, экономики и социально-экономических дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет.

Телефон: +7 4732-27-43-90. **Электронная почта:** andshipilo@yandex.ru

Дата поступления: 12.01.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

Research Article

ANDREY V. SHIPILOV¹

¹ Voronezh State Pedagogical University.

86, Lenina str., 394043, Voronezh, Russian Federation.

IS IT POSSIBLE FOR A SOCIETY TO EXIST WITHOUT DEVELOPMENT?

Abstract. The article problematizes social development as a phenomenon and concept for the present and for the future in relation to certain trends that have emerged in the modern world. The concept of development, interpreted as increase, growing complexity and improvement, is currently the main one for society's mindset in time and dominates the vernacular, while in reality there have been trends towards the convergence of social labor and a decline in demographic and economic growth. For half a century now the international community has focused its efforts on achieving "sustainable development". Since the beginning of the new millennium, this oxymoronic and euphemistic construction has begun to give way to the more unambiguous concepts of "degrowth" and "undevelopment", which denote the program setting of the growing social movement for self-limitation of production and consumption in order to preserve the natural environment. In this regard, the author poses the following question (is it possible for a society to exist without development?) and gives a positive answer for it: for almost three thousand years nomads have been an example of an environmentally determined social homeostasis. It is likely that in the near future, by historical standards, the implementation of the "green agenda" will lead to a slowdown or even a halt in social development, and before counteracting or contributing to this in practice, it is advisable to think the situation through from a theoretical standpoint.

Keywords: development; evolution; progress; growth; degrowth; ecology; homeostasis; nomadism.

For citation: Shipilov, A.V. Is it Possible for a Society to Exist without Development? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

REFERENCES

1. Gardner G. Accelerating the transition to sustainability. *Sostoyanie mira 2001. Doklad Instituta Worldwatch o razvitiy po puti k ustoychivomu obshchestvu*. [State of the World 2001. Report of the Worldwatch Institute on development towards a sustainable society.] Moscow: Ves' Mir publ., 2003. 397 p. (In Russ.)

2. Grinin L.E., Markov A.V., Korotayev A.V. *Makroevolyutsiya v zhivoi prirode i obshchestve*. [Macroevolution in wildlife and society.] Moscow: LIBROKOM publ., 2013. 249 p. (In Russ.)
3. Grushin B.A. Development. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V chetyrekh tomakh*. [New Philosophical Encyclopedia: In four volumes. Vol. III.] Vol. III. Institute of Philosophy RAS; Scientific ed. advice: V.S. Stepin, A.A. Huseynov, G.Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov. Moscow: Mysl' publ., 2001. P. 397–398. (In Russ.)
4. Durkheim E. De la division du travail social = The Division of Labour in Society. [Russ. ed.: *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Transl. from French by A.B. Gofman; Noted by V.V. Sapov. Moscow: Kanon publ., 1996. 432 p.]
5. Ivanov D.V. New Approach to Assessment of Social Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 1. P. 50–61. DOI: 10.31857/S013216250010462-1 (In Russ.)
6. Claessen H.J.M. Problems, paradoxes and prospects of evolutionism. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii: Kollektivnaya monografiya*. [Alternative paths to civilization: Collective monograph.] Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. Moscow: Logos publ., 2000. P. 6–23. (In Russ.)
7. Korotayev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Alternatives of social evolution (introductory remarks). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. [Alternative ways to civilization.] Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. Moscow: Logos publ., 2000. P. 24–83. (In Russ.)
8. Kradin N.N. *Kochevniki Evrazii*. [Nomads of Eurasia.] Almaty: Dike Press publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
9. Markov G.E. *Kochevniki Azii: Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii*. [Nomads of Asia: The structure of the economy and social organization.] Moscow: KRASAND publ., 2010. 318 p. (In Russ.)
10. Masanov N.E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of the nomadic society.] Almaty: Sotsinvest publ.; Moscow: Gorizont publ., 1995. 320 p. (In Russ.)
11. Mirkin B.M., Naumova L.G. *Ustoichivoe razvitie: Vvodnyi kurs*. [Sustainable Development: An Introductory Course.] Moscow: Universitetskaya kniga publ., 2006. 312 p. (In Russ.)
12. *Osnovi stiikogo rozvittku: Navchal'nyi posibnik*. [Fundamentals of sustainable development: Chief assistant.] Ed. by L.G. Melnik. Sumi: University book publ., 2005. 654 p. (In Ukrain.)
13. Pope Francis. *Entsiklika Laudato si'. O zabote ob obshchem dome*. [Encyclical Laudato si'. About caring for a common home.] Moscow: Izd-vo Frantsiskantsev publ., 2015. 192 p. (In Russ.)
14. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. [Russ. ed.: *Kapital v XXI veke*. Transl. from Eng. A. Dunaev; Scientific ed. by A. Volodin. Moscow: Ad Marginem publ., 2015. 592 p.]
15. Growth. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language.] RAS, Institute of Linguistics. research; Comp. and ed. by S.A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint publ., 2000. P. 1063. (In Russ.)
16. Ridley M. Rational optimist. [Russ. ed.: *Ratsional'nyi optimist*. Transl. from Eng. by V. Dudnikov. Moscow: Eksmo publ., 2015. 560 p.]
17. Toynbee A.J. A Study of History. [Russ. ed.: *Postizhenie istorii*. Transl. from Eng.; Comp. by A.P. Ogurtsov. Moscow: Progress publ., 1991. 736 p.]
18. Tolybekov S.E. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka. (Politiko-ekonomicheskii analiz)*. [Kazakh nomadic society in the 17th – early 20th centuries. (Political and economic analysis).] Alma-Ata: Nauka publ., 1971. 636 p. (In Russ.)

19. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshnii mir*. [Nomads and the outside world.] 3rd ed., add. Almaty: Dike-Press publ., 2002. 604 p. (In Russ.)
20. Khazanov A.M. *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evrazijskikh stepei*. [Social history of the Scythians. The main problems of the development of the ancient nomads of the Eurasian steppes.] Moscow: Nauka publ., 1975. 336 p. (In Russ.)
21. Shipilov A.V. *Do i posle sovremennosti*. [Before and after modernity.] Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2022. 240 p. (In Russ.)
22. Daly H. *A Steady State Economy. Paper presented to the UK Sustainable Development Commission*. 24 April 2008. Accessed 23.08.2022. URL: https://web.archive.org/web/20170827232023/http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/Herman_Daly_thinkpiece.pdf
23. Daly H. Economics in a Full World. *Scientific American*. 2005. No. 9. P. 100–107. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-100
24. Demaria F., Schneider F., Sekulova F., Martinez-Alier J. What is degrowth? From an activist slogan to a social movement. *Environmental Values*. 2013. No. 22 (2). P. 191–215. DOI: 10.3197/096327113X13581561725194
25. Jackson T., Victor P. Credit creation and the 'growth imperative'. A quasistationary economy with debt-based money. *PASSAGE. Working Paper Series 15/01*. Guildford University of Surrey. 2015. P. 1–32. Accessed 07.15.2023. URL: www.prosperitas.org.uk/publications.html
26. Martínez-Alier J., Pascual U., Vivien F., Zaccai E. Sustainable de-growth: Mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm. *Ecological Economics*. 2010. No. 69 (9). P. 1741–1747. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2010.04.017
27. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. *World Economic Forum*. 2020. 212 p. Accessed 07/15/2023. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Shipilov — Doctor of Cultural Studies, Professor, Voronezh State Pedagogical University. **Phone:** +7 4732-27-43-90. **Email:** andshipilo@yandex.ru

Received: 12.01.2023.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.10

EDN: VUBNCN

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ^{1,2}

¹ Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ (МГИМО)
119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76

² Институт социологии ФНИСЦ РАН
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Аннотация. Статья представляет реферируемое изложение и анализ содержания коллективной монографии: «Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура» (2023). В фокусе внимания — возможности метода типологического анализа для развития жанра социологической диагностики. Во вводной части статьи рассматриваются подходы к определению понятия «социологическая диагностика», сложившиеся в отечественной науке, отмечается сохраняющаяся неопределенность в ее понимании и использовании. В основной части статьи дается краткое изложение основных теоретико-методологических положений, практики и результатов применения метода типологического анализа как инструмента социологической диагностики по первым трем главам монографии. Выделены три связующие компоненты, определяющие цельность повествования авторов в раскрытии диагностического потенциала метода типологического анализа: 1) верность концепту идеального типа; 2) поиск управляемых факторов с преодолением методологических «ловушек»; 3) строгое соблюдение процедуры анализа. В заключение автор статьи раскрывает реальные и возможные ограничения в использовании типологического анализа применительно к диагностике современных социальных феноменов, оспаривает выбор и разработку конструкции одного идеального типа рабочих как норматива при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: социологическая диагностика; типологический анализ; идеальный тип; процедура анализа; управляемые факторы.

Для цитирования: *Темницкий А.Л.* Потенциал использования метода типологического анализа в социологической диагностике социальных феноменов // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 162–177. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.10 EDN: VUBNCN

Несомненно, что потребность в социологической диагностике актуализируется в период радикальных трансформаций и «разворотов» общества, когда нужно выявить наличное состояние и качество базовых характеристик в жизненно важных сферах, чтобы на этой основе принимать оптимальные решения для достижения поставленных целей. Именно такой период в истории переживает современное российское общество, а его ведущей проблемой стало укрепление суверенитета в его многочисленных проявлениях — от государственного до кадрового. Актуальным становится поиск собственных опорных точек развития, а не выявление многочисленных отклонений от моделей, задаваемых преобладавшим в предыдущие три десятилетия реформ образам России как общества догоняющей модернизации по западному типу.

Между тем социологическая диагностика по-прежнему остается весьма многозначным понятием, как правило, не сопровождается указаниями на процедуры ее проведения, следование определенным стандартам. Сложившиеся представления о социологической диагностике и опыте ее применения в отечественной практике позволяют говорить о ней как об: а) измерительной процедуре (пройти путь от внешних проявлений, «видимостей» объекта до его аутентичных признаков) [2]; б) особом виде управленческих социальных технологий на уровне деловых организаций (на основе оценки состояния социальных объектов — отдельных работников, целевых групп, организаций — определить, нуждаются ли они в изменениях) [10, с. 176–186]; в) отождествлении с многолетними масштабными, мониторинговыми исследованиями, по результатам которых ставится диагноз всему обществу (получить валидные результаты реальных состояний как социальной нормы, так и патологий в контексте реализации социокультурных и экономических задач, стоящих перед обществом, а также перспектив его развития) [4]; г) своеобразной авторской интерпретации и представлении парадигм и теорий классиков социологической мысли, современных теоретиков как диагностических инструментов (найти признаки диагностического потенциала в социологических трудах от классиков до теоретиков постмодернизма) [5]; д) возможности выхода социологии за пределы лишь социологического исследования, ее способности выполнять социально-критическую и социально-контрольную функцию (перейти от диагностики как способа социального распознавания и оценивания к интерпретации конечных результатов и социологической экспертизе) [3].

В массовой практике использования понятия социологической диагностики по-прежнему преобладают акценты на том, чтобы называть таковой любое практико-ориентированное социологическое исследование, которое позволяет получить детализированное представление об изучаемом явлении (объекте), его фактическом состоянии и степени отклонения от принятых норм, идеалов или ожидаемого состояния с учетом той или иной ситуации или занимаемой субъективной позиции исследователя. Например, архив рубрики «Социальная диагностика» журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» содержит целый пласт таких статей¹. При этом сами авторы публикаций чаще всего никак не упоминают, что они провели социальную диагностику. В других публикациях, напротив, авторы в названии используют термин «диагностика», но в содержании о ней ничего не говорится как об определенной процедуре [9].

Известно, что наиболее типичной областью применения социологической диагностики является управленческая практика (менеджмент, консультирование в сфере управления человеческими ресурсами), в которой она получает определение как достаточно жесткий и тиражируемый алгоритм получения информации о состоянии конкретного социального объекта, созданный под конкретную (повторяющуюся) практическую задачу [10, с. 32]. Социологическая диагностика рассматривается как вид социальной, преимущественно организационной диагностики с использованием различных подходов (ценностно-нормативного, ситуационного, объективистско-деятельностного, проблемно-ситуационного, селекционно-нормативного) к заданию должного [10, с. 33–41].

При таком понимании социологическая диагностика может определяться как вид прикладного социологического исследования, в котором ставятся акценты на алгоритмизацию (процедуру) действий исследователя, на решение практической задачи о необходимости вмешательства (невмешательства) в состояние объекта, его соответствии (несоответствии) должному состоянию.

Вместе с тем, в отличие от других видов социальной диагностики (психодиагностики, управленческой, экономической, социально-медицинской и т. п.), социологическая диагностика должна учитывать тот факт, что ее объекты имеют сложный характер и в процессе трансформации общества, проводимых реформ обрастают причудливыми, парадоксальными гибридными формами и сочетаниями [8].

Описываемые в работах средства социологической диагностики позволяют отличить ее от классического социологического исследо-

¹ Архив рубрики «Социальная диагностика». — URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/archive-by-sections/13> (дата обращения 26.04.2023).

вания по самым различным критериям, но, как правило, не содержат строгих указаний на адекватные ей и эффективные методы анализа [10; 11].

При каких предпосылках социологические исследования, используемые теории, методы и данные могут рассматриваться как отражение жанра социологической диагностики? Какие методы анализа повышают ее эффективность? Как метод анализа должен соотноситься с теоретическими конструктами и методологической позицией исследователя?

Ответом на поставленные вопросы может служить реферируемая монография, в которой авторы отталкиваются от метода типологического анализа как надежного методологического основания и инструмента диагностики.

Предложенное авторами название монографии не передает все богатство ее содержания, указывает на одно из возможных, «узкое» применение типологического метода анализа как диагностической процедуры для принятия управленческих решений. Между тем назначение метода типологического анализа не ограничивается только тем, чтобы быть инструментом диагностики. Это и «особый язык анализа данных», и вид «метаметодики анализа данных» — инструмент создания частных (локальных) методик его проведения, и «средство концептуализации в эмпирических исследованиях» [7, с. 90].

Но это именно тот случай, когда обозначенное в названии книги узкое назначение метода может расширить круг заинтересованных в нем исследователей. Спецификой типологического метода как такового (как средства повышения эффективности математической формализации) могут заинтересоваться немногие, а в знании и научном обосновании подходов к разработке процедуры социальной диагностики нуждаются почти все.

Однако сложность познания возможностей потенциала типологического метода состоит в том, что, по мнению авторов, без рассмотрения общих факторов развития методологического знания, эволюции представлений о типологическом методе в социальных науках, без учета «методологических ловушек», подстерегающих исследователя, понимания и решения задач многомерной классификации, основанной на использовании языка математической логики, нельзя быть уверенным в его квалифицированном использовании в качестве инструмента диагностики.

Возможно, этим продиктована структура монографии. В первой главе — а всего их четыре — раскрываются особенности становления и векторы развития типологического метода в социологии. Из множества выделяемых в главе (автор Н.С. Бабич) функциональных направлений типологического метода мы остановимся на тех, которые могут рассматриваться как базовые теоретические и методологические осно-

вания для разработки диагностических моделей. Прежде всего таковым является концепт идеального типа, связываемый с именем М. Вебера. Несмотря на то что, как известно, предложенные М. Вебером конструкции идеальных типов социального действия не могут быть эмпирически обнаружены в чистом виде, не содержат внятной процедуры их создания, не являются гипотезами, а лишь указывают направления их образования, именно идеальный тип рабочего современного российского промышленного предприятия стал эталоном измерения и площадкой для проведения диагностики производственной ситуации, раскрытой в третьей главе монографии. В первой главе практические аспекты применения метода идеальных типов М. Вебера в силу неопределенности и незавершенности его теории раскрываются посредством обращения к его интерпретаторам и продолжателям. Н.С. Бабич дает добротный обзор работ западных авторов, благодаря которому заинтересованный читатель сможет не только разобраться в нюансах как позитивной, так и критической интерпретации творчества М. Вебера, но и ознакомиться с конструктивными предложениями по его прикладному использованию. Очень важными для разработки моделей диагностики на основе теории идеального типа являются положения, взятые у В. Шлюхтера: «идеальные типы как понятийные конструкции имеют значение только в науках о действии» [7, с. 24], у А. Шюца: «социолог, наблюдая определенные явления внутри социального мира, вызванные человеческой деятельностью, начинает создавать идеальный тип таких событий» [7, с. 27]. Достаточно полная «инструкция» по созданию идеальных типов, состоящая из пяти процедур, приводится со ссылкой на исследование Т. Бургера [7, с. 31]. Еще бóльшим потенциалом приближения к реальности и эмпирическому уровню измерения обладает модификация идеальных типов, предложенная Г. Беккером, которая была им названа «конструктивными типами». Эта модель, получаемая путем абстракции и схематизации, целенаправленного спланированного отбора, может рассматриваться как занимающая промежуточное положение между «идеальным типом» и «статистической типологией», как переходная форма между работой в «теории» и в «эмпирии» [7, с. 32]. Очень важным в понимании возможностей типологического метода для разработки диагностических процедур являются приводимые в главе изложения подходов к модификациям идеального типа не только многочисленных последователей М. Вебера, но и его критиков. К числу наиболее известных из них относится П. Лазарсфельд, который посредством своей концепции «пространства свойств» предложил более строгую интерпретацию и технологию сведения множества сочетаний типологических признаков к функциональной, произвольно числовой и прагматической редукции [7, с. 47]. В главе приводятся различные примеры прикладного

использования обозначенных П. Лазарсфельдом видов редукции, в том числе и для построения индекса удовлетворенности работой [7, с. 50].

В меньшей мере читателя, руководствующегося поиском полезного материала для разработки диагностических процедур, могут заинтересовать подразделы 1.4. «Направления развития типологического метода в контексте функции построения теорий» и 1.5. «Кластерный анализ как метод сжатого описания данных».

Во второй главе (автор Г.Г. Татарова) типологический метод представлен с позиций его важности для развития методологии социологического исследования, как возможный инструмент обеспечения единого процесса измерения, анализа и интерпретации данных. В отличие от советского времени, когда особое внимание уделялось вписыванию типологического анализа в более широкий контекст — повышения эффективности математической формализации в социологии, сегодня можно утверждать, что он может использоваться как инструмент социологической диагностики [7, с. 89]. Подтверждением этому является определение типологического анализа как «методологического инструмента, позволяющего выявить латентно существующие, социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов по характеристикам, природа которых различна» [7, с. 136]. Исходя из этого управляющее воздействие на объект будет эффективным только в том случае, если удастся найти однородные типы или совокупность типов, выделенных по определенному основанию (в данном случае — по отношению к работе) как целостность. В книге они получили название «управляемые факторы». Иначе говоря, управляемо то, что подвержено, органично соотносится с единым (одинаковым) механизмом воздействия.

На пути к поиску управляемых факторов исследователя поджидают многочисленные методологические ловушки (в главе раскрываются семь таковых): опасности 1) «переусложнения/переупрощения» модели типологического анализа; 2) некорректного использования языковых конструкторов типологического анализа; 3) проблемы перехода от «формальной классификации» к «содержательной типологии»; 4) различения ситуаций диагностики по модели и диагностики без модели; 5) различения групп типобразующих признаков; 6) адекватности математической формализации; 7) качественной однородности латентно существующих общностей как носителей социальных типов [7, с. 130–139].

Проблема преодоления методологических ловушек осложняется профессиональными «болезнями», накопленными исследовательским сообществом, новыми затруднениями в их излечении в ситуации бесконечной атомизации социологии как науки и турбулентности социальной реальности.

Автор называет три группы «болезней», характерных не только для отечественного исследовательского сообщества, связанных: 1) с постановкой проблем (мелкотемье, мода на проблемные поля, постановка проблем-искушений); 2) с соотношением теории и эмпирии (описательный характер существующего теоретического знания; полипарадигмальность как интеллектуальная мода и ее иллюзорность на эмпирическом уровне); 3) с позицией исследователя по отношению к другим (отсутствие методологической толерантности, «глухота» исследователей, их фракционализация, уход в локальность) [7, с. 105–106].

Что делать, чтобы профессиональные «болезни» не перешли в состояние «травмированности», а затем «инвалидизации» научного знания? Ответы на этот вопрос приводятся в книге, но не имеют вида прописанных рецептов. Общий посыл — укреплять качество проводимых эмпирических исследований. Под качеством понимается комплекс из трех составляющих: актуальность исследовательской задачи, уровень методологической культуры, объяснительная способность результата [7, с. 104].

Несомненно, что качество социологической диагностики зависит от уровня методологического знания и культуры исследователей. Весьма показательным в связи с этим является выделение различных типологических категорий исследователей. Всего выделяется пять типов: 1) методологи и методисты; 2) социологи, проводящие массовые опросы; 3) исследователи, работающие в основном в рамках качественной методологии; 4) специалисты по математическому моделированию и применению математических методов многомерного анализа; 5) «потребители» инструментального знания. Проблема в том, что социологическая диагностика как вид прикладного исследования и ее представители, скорее всего, могут быть отнесены к пятому типу, то есть к тем, кто «конструирует исследования на основе логики подражательного поведения, глубокая научная рефлексия которым несвойственна», следовательно, они не могут воспользоваться методологическим знанием в достаточной мере [7, с. 94].

В связи с этим закономерен вопрос: может ли типологический анализ стать доступным для освоения и использования массовыми группами исследователей (прикладниками) как инструмент диагностики, или он останется непревзойденным образцом и идеальным типом?

В определенной мере ответом на этот вопрос может послужить раскрываемая в третьей главе (авторы Г.П. Бессокирная, Г.Г. Татарова) практика реализации типологического анализа как диагностического инструмента применительно к производственной ситуации.

Социальная диагностика проводится на классическом для отечественной социологии труда эмпирическом объекте: рабочие промыш-

ленных предприятий и не менее классическом предмете: отношение к труду.

Исходя из методологической позиции, что социальные типы рабочих — это латентно существующие, внутренне однородные по различным показателям² группы наемных работников, задача исследователя состоит в том, чтобы их обнаружить с целью применения в практике управления одинаковых механизмов воздействия.

Поскольку под социальной диагностикой чаще всего понимается процедура определения и распознавания объекта социологического исследования, попытаемся кратко воспроизвести ее, отталкиваясь от содержания главы. В начальной (предварительной) процедуре диагностики можно выделить следующие этапы [7, с. 156–166].

1. Ставятся *исследовательские вопросы, выдвигаются гипотезы.*

Вопросы: «Что понимать под социальными типами рабочих?», «Как на эмпирическом уровне осуществлять поиск знаний о таких типах?», «Какие в реальности существуют социальные типы?», «Какие из таких типов приближены к идеальному типу?»

Уточним вслед за авторами, что идеальный социальный тип рабочих на промышленных предприятиях в современных условиях — это рабочие, выполняющие свои ролевые функции (регламентированные стороны трудового поведения)³, удовлетворенные работой и испытывающие чувство ответственности за работу предприятия в целом. Основанием для построения данного образа идеального типа рабочих стали положения В.А. Ядова о нормативном типе отношения к труду, сделанные им в начале 1980-х гг. [12, с. 60–61], которые, по мнению авторов, являются актуальными для настоящего времени.

Гипотеза: типологические группы рабочих, интерпретируемые как социальные типы, реально существуют.

2. Определяется *цель* типологического анализа как средства социологической диагностики производственной ситуации.

Цель: выявление типологических групп рабочих и поиск управляемых факторов их трудовой деятельности. Результаты типологического анализа — основания для принятия управленческих решений.

² Авторы приводят различные показатели однородности социальных типов рабочих, содержащиеся в разных исследованиях.

³ Регламентируемые стороны трудового поведения: выполнение производственных заданий (норм выработки), качество труда, трудовая дисциплина [7, с. 214].

3. Определяются *задачи*.

Первоочередной *задачей* типологического анализа является определение основания типологии (совокупности концептуальных представлений о схожести, близости объектов классификации, которые подвергаются разбиению на классы по ядру предмета типологии).

4. Уточняется *предмет* исследования.

В качестве *предмета* исследования (основания) используются понятия: отношение к труду, социальное самочувствие.

5. Указывается и поясняется *набор понятий* вокруг определяющего.

Для оценки *производственной ситуации* используют понятия, позаимствованные из западной психологии организаций, такие как «преданность организации», «идентификация с организацией», «приверженность организации», «вовлеченность в деятельность организации», «лояльность» и др.

6. Даются уточнения по поводу *базового понятия* как концепта исследования.

Базовое понятие «идентификация с предприятием» как концепт — это понятийный «гибрид», эвристический потенциал которого достаточно высок в контексте решения управленческих задач, и гипотеза о существовании одномерного континуума для измерения идентификации с предприятием неправдоподобна. На эмпирическом уровне концепт представляет собой многомерную исследовательскую конструкцию.

7. Уточняется *основание типологии*.

Основание типологии — схожесть (близость, похожесть) рабочих (они кандидаты в объекты классификации) по характеру их идентификации с предприятием.

8. Определяется *эмпирическая база* исследования

Использованы первичные данные трех социологических исследований: (1) 2007 г. Опрос рабочих трех машиностроительных заводов в Пскове, Брянске, Кирове; под руководством В.Д. Патрушева; объем выборки 417 человек; (2) 2013 г. Опрос рабочих двух промышленных предприятий Омска; под руководством Г.П. Бессокирной, Г.Г. Татаровой; объем выборки 250 человек; (3) 2014 г. Опрос рабочих восьми промышленных предприятий в Пскове, Брянске, Кирове, Омске и Владимире; под руководством Т.М. Карахановой; объем выборки 926 человек. По каждому исследованию приводится своя процедура типологического анализа.

Выявленная процедура близка к выделяемым этапам развертывания методологической части программы исследования, описываемым в многочисленных учебниках по методам, в требованиях к квалификационным работам. Тем самым авторы демонстрируют не свою исключительность и оригинальность в подходах к анализу, а согласие с научной традицией. Указания на процедуру как неотъемлемый инструмент любого диагностического исследования проходят красной нитью через все содержание главы. Процедуры (шаги, схемы формирования и алгоритмы вычисления индексов и т. п.) — термины, органичные диагностике, представлены в главе в многочисленных вариациях, каждая из которых может иметь свое собственное и актуальное для понимания и использования содержание и значение.

Например, процедура типологического анализа по концепту «отношение к труду» включала [7, с. 164–165]:

- 1) введение четырехкомпонентной структуры концепта «отношение к труду» на основе методов факторного анализа;
- 2) формирование логических индексов как классификационных признаков для проведения разбиений исходных объектов в четырехмерном пространстве;
- 3) нахождение классификации, удовлетворяющей как формальным, так и содержательным критериям;
- 4) обоснование закономерностей, наблюдаемых на классах, как неких типологических синдромов, то есть эмпирических закономерностей, позволяющих выдвинуть гипотезу о существовании особых социальных типов среди рабочих;
- 5) обоснование того, что рабочие, отнесенные к разным классам, принадлежат к различным социальным типам.

Помимо этого, в главе приводятся и детально раскрываются процедуры: итеративной многомерной классификации рабочих [7, с. 190–197], поиска управляемых факторов [7, с. 198–211]. Процедурными можно назвать и раскрываемые методы выявления устойчивости факторных и кластерных измерений в процессе реконструкции социальных типов рабочих [7, с. 214–222], обратившись к которым можно ознакомиться с наработанными приемами, последовательностью их применения при проведении факторного и кластерного анализов.

Авторы не только знакомят читателя с используемыми процедурами проведения типологического анализа, но и делятся теми сложностями, с которыми они столкнулись, способами решения возникающих проблем. Весьма показательным в связи с этим является обращение к проблемам: необходимости ручной перекодировки ответов [7, с. 180], борьбы с пропущенными значениями [7, с. 189], отбора переменных,

связанных с различными целостными компонентами, например субъективной эффективностью трудовой деятельности [7, с. 214].

В результате осуществления типологического анализа авторы пришли к выводу, что доля рабочих, выполняющих свои ролевые функции, удовлетворенных работой и испытывающих чувство ответственности за работу предприятия, составила по объединенному массиву 15%. Эта категория была названа своего рода прототипом «идеального» социального типа рабочих [7, с. 195]. Доля представителей рабочих такого типа невысока, у большей части рабочих (60%) процесс идентификации с предприятием «завершен» не в полной мере, но главное то, что у читателя, ознакомившегося с процедурами получения вывода, вряд ли возникнут сомнения в достоверности полученных данных.

Конструктивное значение поиска управляемых факторов, обнаружения социальных типов рабочих, органично соотносимых с единым механизмом управленческого воздействия, авторы видят в возможности достижения на этой основе сбалансированности между интересами и потребностями двух субъектов трудовых отношений (рабочих и руководства на конкретных промышленных предприятиях) в современных условиях.

Четвертая глава книги (автор А.В. Кученкова) имеет собственное значение и актуальность в понимании развития типологического анализа посредством использования логико-комбинаторных методов (ДСМ-метода, названного так в честь Джона Стюарта Милля и КСА — метода качественного сравнительного анализа). В этой главе не затрагиваются проблемы диагностического анализа, имеющие отношение к поиску управляемых факторов или связи с идеальными типами, не используется и само понятие «диагностика», поэтому она осталась вне поля нашего рассмотрения.

* * *

Вышедшая в свет коллективная монография «Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура» — результат многолетнего труда авторов, объединенных профессиональным интересом к типологическому методу. В работе показаны возможности развития социологической диагностики за счет согласованности концептуальных положений, упорядочивания и строгости процедуры использования методов анализа, определяющим и наиболее эффективным из которых является типологический. Во многих местах книги авторы ссылаются на множество ранее опубликованных статей по этой теме и приводят положения из них, поэтому было бы неверным искать в ней конкретные указания на технологии, процедуры и средства проведения диагностического анализа, годные к непосредственному практическому применению. В аннотации справедливо указано, что монография

адресована исследователям с повышенным интересом к теоретико-методологической рефлексии в эмпирической социологии.

Вместе с тем мы постарались извлечь из текста те положения, которые могут максимально приблизить читателя к проблеме разработки методологии и методики социологической диагностики.

Какие ограничения (о которых не говорят авторы), невольно возникающие как преграды для понимания и возможности использования типологического метода в социологической диагностике, необходимо, на наш взгляд, учитывать?

Следует ли понимать, что типологический метод является вершиной анализа в социологической диагностике, добраться до которой дано немногим? Столь ли плох и недостаточен для постановки квалифицированного социологического диагноза метод корреляционного анализа (мышления), который приводит, по оценкам авторов, к обедненному пониманию изучаемых явлений [7, с. 126]? Может быть, следует рассматривать типологический метод как возможное продолжение, более высокий уровень аналитического мышления и действий исследователя, включающий корреляционный анализ (как это было показано в главе 3), но не умаляющий значение последнего? Проблема в том, что массовыми в применении остаются и еще будут долго оставаться методы корреляционного и даже обычного структурно-описательного анализа с использованием процентных различий, а мышление образами (типами), их распознавание, пусть и не часто, осуществляется с помощью процедур кластеризации объектов, технологии которых «защиты» в программу SPSS.

Представляется, что для проведения социологической диагностики не менее значимой, чем используемые методы анализа, является проблема социального эталона, нормы, образца, по отношению к которым, по идее, она и должна проводиться. В качестве такового в работе приводится нормативный тип идеального рабочего с характеристиками образца «развитого социализма» (начала 1980-х гг.), который, согласимся с авторами, может стать актуальным для сегодняшнего времени, особенно для устойчиво работающих предприятий с государственным участием в собственности. Характеристики такого типа, далеко не модального по распространенности, являются фактором не только управляемым, но и «удобным» для управления. Поиск наиболее информативных переменных как кандидатов в управляемые факторы дал возможность выявить ряд типологических синдромов [7, с. 198–212], но позволило ли это ответить на вопрос, какие факторы способствуют приближению к идеальному типу рабочего и что делать с 60% рабочих, процесс идентификации которых с предприятием «завершен» не в полной мере?

Может быть, изначально при конструировании идеальных типов необходимо учитывать другую современную тенденцию в трудовом поведении работников — ориентацию не на идентификацию с предприятием, не на «привязанность» к нему, а на повышение своей конкурентной способности на рынке труда, своего профессионализма, а не лояльности к руководству? В этом случае мы столкнемся с более сложным и неудобным объектом как для диагностики, так и для управления.

В связи с этим постановка исследовательского вопроса в позитивистском ключе — «социальные типы как качественно однородные латентные образования объективно существуют, и задача аналитика разработать и применить процедуру для их выявления» [7, с. 89], предполагает корректировку в постановке проблемы социологической диагностики с учетом того, что идеальных типов может быть несколько. Как у М. Вебера мы находим указания на четыре конструкции идеальных типов социального действия, так и на предприятии возможны допущения, что рабочий может быть как объектом управления, так и субъектом труда [1]. Следовательно, необходимо исходить по крайней мере из двух возможных конструкций идеальных типов. Образно говоря, один из типов может отражать характеристики традиционного, а другой — инновационного в трудовом поведении и культуре работников [6]. Единой нормы, стандарта в социологической диагностике при таком подходе не будет. Диагностическая задача усложняется и будет состоять в поиске признаков не отклонения от нормативного образца, а приближения к идеальным характеристикам каждого из обозначенных типов с последующим подбором адекватных механизмов управления по отношению к каждому из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессокирная Г.П.* Рабочие в реформирующейся России как объект управления и субъект труда / Г.П. Бессокирная, А.Л. Темницкий // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 115–151. EDN: QCCUBX
2. *Девятко И.Ф.* Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. — 175 с.
3. *Волков Ю.Г.* Социологический диагноз как аналитический конструкт // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 3–11. EDN: TQASID
4. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. — 672 с. EDN: SUOSUJ
5. *Кравченко С.А.* Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. — 431 с. EDN: XCULRB
6. *Темницкий А.Л.* Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6 EDN: IEYFND

7. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура: [Монография] / Г.Г. Татарова, Н.С. Бабич [и др.]; Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 358 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023 EDN: LSRSFV
8. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 543 с. EDN: QONCJV
9. *Харченко К.В.* Диагностика удовлетворенности трудом при регулировании социально-трудовых отношений // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 32–38. EDN: KNHCJX
10. *Щербина В.В.* Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 30–42. EDN: HZEYBD
11. *Щербина В.В.* Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018. — 416 с. EDN: VJMDEY
12. *Ядов В.А.* Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 50–62. EDN: THMRUT

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Темницкий Александр Лазаревич — доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии, Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ (МГИМО); старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (495) 434-94-26. **Электронная почта:** taleksandr@list.ru

Дата поступления: 10.05.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 3. P. 162–177. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.10

Review

ALEXANDER L. TEMNITSKIY^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).
76, Vernadskogo Av., 119454, Moscow, Russian Federation

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.
5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation

THE POTENTIAL FOR USING THE METHOD OF TYPOLOGICAL ANALYSIS IN THE SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF SOCIAL PHENOMENA

Abstract. This paper provides an abstract presentation and analyzes the content of the collective monograph titled *Typological Analysis in Sociology as a Diagnostic Procedure*. The focus is on the possibilities that the method of typological analysis provides when it comes to developing the genre of sociological diagnostics. In the introduction, we consider the approaches towards defining the concept of “sociological diagnostics” that

have developed in the domestic scientific community, while noting the persistent ambiguity in its understanding and use. The main part of the paper gives a brief summary of the main theoretical and methodological provisions, the practice and results of applying the method of typological analysis as a tool for sociological diagnostics according to the first three chapters of the monograph. We have identified three connecting links that determine the integrity of the authors' narrative in revealing the diagnostic potential of the typological analysis method: 1) adherence to the concept of ideal type, 2) search for controllable factors while overcoming methodological "bottlenecks", and 3) strict observance of the analysis procedure. In conclusion, we reveal the actual and possible limitations in the use of typological analysis for diagnostics of modern social phenomena, and we challenge the selection and development of one ideal type of workers as a standard for making management decisions.

Keywords: sociological diagnostics; typological analysis; ideal type; analysis procedure; controllable factors.

For citation: Temnitskiy, A.L. The Potential for Using the Method of Typological Analysis in the Sociological Diagnostics of Social Phenomena. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 162–177. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.10

REFERENCES

1. Bessokirnaya G.P. Temnitskiy A.L. Workers in reforming Russia as an object of management and a subject of labor. *Mir Rossii*. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 115–151. (In Russ.)
2. Devyatko I.F. *Diagnosticheskaya protsedura v sotsiologii. Ocherk istorii i teorii*. [Diagnostic procedure in sociology. Outline of history and theory.] Moscow: Nauka publ., 1993. (In Russ.)
3. Volkov Yu. G. Sociological diagnosis as an analytical construct. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 3. P. 3–11. (In Russ.)
4. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)*. [Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics).] Moscow: Novyi khronograf publ., 2011. 672 p. (In Russ.)
5. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uязvimostei, doveriya. Uchebnoe posobie*. [Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust. Tutorial.] Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2016. 431 p. (In Russ.)
6. Temnitskiy A.L. Traditions and innovations in the labor culture of Russian workers *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 4. P. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6 (In Russ.)
7. *Tipologicheskii analiz v sotsiologii kak diagnosticheskaya protsedura: [Monografiya]*. [Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure: Monograph.] G.G. Tatarova, N. S. Babich [and others]; Ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: FNISTS RAN publ., 2023. 358 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023 (In Russ.)
8. Toshchenko Zh.T. *Paradoksal'nyi chelovek*. [Paradoxical man.] Moscow: UNITI-DANA publ., 2008. 543 p. (In Russ.)
9. Kharchenko K.V. Diagnostics of job satisfaction in the regulation of social and labor relations *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 7. P. 32–38. (In Russ.)
10. Shcherbina V.V. Sociological and diagnostic technologies in management: theoretical and methodological aspects of development and application. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007. No. 3. P. 30–42. (In Russ.)
11. Shcherbina V.V. *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsial'nye tekhnologii*. [Rationalizing diagnostic managerial social technologies.] Moscow: Novyi khronograf publ., 2018. 416 p. (In Russ.)

12. Yadov V.A. Attitude towards work: conceptual model and real trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1983. No. 3. P. 50–62. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander L. Temnitskiy — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,
Sociological Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);
Senior Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.
Phone: +7 (495) 434-94-26. **Email:** taleksandr@list.ru

Received: 05.04.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.11

EDN: YNJVUV

Э.Г. ЗАДОРЖНИЮК¹, Ю.В. КАЛИНИНА²

¹ Институт славяноведения РАН.
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а.

² Управление образовательной деятельности, Минздрав России.
119021, Москва, ул. Тимура Фрунзе, д. 16.

**ГОРШКОВ М.К., ШЕРЕГИ Ф.Э., ТЮРИНА И.О.
ВОСПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИАЛИСТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.
М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 382 С.**

Аннотация. В рецензируемой книге на основании результатов эмпирических исследований по проблемам воспроизводства специалистов, осуществленных Институтом социологии ФНИСЦ РАН и Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2017–2021 гг., обсуждаются тенденции процессов воспроизводства разных групп специалистов интеллектуального труда, а также их трудоустройства. В книге анализируются динамично меняющиеся условия профессиональной самореализации выпускников и их адаптации, обсуждаются трудности с воспроизводством инженерно-технических специалистов, обосновываются рекомендации по преодолению возникающих препятствий, даются взвешенные рекомендации по обеспечению гарантий трудоустройства выпускников, включая меры по оптимизации работы служб занятости в сотрудничестве с вузовскими центрами содействия трудоустройству. Выделены две социально значимые функции образования: интегрирующая, которая детерминирует восприятие новыми поколениями наличествующих распределительных отношений как социально справедливых, и дифференцирующая, которая рассредоточивает молодое поколение по ячейкам профессиональной структуры с учетом различий экономических интересов.

Ключевые слова: ротация кадров; «профессиональный балласт»; доступность образования; карьерный рост; центры трудоустройства; безработные; службы занятости; инженерно-технические специалисты.

Для цитирования: *Задоржнюк Э.Г., Калинина Ю.В.* [Рец. на кн.] Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023 // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 178–190. 10.19181/socjour.2023.29.3.11 EDN: YNJVUV

Рассматриваемая книга появилась в преддверии очередного реформистского сдвига в сфере высшего образования, контуры ко-

того были обозначены в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. и конкретизированы в выступлении главы Минобрнауки В.Н. Фалькова на заседании Совета ректоров 19 апреля 2023 г. Предлагается — пока в ходе апробации в 6 вузах РФ — ввести три уровня высшего образования: базовое сроком 4–6 лет, магистратура (специализированное) сроком 1–2 года и аспирантура (адъюнктура).

Общая задача исследования — способствовать приближению подготовки специалистов к запросам работодателей и усовершенствованию системы трудоустройства. На наш взгляд, изложенный в монографии богатый эмпирический материал и его вдумчивые трактовки предостерегают от того, чтобы этот сдвиг не превратился в некую очередную встряску, подобную внедрению Болонской системы.

Нет экономического развития без полноформатного использования образовательного потенциала, на что и указывают исследования, проведенные Институтом социологии ФНИСЦ РАН и Центром социального прогнозирования и маркетинга (два первых соавтора — руководители указанных структур), их надежные результаты и взвешенные рекомендации. В целом авторы подчеркивают: специалисты умственного труда — ранее интеллигенция — в наше время призваны осуществлять модернизацию отечественной экономики и входящих в нее инновационных производств. Авторы в связи с этим ставят задачу такого воспроизводства подобных специалистов, которое обеспечило бы технологический прогресс, эквивалентную ротацию поколений, ликвидацию дисбалансов социального характера.

А это непросто в условиях так и не завершившихся трансформаций отечественного социума. Российская Федерация декларирована как рыночное государство, но баланс спроса и предложения работников интеллектуального труда и сегодня с достаточной четкостью не определяется. «В итоге, — читаем в книге, — по целевому направлению предприятий в вузах сегодня учатся в среднем не более 6% студентов и еще 15–20% запрашиваются при выпуске предприятиями для работы (в среднем 2–4 человека на одно предприятие). *Сегодня доля выпускников, трудоустраиваемых гарантированно вузами, составляет в среднем 20–22% от общей численности выпускников*» (с. 11) (здесь и далее в цитатах курсив авторов книги. — Э. З., Ю. К.) В итоге образуется «профессиональный балласт»: специалисты или не занимаются тем, чему их учили, или зачастую пополняют ряды безработных.

На что и указывают результаты эмпирических исследований, проводившихся в основном в 2021 г. Институтом социологии РАН (респонденты — 4000 молодых специалистов 207 предприятий и учреждений в 41 субъекте РФ, эксперты — по 200 руководителей вузовских

служб трудоустройства выпускников и служб управления персоналом предприятий и учреждений, а также 41 руководитель территориальных (муниципальных) центров занятости населения в 41 субъекте РФ). Кроме того, как указывают авторы, «для формирования динамических рядов и изучения тенденций широко применяются данные государственной статистики с 1928 по 2021 г., а также результаты общероссийских исследований по проблематике профессиональной ориентации учащихся, проведенных в том числе Центром социального прогнозирования и маркетинга» (с. 13), а главное — дается их взвешенная социологическая интерпретация.

В первой главе авторы зафиксировали и проанализировали реципрокный характер связи сферы образования с целостным жизнеобеспечением социума: хорошее в одном побуждает к хорошему в другом, и наоборот. Для этого были выделены две функции образования: *интегрирующая* детерминирует восприятие новыми поколениями наличествующих распределительных отношений как социально справедливых; она по своей сути консолидирующая; *дифференцирующая* потенциально рассредоточивает молодое поколение по ячейкам профессиональной структуры с учетом экономических интересов в рамках структуры социальной. Отмечено, что жизненные траектории личности определяются стремлением к более высокому статусу, и опора на образование всегда играет при этом ключевую роль.

Как обстоит дело с этими функциями, обеспечивающими жизнеспособность современного социума, в частности с воспроизводством социальной структуры общества и сглаживанием межпоколенческих противоречий, связанных с распределительными отношениями? Регулирующую функцию системы образования авторы рассматривают на примере динамики количества вузов в период 1990/1991–2020/2021 гг. (с. 19–20, рис. 1): подъем (числа вузов) — плато (его превышение за тысячную отметку) — спад. При этом плато представало в виде плиты на системе высшего образования, с трудом поддающейся сдвигу. Итак, 1990/1991 г. — всего 514, и только государственных вузов; 1995/1996 г. — 762, из них негосударственных 193; начало плато 2000/2001 г. — лишь немногим меньше 1000 вузов с долей негосударственных от трети до едва ли не половины, и конец плато в 2010/2011 г. — 1115 вузов, из них 462 негосударственных. По оценке авторов, наращивание числа вузов в период радикального структурного переустройства общества лишь затрудняло трудоустройство граждан и отдаляло сроки вхождения молодежи в общественное разделение труда. Правда, это не только смягчало проблему безработицы, но и ослабляло «функцию образования по воспроизводству прогрессивной социально-профессиональной структуры» (с. 20).

Может, это на сегодняшний день и есть оптимальные численность и соотношение, ориентированные на устранение ряда профессиональных «балластов» и дисбалансов? В ответе на данный вопрос авторы обосновывают такую позицию: обеспечивает вуз продуктивное трудоустройство своих выпускников — честь ему и хвала, а также дотации, абстрагируясь от того, государственный он или нет. Не обеспечивает и должного минимума — выясняются причины и происходит его реформатирование. Заметим, что следовать подобной логике можно при внимательном рассмотрении большинства размещенных на рисунках и в таблицах высокоинформативных данных, не обязательно разделяя оценки авторов, скорее, обосновывая свои. Ибо скажем так: в одном свете видится все то же пройденное плато с позиций организаторов образовательного процесса в мегаполисе, в другом — в областном центре, и совершенно иначе — в регионе по преимуществу сельскохозяйственном или малозаселенном. Сегодня учить и помогать надо всем и всегда даже в условиях цифровизации (и в чем-то, при умелом внедрении, благодаря ей).

Из выделенных и охарактеризованных пяти широкопрофильных групп выпускников (см. с. 43–47) эти две — 5) врачи и 4) педагоги — характеризуются некоей стабильностью. Среди специалистов с высшим образованием доля первых была очень высокой до 1940 г. (более 15%) и относительно высокой — до 1960 г. (11,3%); после 1970 г. она стала снижаться и к 2020 г. составила 7%; в целом доля выпуска на медицинских факультетах в составе общего выпуска вузов установилась на уровне 8–7% в 1955–1995 гг. (после целых 27,1% в 1928 г.), а в 2000–2015 гг. упала до 4–3%, и только к 2020 г. вновь повысилась до 6,4%. Педагоги: в 1928 г. их выпуск составлял всего 6,2%, не менее 30% группа насчитывала с 1940 по 1990 г. (в 1955 г. — целых 41,5%), а к 2020 г. — всего 12,5%; в период 2010–2015 гг. численность учителей уменьшилась на 265 тыс. чел. Все же вслед за врачами в последние годы увеличивается спрос и на них...

Подвинулись вниз по численности запрашиваемых специалистов 3) экономисты, менеджеры, юристы и 2) специалисты по сельскому и лесному хозяйству. А что же группа 1) инженеры — ключевая не только по рейтингу, но и по значению? Им в книге уделяется первостепенное внимание и приводятся ободряющие показатели увеличения числа выпускников. Это не столько радует, сколько заставляет тщательнее всматриваться в востребованные профильные специальности: одно дело инженер-строитель, а другое — пресловутый «айтишник». В целом в ходе восстановления экономики страны молодежь стала ориентироваться на освоение реально востребованных специальностей и профессий, в том числе получаемых в системе среднего профес-

сионального образования, отсюда и резкое сокращение числа вузов. Парадокс? — Только не в логике авторского анализа.

Глава вторая — образно говоря, о двух чашах весов при выборе профессии: профориентации и профсамоопределении. На соответствующих путях всегда встречаются барьеры и ухабы: от процентной нормы в царские времена и до непринятия в вузы детей лишенцев во времена советские. Появлялись и новые — с 1990-х гг. квазирыночные, что повлекло за собой возникновение искусственно сконструированных профессий. И все же от медиков и педагогов не избавиться. Примечательное наблюдение: раньше всего у школьников формируется установка на медицинскую специальность — у 74,2% стремящихся стать специалистами — наивысший показатель среди других профессий (с. 76). При этом квазислучайно вовлеклись в изучение медицины лишь 16,8% школьников, наименьшая их доля.

В освоении других специальностей наблюдаются сбои, и оказывается, что многие составляющие профессионального «балласта» формируются еще в школе. На случайность выбора жаловались больше четверти студентов лицеев (27,3%), колледжей (25,1%) и, что особенно удручающе, вузов (27,8%) (с. 76). Получается, что немалое число уже довольно взрослых людей мучаются вопросами: зачем поступил? Что буду делать после окончания?

Из числа тех, кто учится по случайно выбранной специальности, наверное, некоторые руководствуются принципом: «стерпится — слюбится», все-таки становясь хорошими специалистами. Но все же большинство уходят в «балласт», который ранее увеличивался взрывоподобным ростом числа выпускников негосударственных вузов. В целом учатся в университете в соответствии со своими склонностями не более 60% студентов.

Почти каждый из них стремится получить качественное образование, именно оно являет собой «важный принцип жизни социально-ориентированного государства» (с. 87). По крайним точкам индивидуального и общего запроса на образование все вроде понятно хотя бы на уровне деклараций: индивид стремится — государство гарантирует. Проблемы возникают как раз посредине: на пути к высокому качеству образования встает такой мегабарьер, как его доступность. В силу этого «при общей удовлетворенности населения работой организаций общего образования не менее 50% не уверены в том, что школа сегодня способна гарантировать равенство шансов детей на получение качественного образования» (с. 88). Конечно же, настоятельно нужны гарантии того, чтобы качественное образование было доступно всем и везде, а достижение этого идеала невозможно без учета специфики и динамики рынков труда.

Дальнейшее изложение лишь подтверждает достоверность и надежность данного вывода. В заключение главы фиксируются региональные дисбалансы доступности образования и намечаются способы его преодоления. «Среди окончивших университет в мегаполисах 99,2% школу также окончили в мегаполисах, т. е. Москва и Санкт-Петербург свои кадры интеллектуального труда воспроизводят в “своих” же вузах». В Южном федеральном округе этот показатель равен 93,7%, в Приволжском — 94,1%, Уральском — 97,4%, Сибирском — 94,6%, Дальневосточном — 96,5%, Северо-Кавказском — 78,7%, Центральном — 64,5%, Северо-Западном — 33,3% (с. 102). Отмечено, что выпускники школ из последнего региона поступают преимущественно в вузы второй столицы. Конечно, это не может не деформировать рынки труда и вряд ли способствует оптимальному профессиональному самоопределению.

Третья глава об условиях профессиональной самореализации выпускников вузов начинается с не внушающей радости констатации: «Сегодня в Российской Федерации на 1000 человек трудоспособного возраста приходится 775 человек “демографической нагрузки” (нетрудоспособного населения): 332 ребенка и 443 пенсионера, т. е. соотношение долей населения трудоспособного возраста и потенциально находящихся на иждивении составляет соответственно 49% : 51%, что является значительной налоговой нагрузкой на занятое население при формировании социальных фондов» (с. 103–104). Нерадостная статистика и для выпускников — им придется работать больше и интенсивнее.

На несбалансированный рынок труда, кроме того, влияют перенаселенность сел (оцениваемая «с позиции рентабельности сельскохозяйственного производства» (с. 105), как отмечают авторы) и ожидаемая миграция из них в города; приток в Россию в основном неквалифицированных иностранных рабочих и лишь небольшой части специалистов; отток как раз квалифицированной рабочей силы, включая уникальных специалистов; «теневая» занятость населения. По заключению авторов, на рынке труда первые два фактора усиливают, а третий ослабляет конкуренцию; четвертый в условиях экономического роста ослабляет конкурентоспособность, а в условиях кризиса усиливает ее.

Запросы работодателей полностью удовлетворяют 46% вновь приобретенных кадров, а 54% — частично (с. 128); в третьей главе обосновываются меры продолжительной и полномасштабной адаптации, ориентированные на то, чтобы эти две цифры поменялись местами. «По мнению большинства экспертов, среднее значение времени, необходимое для психологической адаптации молодого специалиста к работе в трудовом коллективе, — 4 месяца. Для адаптации к работе

по профилю производственных задач трудового коллектива молодому специалисту необходимо в среднем 6 месяцев. Для того чтобы выпускник университета стал в квалификационном отношении полноценным работником, необходимо в среднем 14 месяцев, т. е. больше года» (с. 141). Конечно, эти временные отрезки варьируются в зависимости от освоенной в ходе обучения специальности, но на них ориентироваться можно.

Авторы обеспокоены скудостью форм и качеством сотрудничества вузовских и муниципальных служб содействия выпускникам вузов в трудоустройстве; оно носит зачастую эпизодический характер. Так, вузовский центр редко обращается с запросами в службу с предложением о сотрудничестве, притом что 81,6% руководителей муниципальных служб занятости предоставляют ему информацию об имеющихся в городе вакансиях, но не всегда получают конкретные предложения в ответ (с. 211). Близки к оптимальному уровню эти контакты для вступающих в профессию медиков, на что указывают статистические данные, в том числе приведенные в таблицах и на рисунках (с. 212). На наш взгляд, меры по обеспечению воспроизводства специалистов данного профиля могли бы стать образцовыми и для специалистов других профилей, что авторами книги не утверждается, но лишь предполагается и представляет собой задачу дальнейших исследований.

Глава четвертая — тоже об условиях, но уже не трудоустройства, а собственно труда. «По мнению 61,8% опрошенных в 2021 г. молодых специалистов, содержание выполняемой ими работы в полной мере совпадает со специализацией, которую они получили в университете; по мнению 27,6% — совпадает частично; 10,6% — не совпадает. Итого *содержание выполняемой работы не совпадает со специализацией, которую получили в университете, у 38,2% молодых специалистов, имеющих стаж работы 1–5 лет после выпуска из университета*» (с. 214). Данный общий вывод вполне убедителен, причем для практических работников особо интересны выделенные параметры по профилям специальностей. Убедительны и три взвешенные рекомендации авторов по взаимодействию двух вышеуказанных условий: молодому специалисту должна быть репрезентована перспектива карьерного роста — при купировании установки на бесосновательный карьеризм; ему следует обеспечить комфортные условия труда или хотя бы приемлемые; важен и подходящий психосоциальный и коммуникационный климат. Авторы характеризуют причины горизонтальной миграции, в принципе, неустранимой на рынке труда, зафиксирована тенденция к ее уменьшению.

В заключительной, пятой, главе анализируются процессы воспроизводства научных кадров в условиях роста спроса на них — по количеству и, главное, по качеству. Трудно было сохранить престиж

научного исследователя, когда с 1995 по 2005 г. доля научных организаций сократилась на 12,3%, или на 500 единиц, а количество научных работников — вдвое больше — на 24%, или на 124,6 тыс. человек; ситуация сохранялась, и к 2019 г. в сфере исследований и научных разработок было занято 682,5 тыс. человек — на 7,3 п.п. меньше, чем в 2010 г. (с. 250). Их сегодня крайне недостаточно, однако показатель затрат на научные исследования в сторону увеличения меняется крайне медленно.

Все же тенденция к качественному воспроизводству кадров не могла не меняться — и сфокусированный взгляд в книге направлен на институт аспирантуры; к некоторым аспектам ее функционирования авторы всегда относились остро критически. Действительно, наука хирела, а число аспирантов росло. Почему все туда рвались? Потому, что решались проблемы, далекие от собственно науки. Создалась ситуация децимации (принцип войска Древнего Рима, в соответствии с которым наказание нес каждый десятый из не выполнивших приказ) наоборот. Так, в 2019 г. диссертации были защищены лишь 10,4%, в 2020 г. — 8,9%; лишь примерно каждый десятый аспирант выполнил свой «долг» (с. 254). Еще одна децимация наоборот: по опросам, на прорывы в науке были ориентированы всего 10% (а 20% из них с трудом представляли, чем они будут заниматься после окончания аспирантуры) (с. 259). Во многом и поэтому Президенту РФ в Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. пришлось обозначить аспирантуру как отдельный уровень профессионального образования с задачей готовить кадры для научной и педагогической деятельности.

В книге отмечена важная роль дополнительного профессионального образования, которое обеспечивают главным образом государственные структуры, — 62% (из них 18,7% — через государственные курсы), а также негосударственные учреждения — 15,3%, частные — 6,8%, дистанционное обучение — 2%, и наконец, самообразование — 13,9% (с. 302). Мотивы заявок на эту форму повышения квалификации у специалистов социально-гуманитарного профиля, можно сказать, в первую очередь прагматические: для карьерного роста — 43,9%, для укрепления позиций в профессии — 38%, для повышения шансов на рынке труда — 24,9%. Но не только: стремятся к самосовершенствованию — 24%, повышению престижа профессии — 10,9%. Есть и «насильственные» причины: для смены профессии — 9,3% и по настоянию работодателя — 0,9% (с. 303). На наш взгляд, эти показатели помогают уточнить характер педагогических стратегий и тактик в дополнительном образовании; наиболее сбалансированно они работают при переподготовке медиков.

Тревогу вызывают трудности устранения «профессионального балласта» среди инженерно-технических кадров: в 2017–2021 гг. по той

специальности, которую освоили в профильном университете, работали 71,7%, 18,3% — по смежной, 10% — совсем не по той (с. 327–328). Одни уходили из специальности потому, что так захотели сами, другие потому, что не были удовлетворены оплатой труда. И еще: 13% молодых специалистов инженерно-технического профиля, имеющих стаж работы 1–5 лет после выпуска, считали, что сделали ошибочный выбор в вузе.

Ситуацию призваны изменить такие меры, как производственные практики и студенческие стажировки, которые одобряют и реализуют ведущие компании РФ; участие их сотрудников в преподавательской работе и совершенствовании учебных программ; содействие методикам непрерывного образования; привлечение к системе практик и стажировок научно-преподавательских кадров вуза. Вероятно, в ходе реализации этих мероприятий принцип «стерпится» и будет заменен принципом «слюбится», но пока получается, что факультеты инженерно-технического профиля прямую функцию воспроизводства своей страты специалистов на 25% не выполняют. Это поданный авторами тревожный, но услышанный сигнал, который и вызвал принятые весной 2023 г., уже после выхода книги, упомянутые выше мероприятия.

В заключении авторы обосновывают свои рекомендации по трудоустройству выпускников, даваемые в двух модальностях: «необходимо» и «целесообразно». Рассмотрим список из 14 мер (с. 337–340; затерялся почему-то пункт б), расположив их в ином по сравнению с авторским порядке; при этом надо помнить, что порой иная целесообразность является более оправданной и насущной, чем необходимость. Так, было необходимо устанавливать пандусы для инвалидов в вузах, включая институты физкультуры — устанавливали и спешно отчитывались. А вот целесообразность создания дифференцированных служб по трудоустройству выпускников зачастую выглядела не совсем обязательной — и вуз незаметно хирел... Такого рода соображения будем иметь в виду, внимательно учитывая эти модальности. В нашей разбивке рекомендаций на группы подчеркнем особо: все они сущностно связаны друг с другом.

Начнем с конца. I. Необходимо во всей полноте и с должной глубиной внедрять такие целесообразные в практике реального трудоустройства меры, как: 8) реализация госпрограмм по обязательному распределению с предоставлением жилья специалисту при выезде в другой регион на 3–5 лет; 9) проведение за 3–4 месяца до выпуска маркетинговых исследований рынка труда через зондаж запросов предприятий и учреждений; 13) введение в вузах некоей учебной дисциплины по вопросам трудоустройства, включающей технологию подготовки резюме, практику прохождения собеседования, приемы тестирования (назовем ее от себя «всеобучем по трудоустройству»); 14) сбор мнений

бывших выпускников о степени совпадения обещаний работодателей с ожиданиями выпускников (на наш взгляд, получаемая при этом картина любопытна не только для тех и других).

II. Предварительным делом по отношению к этим мерам можно считать ярмарки вакансий, ориентированные на: 4) проведение встреч в вузах работодателей со студентами, включая лекции по профориентации будущих выпускников; 12) создание централизованной электронной базы данных относительно вакансий по РФ и ее субъектам.

III. Что касается хода самого обучения, то здесь явно важны: 3) повышение профессиональных навыков в ходе производственной практики студентов на предприятиях и в учреждениях с учетом современных технологических условий производства; 5) приведение в соответствие их специализации с актуальными запросами предприятий при их модернизации; 7) обеспечение возможности во время обучения и каникул работать для приобретения опыта в соответствии с договорами о сотрудничестве.

IV. Наконец, последнее (конечно же, не по важности): 1) разработка многоуровневой долгосрочной программы социального заказа с учетом перспектив экономического и социального развития экономики; 2) содействие расширению приема в вузы молодежи, обучающейся по целевому направлению предприятий (учреждений).

Возможны и другие варианты деления рекомендаций, но без реализации указанных — целесообразно необходимых и необходимо целесообразных — мер трудно решить проблему удручающего профессионального дисбаланса, когда пятая доля, а то и четверть от всех выпускников не трудоустраиваются; при этом лишь все та же четверть обращаются в центры содействия трудоустройству (с. 337). По нашему убеждению, выстроенная с учетом этих рекомендаций дифференциация задач центров и служб трудоустройства могла бы «перевернуть» это соотношение и довести долю в них обращающихся до 75%.

Авторы фундаментального исследования не обратили должного внимания при рассмотрении проблем воспроизводства специалистов на новые формы поддержки вузов как ключевых структур в рамках Научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня — наряду с региональными властями, научно-исследовательскими институтами, бизнес-структурами. В 2019–2021 гг. было образовано 15 НОЦ; в них вошли в качестве организаторов субъекты федерации, представленные в наблюдательных советах (презентацию НОЦ осуществляли в основном губернаторы или их заместители); образовательные организации, которые ориентируются на научные разработки в ходе кадрового обеспечения НОЦ (многие студенты входящих в НОЦ вузов сразу же вовлекаются в «дело», получая материальное вознаграждение и моральное поощрение); учреждения академической и научно-исследовательской

направленности, соучаствующие в решении задач прикладного характера; предприятия реального сектора экономики, нацеленные на внедрение технологических инноваций с опорой на местные ресурсы и человеческий капитал. Источниками финансирования НОЦ являются федеральный бюджет, включая гранты Правительства РФ (этот признак определяет их включение в единую программу), целевые средства из бюджета регионов и внебюджетные источники бизнес-структур. В первом призыве 2019 г. из пяти НОЦ три были моносубъектными, во втором и третьем — по одному, в дальнейшем и они стали полисубъектными, как, к примеру, НОЦ «Инновационные решения в АПК» (Белгород), а затем они стали налаживать отношения и между собой; последнее и весьма ободряющее известие в этом плане — договор о сотрудничестве с самым северным НОЦ «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования» (Архангельск), который был заключен на Петербургском экономическом международном форуме весной 2023 г. Есть основания предполагать, что дела и в других НОЦ идут хорошо, демонстрируя эффективность наукоемкого бизнеса в частности через привлечение высококомпетентных выпускников вузов и новых поколений исследователей (об этом свидетельствует постоянно обновляемая информация на сайте НОЦ.РФ). Правда, деятельность НОЦ лишь разворачивалась в ходе проведения рассматриваемых социологических исследований, но функционировали такие организационные структуры, направленные на решение аналогичных задач, как «Проект 5–100»¹ и сеть национальных исследовательских университетов; они, к сожалению, упоминались в монографии лишь мельком.

Рецензируемая работа может произвести обманчивое впечатление сухого документа, однако история о столь затянувшихся болезнях воспроизводства кадров и их трудоустройства читается с большим интересом. Ведь сегодня следует целенаправленно избавляться от переизбытка выпускников одних специальностей и недостатка других — особенно это актуально для предприятий, нацеленных на инновации. Эта задача безальтернативна: без того, что авторы именуют сбалансированным воспроизводством специалистов интеллектуального труда, причем дифференцированным и зрячим — с опорой на науку, само существование отечественного социума ставится под вопрос.

¹ «Проект 5-100» (*The Russian Academic Excellence Project*) — российская государственная инициатива по адаптации университетов к мировым стандартам и включению их в международную образовательную среду, основной целью которой было вхождение 5 российских вузов в топ-100 мировых рейтингов. Пятилетний проект был запущен в 2012 г., позднее был продлен до 2020 г. — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрин И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 382 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Задорожник Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт славяноведения РАН РФ.

Телефон: +7 (495) 938-17-80. **Электронная почта:** elzador46@mail.ru

Калинина Юлия Владиславовна — специалист по управлению образовательной деятельностью, Управление образовательной деятельности, Минздрав России.

Телефон: +7 (499) 245-45-81. **Электронная почта:** kalinina-cniis@mail.ru

Дата поступления: 14.06.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 178–190. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.11

Review

ELLA G. ZADOROZHNYUK¹, YULIA V. KALININA²

¹ Institute of Slavic Studies of RAS.

32a, Leninsky Av., 119991, Moscow, Russian Federation.

² Ministry of Health of the Russian Federation.

16, Timura Frunze Str., 119021, Moscow, Russian Federation.

[REV.] GORSHKOV M.K., SHEREGI F.E., TYURINA I.O. VOSPROIZVODSTVO SPETSIALISTOV INTELLEKTUAL'NOGO TRUDA: SOTSIOLOGICHESKII ANALIZ.

[REPRODUCTION OF SPECIALISTS IN INTELLECTUAL LABOR:

SOCIOLOGICAL ANALYSIS.] MOSCOW: FNISC RAN PUBL., 2023.

Abstract: Based on the results of empirical studies on the problems of reproduction of specialists carried out in 2017–2021, the Institute of Sociology of FCTAS RAS and the Center for Social Forecasting and Marketing discuss the trends in the processes of reproduction of different groups of specialists in intellectual labor, as well as their employment. The book analyzes the dynamically changing conditions for the professional self-realization of graduates and their adaptation, discusses difficulties with the reproduction of engineering and technical specialists, justifies recommendations for overcoming emerging obstacles, and provides balanced recommendations for ensuring the employment of graduates, including measures to optimize the activities of employment services in cooperation with university centers to promote employment. Two socially significant functions of education are identified: of integrating, which leads new generations to perceive the existing distribution relations as socially fair, and of differentiating, which disperses the younger generation into the cells of the professional structure, while taking into account differences in economic interests.

Keywords: rotation of personnel; “professional ballast”; access to education; career growth; employment centers; unemployed; employment services; engineering and technical specialists.

For citation: Zadorozhnyuk, E.G., Kalinina, Yu.V. [Rev.] Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo Spetsialistov intellektual'nogo Truda: Sotsiologicheskii Analiz.* [Reproduction of Specialists in Intellectual Labor: Sociological Analysis.] Moscow: FNISC RAN publ., 2023. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 2023. Vol. 29. No. 3. P. 178–190. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.11

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo Spetsialistov Intellektual'nogo Truda: Sotsiologicheskii Analiz.* [Reproduction of Specialists in Intellectual Labor: Sociological Analysis.] Moscow: FNISC RAN publ., 2023. 382 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ella G. Zadorozhnyuk — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Phone: +7 (495) 938-17-80. **Email:** elzador46@mail.ru

Yulia V. Kalinina — Chief Specialist, Department of Educational Activities, National Medical Research Center, Ministry of Health of the Russian Federation.

Phone: +7 (929) 574-72-58. **Email:** kalinina-cniis@mail.ru

Received: 05.04.2023.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова

Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.

Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2023. Том 29. № 3. Подписано в печать 23.09.2023.
Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.
Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:
ООО «Галлея-Принт»
Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б